

The Elder Scrolls V

SKYRIM®
ТАИНСТВА

Скайрим. Таинства

Special thanks to Steve Perkins and Paris Nourmohammadi with Bethesda Softworks, and Todd Howard with Bethesda Game Studios.

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.,
144 Southwark St., London, SE1 0UP, United Kingdom.

Перевод текстов в этом издании приводится по официальной русской локализации игры.

Перевод книг, впервые опубликованных в более ранних играх серии (THE ELDER SCROLLS IV: Oblivion®, THE ELDER SCROLLS III: Morrowind® и др.), выполнен коллективом сайта tes.ag.ru и также приводится по официальной русской локализации. Редактор перевода Наталья "Santera" Рахманова, координатор Сергей "DJ Kovrik" Васильченко.

THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM®
THE SKYRIM LIBRARY, VOLUME II: THE ARCANE

© 2018 Bethesda Softworks LLC, a ZeniMax Media company. The Elder Scrolls, Skyrim, Oblivion, Morrowind, Dragonborn, Bethesda, Bethesda Softworks, Bethesda Game Studios, ZeniMax and related logos are trademarks or registered trademarks of ZeniMax Media Inc. in the US and/or other countries. All Rights Reserved.

© Издательство АСТ, 2018

* * *

Магия

Восстановление Арканы: Справочник

Вапна Нестра, заслуженный процептор

ШАГ ПЕРВЫЙ: Создай Фонтан Маны, дабы получить Чистое Золото, ибо только с помощью Чистого Золота дух может быть очищен, и Чистые Законы возникнут из хаоса Чистой Энергии. Брось Чистое Золото в Фонтан Маны. Будь осторожен и огради себя от вредных вспышек Фонтана Маны, ибо они могут поразить Мором здоровье.

ШАГ ВТОРОЙ: Не забудь захватить с собой этот Великолепный Справочник, чтобы не забыть необходимые Слова. Произноси Слова без ошибок, иначе можешь повредить не только себе, но и Миру, окружающему тебя.

ШАГ ТРЕТИЙ: Возьми предмет, который следует Восстановить, и подставь под Фонтан, произнося необходимые слова. Эти слова есть в этом руководстве, и их следует заучить, чтобы произносить безошибочно. Только в этом руководстве найдешь ты верные слова. Забудь о подлой клевете Харнесона и Раттора, завидующих великим моим знаниям, которые неверно приводят слова завета в своих справочниках.

ШАГ ЧЕТВЕРТЫЙ: Немедленно Излечи себя от всех повреждений или воспользуйся целебными силами Храмов Целителей, ибо хотя страшная агония постигнет каждого, кто восстановит Аркану полностью, не стоит терпеть эти страдания. Боль не прибавит силу Аркане, несмотря на все глупые доказательства обратного со стороны Ханерсона и Раттора.

Переписка Карвика и Конинга

Книга I

6-е Высокого солнца, 3Э 411

Камбрия, Хай Рок

Дорогой Конинг,

Надеюсь, это письмо достигнет тебя в Садрит Море. Уже много недель я не получал вестей от тебя, и я надеюсь, что адрес, который ты мне дал, еще не устарел. Я накинул несколько золотых сверх платы курьеру, поручив ему расспрашивать о твоём местонахождении в том случае, если он сразу тебя не найдет. Как можешь заметить, после довольно утомительного перехода я наконец перебрался из Бориана в мое любимое княжество Хай Рока, на удивление просвещенную и неизменно пленительную Камбрию. Я провожу целые дни в одной из лучших здешних библиотек, освежая свое знакомство с местными обычаями и традициями. Рискуя показаться чересчур оптимистичным, скажу, что, кажется, наткнулся на кое-что весьма любопытное касательно этого загадочного Хадуафа Нейтвира. В городе его помнят многие, но память эту нельзя назвать светлой. Когда Хадуаф Нейтвир ушел, тут же прошла и великая чума. Мало кто считает это совпадением.

Как мне здесь сообщили, Азура для него не единственная госпожа. Он призвал даэдра и получил от нее Звезду, но, вероятно, сделал это для некоего Балиазира. Похоже, Нейтвир работал на Балиазира, но никто не смог мне рассказать, чем собственно занимался Балиазир и что для него делал Нейтвир. Зенитар, бог труда и торговли, весьма почитаем в Камбрии, что послужило моим (вернее, нашим)

интересам, так как люди здесь охотно берут взятки. Но проку от этого было немного, и мне не удалось узнать ничего примечательного об интересующей нас личности. После долгих дней расспросов, одна старуха посоветовала мне навестить близлежащую деревеньку Гримтри Гарден и разыскать там кладбищенского смотрителя. Я тот же час отправился туда.

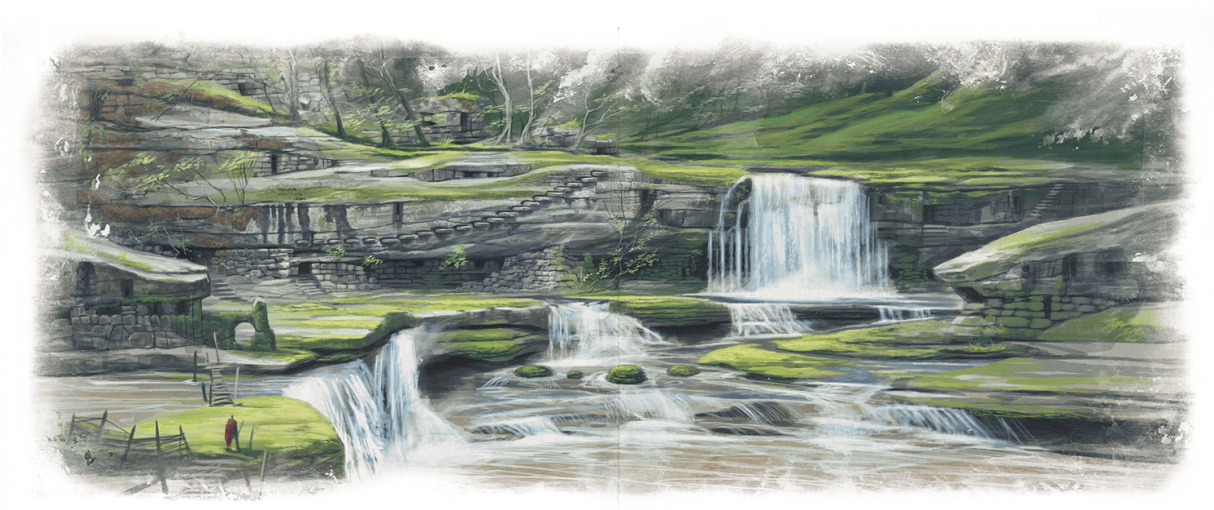
Знаю, что на детальные описания твоего терпения не хватит и что особого пристрастия к бретонской архитектуре ты не питаешь, но если тебе случится оказаться в центральной части Хай Рока, ты просто обязан посетить эту чудную деревушку. Как и прочие подобные городки в Хай Роке, она окружена высокой стеной. Довольно живописное, сие наследие беспокойного прошлого края служит преградой сверхъестественным тварям, что иной раз забредают в сельскую местность. Об этом я тоже сейчас напишу.

Кладбище оказалось за городскими воротами. Местные жители меня предупреждали, чтобы я отложил беседу со смотрителем до утра, однако мне не терпелось получить новые сведения, и я не стал терять времени. Через лес я добрался до одинокого кладбища, и тут нашел еле волочащего ноги старика, который и был смотрителем. Он велел мне уходить, говоря, что в этом месте водится нечисть и, оставшись здесь, я подвергну себя величайшей опасности. Я сказал ему, что не уйду, пока он не расскажет мне все, что ему известно о Хадуафе Нейтвире и его нанимателе Балиазире. Едва заслышав их имена, он бросился прочь, в дебри развалившихся надгробий и обветшалых мавзолеев. Само собой, я устремился за ним.

Я увидел, как он пробрался внутрь огромной крипты, и кинулся следом. Внутри не было ни огонька, но я предусмотрительно захватил с собой факел. Лишь только я его зажег, дикий рев пронзил тишину, и я понял, что смотритель ретировался столь поспешно не только из боязни говорить о Нейтвире и Балиазире. Еще до того, как я увидел зверя, я услышал, как его тяжелое дыхание и стук когтистых лап по каменному полу приближаются ко мне. Вервольф выступил из мрака – буро-черный, с пастью, истекающей слюной, и смотрел он

на меня глазами кладбищенского смотрителя, в которых теперь горел лишь звериный голод.

Инстинкт тут же подсказал мне три различных выхода. Во-первых, я мог бежать. Во-вторых, сражаться. Но, если бы я бежал, я мог больше не найти смотрителя и не узнать, что ему известно. А если бы сражался, то мог бы ранить или убить зверя, что было бы еще хуже. И потому я избрал третий вариант: обороняться, удерживая зверя в гробнице до тех пор, пока утро не сменит ночь, и смотритель не вернется к своему человеческому облику.

Мне не раз приходилось сражаться без доспехов, но ни в одной из схваток я не рисковал столь многим, как и не бился со столь свирепым противником. Я непрестанно осознавал опасность получить не только ранение, но и страшную заразу – ликантропию. Я уклонялся от каждого взмаха его когтей, раз за разом избегал хватки его покрытых пеной клыков. Я отступал в сторону, когда он пытался меня сбить, но всякий раз сокращал дистанцию, чтобы не

дать ему возможности скрыться в ночи. Битва шла часами, я держал оборону, а оборотень продолжал попытки прорваться на свободу или убить меня, а то и все вместе. Не сомневаюсь, что запаса энергии у твари куда больше, чем у человека, но ведь это лишь зверь, который не знает, как управлять собой и своими движениями. К рассвету мы оба были на грани потери сознания от усталости, но своего я все же добился. Зверь вновь стал человеком.

На этот раз он был куда более любезен, чем прежде. Узнав, что я не дал ему учинить разбой в окрестностях этой ночью, он проникся ко мне искренним дружелюбием. Вот что я узнал: Нейтвир так и не вернулся в Хай Рок. Насколько старику известно старику, тот все еще в Морровинде. Я посетил могилу его сестры Перайры и выяснил, что, вероятно, именно она познакомила Нейтвира с его нанимателем. По-видимому, в свое время она была довольно известной куртизанкой и изрядно поколесила по свету, однако умирать приехала на родную землю. В отличие от Нейтвира, Балиазир сейчас находится недалеко от меня. Хоть он и предпочитает держаться в тени, смотритель мне сообщил, что недавно его видели при дворе королевы Элисаны в Вэйресте. Туда я и отправляюсь.

Пожалуйста, при первой возможности сообщи, как у тебя дела. В ближайшую неделю я переберусь в Вэйрест и остановлюсь в доме своего друга, леди Элисбетты Мерлинг. Если Балиазир еще при дворе, леди Мерлинг сможет нас друг другу представить.

Уверен, мы уже очень близки к Звезде Азуры.

Твой друг,

Карвик

Книга II

3-е Последнего зерна, 3Э 411

Тель Арун, Морровинд

Мой добрый друг Карвик,

Твое письмо, датированное 6-м Высокого солнца и направленное по моему адресу в Садрит Море, я получил лишь на прошлой неделе. До тех пор я не знал, куда писать тебе о моих успехах в поисках Хадуафа Нейтвира, поэтому это письмо я высылаю на имя упомянутой тобой леди Элисбетты Мерлинг. Надеюсь, что, если ты уже покинул ее дворец, она будет знать, куда ты направился, и перешлет тебе это письмо. Смею также надеяться, что оно достигнет тебя скорее, чем твое письмо достигло меня. Мне очень важно как можно быстрее получить твой ответ, так мы сможем скоординировать наши дальнейшие действия.

Здесь мои приключения состоят из двух актов, один – до получения твоего письма, второй – сразу после. Пока ты преследовал трудноуловимого обладателя Звезды Азуры на его родном Западе, я искал его здесь, где, как мы полагали, он призвал принца даэдра и получил от нее артефакт.

Как и ты, я легко нашел людей, слышавших о Нейтвире или даже знавших его лично. Вскоре после того, как мы расстались и ты отправился к заливу Илиак, я повстречал кое-кого, кто знал, куда Нейтвир отправился для совершения обряда, и я тут же поехал сюда, в Тель Арун. Найти лицо, знающее об этом деле, было непросто – им был жрец-отступник по имени Минерат. Властвующие в Морровинде Храм и Трибунал склонны смотреть на его орден с неодобрением, и, хоть пока против них не объявлена священная война, ходят толки, что до этого недалеко. Вот поэтому жрецы вроде Минерата опасливы и склонны всего бояться. Таким сложно назначать встречи.

В конце концов он сообщил, что согласен поговорить со мной в «Заговоре и зелье», крошечной таверне, в которой даже не было съемных комнат. На нижнем этаже несколько человек в плащах сидели всей гурьбой вокруг единственного на весь трактир стола. Они обыскали меня на предмет наличия оружия, но, конечно, ничего не нашли. Ты же знаешь, что в моем любимом методе ведения дел оно не требуется.

Когда все убедились, что я не представляю опасности, один из одетых в плащи представился Минератом. Я заплатил ему обещанное золото и спросил, что ему известно о Хадуафе Нейтвире. Он припомнил его без труда и сказал, что после обретения Звезды парень собирался вернуться в Хай Рок. Судя по всему, там его ждали незаконченные дела. Больше ничего он сообщить не мог, а я не придумал, что еще у него спросить.

Мы распрощались, и я решил ждать твоего письма в надежде, что тебе удалось найти Нейтвира, а то и саму Звезду. Должен признаться, что отсутствие вестей от тебя, затянувшее мое пребывание в Морровинде, начало склонять меня к сомнениям насчет твоей честности. Прости за такие слова, но я было стал опасаться, что ты решил забрать артефакт себе. Я даже подумывал сам отправиться в Хай Рок, когда наконец пришло твое письмо.

Твой рассказ о приключениях на кладбище Гримтри Гарден и сведения, полученные от зрителя-оборотня, побудили меня еще раз встретиться с Минератом. Так начинается второй акт моей повести.

Я вернулся в «Заговор и зелье», решив, что жрец наверняка часто бывает в этих местах, раз не боится назначать здесь свои тайные встречи. Некоторое время я провел в поисках, пока не встретил его – мне даже повезло, ибо он был один. Я окликнул его по имени, и тот поспешно увлек меня в темный переулок, опасаясь быть увиденным ординатором Храма.

Это редкое и прекрасное событие – жертва настойчиво тянет своего убийцу в уединенное место.

Я тут же стал расспрашивать его о таинственном покровителе Нейтвира, которого ты упоминал, Балиазире. Он утверждал, что никогда не слышал это имя. Не дожидаясь окончания нашей непринужденной беседы, я напал на жреца. Конечно, это было для него полной неожиданностью. В ряде случаев это работает куда лучше, чем нападение со спины. Сколько бы раз я это не делал, еще никто не смог предугадать, что столь любезный собеседник может схватить за горло.

Я с силой надавил на свою излюбленную точку в мягкой части горла, чуть ниже щитовидного хряща. Он не успел вовремя отреагировать на мой выпад и попытаться отбиться, а теперь уже было слишком поздно. Жрец стал терять сознание, а я шепнул, что слегка ослаблю свою хватку, чтобы он мог говорить и дышать, но тотчас сверну ему шею, если тот попытается звать на помощь. Он кивнул, и я ослабил давление – самую малость.

Я еще раз спросил его о Балиазире, но он вновь замотал головой, уверяя, что никогда не слышал этого имени. По его испуганному виду я счел, что он говорит правду, а потому спросил, не знает ли он хоть кого-нибудь, кому могло быть что-либо известно о Хадуафе

Нейтвире. Он сказал, что при совершении обряда также присутствовала некая женщина, которую тот представил как свою сестру.

Тогда я припомнил, что в своем письме ты упоминал о могиле сестры Нейтвира, Перайры. Когда я упомянул это имя, жрец отчаянно закивал, но к тому моменту я уже почувствовал, что допрос зашел в тупик. Есть нечто, что заставляет людей, когда их душат, отвечать на любой вопрос «да». Я свернул Минерату шею и возвратился домой.

Так что теперь я вновь не знаю, как нам продвинуться. Я вновь расспросил всех, и некоторые из видевших Нейтвира смогли вспомнить, что с ним была женщина. Иные даже подтвердили, что он называл ее сестрой, а кое-кто припомнил, что ее звали Перайра, хотя и не вполне в этом уверены. О Балиазире, однако, не слышал никто.

Если в течение пары недель я не получу твоего ответа на это письмо, то отправлюсь в Хай Рок, поскольку большинство здесь полагает, что Нейтвир вернулся туда. Я задержусь здесь лишь на время проверки, нельзя ли в Морровинде получить иные сведения, которые приблизили бы нас к Звезде Азуры.

Твой друг,

Конинг

Книга III

13-е Последнего зерна, 3Э 411

Вэйрест, Хай Рок

Дорогой Конинг,

Прошу прощения за небрежность почерка – дело в том, что мне недолго осталось жить. Я могу подробно ответить лишь на часть твоего письма, а именно, что Балиазир, вопреки твоим сведениям, совершенно реальное лицо. Будь он лишь порождением фантазии зрителя, я бы сейчас не чувствовал, как жизнь покидает меня.

Леди Мерлинг послала за целителями, но они не успеют, я знаю. Мне осталось лишь объяснить тебе, что со мной случилось, и тогда мои дела в этом мире будут завершены. Единственный плюс моего состояния в том, что я вынужден быть краток, вопреки своему обыкновению красочно описывать места и людей. Уверен, хоть это тебя порадует. Все началось с моего приезда в Вэйрест, после того как моя дорогая леди Мерлинг, задействовав свои связи при дворе, представила меня Балиазиру лично. Мне пришлось действовать с осторожностью, чтобы тот не раскрыл наши планы в отношении Звезды Азуры, ибо полагал, что он уже получил ее от нанятого им Хадуафа Нейтвира. При дворе королевы Элисаны он не играл какой-либо особой роли, впрочем, как и многие другие ее бездельники-придворные. Я без труда сумел выделиться на общем фоне, когда мы завели разговор о школе мистицизма. Многие дворцовые приживалы способны поддержать светскую беседу о магических искусствах, но только Балиазир и я, похоже, имели глубокие познание в вопросе.

Многие дворяне и искатели приключений, не занимаясь магией профессионально, выучивают одно-другое заклинание таких полезных школ, как восстановление и разрушение. Я честно признался Балиазиру, что такого я не учил (ох, но как бы мне сейчасгодились какие-нибудь исцеляющие заклинания школы восстановления), однако обладаю некоторыми навыками в области мистицизма. Конечно, они не открывают мне дороги в орден Псиджиков, но телекинезом, паролем и отражением заклинаний я на

любительском уровне пользоваться мог. Похвала, которой он отреагировал на мои слова, позволила мне перевести тему на другое заклинание мистицизма – захват душ.

Я сказал, что заклинание я не знаю, но мне хотелось бы узнать о нем больше. Вслед за этим я как бы невзначай заговорил о Звезде Азуры, бездонном колодезе душ. Ты не представляешь, скольких усилий мне стоило сдерживать свое волнение, когда он наклонился ко мне и прошептал: «Если вас это интересует, приходите к Кургану Клитика на запад от города завтра ночью».

Я был не в силах заснуть. Все, о чем я думал – как заполучить Звезду, когда он покажет мне ее. Я все еще знал слишком мало о Балиазире, его прошлом и его способностях, но такой прекрасный шанс нельзя было упускать. Признаться, я все же надеялся, что ты исполнишь свою угрозу и прибудешь сюда – такой боец, как ты, мне очень бы пригодился. Силы продолжают оставлять меня, пока я это пишу, так что далее изложу лишь основные факты. Я отправился в склеп следующей ночью, и Балиазир провел меня через тамошний лабиринт к хранилищу, где он держал Звезду. Мы вели непринужденную беседу, что, как ты любишь говорить, является идеальным моментом для нападения. Я схватил Звезду и вытащил свой клинок с невероятной быстротой – так мне казалось.

Он повернулся ко мне, и внезапно я почувствовал, что мои движения стали медленными, как у улитки. Озарившись вспышкой, Балиазир изменился и явил свой истинный облик – не человека и не мера, но даэдра. Огромный лорд даэдра выхватил Звезду у меня из рук и рассмеялся над моим мечом, которым я безуспешно пытался пронзить его непробиваемую шкуру.

Я понял, что потерпел поражение, и бросился к коридору. Синяя вспышка энергии, слетев с когтей Балиазира, пронзила меня насквозь. Я тут же почувствовал близость смерти. Он мог сразить меня тысячью различных заклинаний, но выбрал именно такое, которое дало бы ему возможность смеяться надо мной, пока я в

корчах валялся на полу. По крайней мере, я лишил его этого удовольствия.

Так как заклинание уже в меня попало, было слишком поздно использовать какое-либо из контрзаклинаний мистицизма, рассеивающих, отражающих или поглощающих магию. Однако я еще не забыл, как телепортироваться с помощью «возврата», как его называют мистики, в то место, где я в последний раз ставил духовный якорь. Признаться, тогда я даже не помнил, где это место. Оно могло быть в Бориане, месте моего прибытия к заливу Илиак, или в Камбрии, или в Гримтри Гарден, где я встретил зрителя, или во дворце дамы, у которой я гостил в Вэйресте. Мне оставалось молиться, чтобы якорь не оказался в Морровинде, где я мог его поставить, прежде чем с тобой расстаться – говорят, что если расстояние слишком большое, можно застрять между измерениями. НО я решил пойти на этот риск, чтобы не стать игрушкой для Балиазира.

Я прочел заклинание и оказался у входа во дворец леди Мерлинг. Я был рад оказаться вне склепа и вдали от даэдра, но до последнего надеялся, что мне хватило ума наколдовать якорь близ Гильдии магов или храма, где я бы мог найти целителя. Теперь же, зная, что далеко я не дойду, я застучал в дверь. Меня внесли и уложили на кровать, где я и пишу это письмо. Только что зашла дорогая Элисбетта, леди Мерлинг, вся в слезах. Охваченная отчаянием, она сообщила, что целители придут в ближайшие минуты. Но к их приходу я уже буду мертв. Я знаю, это мои последние слова. Милый друг, остергся этого проклятого места.

Тв друг,

Карвик

Книга IV

8-е Восхода солнца, 3Э 412
Амиглит, остров Саммерсет

Любезный лорд Гемин,

Прошу простить меня за то, что не явился встретить Вас во дворце лично – я был задержан самым трагическим и неизбежным образом. Парадные ворота и дверь я оставил открытыми, и раз Вы это читаете, значит, Вам уже удалось добраться до прихожей перед восточной гостиной. Возможно, перед этим Вы уже успели пройтись по поместью и полюбоваться его красотами, как то: семь фонтанов из мрамора и порфира, зеркальный пруд, различные рощицы, колоннады и квикункс. Полагаю, комнаты второго этажа и западное крыло Вам еще не удалось посетить, так как для этого Вам пришлось бы сначала пройти через эту комнату, где Вас ожидало это письмо. Но можете мне верить, их отличает прекрасное, достойное Вас

убранство – великолепные балюстрады, винтовые лестницы, уютные салоны и спальни.

Эти владения, разумеется, стоят огромных денег, однако это не должно остановить такого человека, как Вы, привыкшего лишь к самому лучшему. Как Вы, вне всякого сомнения, заметили, проезжая через ворота, при них расположены несколько небольших зданий, которые идеально подойдут в качестве сторожевых постов. Я знаю, насколько Вы цените безопасность.

Я человек весьма жадный до денег, и ни за что бы не отказался встретить Вас сегодня лично, показать Вам владения, потакая каждой Вашей прихоти, и отхватить солидный процент с продажи, когда Вы приобрели бы это чудесное поместье – не сомневаюсь, Вы бы сделали это. Затруднение, ставшее причиной моего непростительного отсутствия, возникло, когда я приехал сюда пораньше в намерении проверить, должным ли образом подготовили особняк к Вашему приезду. Человек по имени Конинг подкрался ко мне со спины и схватил меня за горло.левой рукой он зажал мне рот и нос, а правой стал душить, зажав уязвимый участок горла прямо под щитовидным хрящом, и удавил меня за несколько быстрых, но мучительных минут.

Сейчас я лежу, похороненный под кучей листьев в северном саду скульптур, недалеко от прелюбопытнейшей скульптурной композиции, изображающей превращение Тринимака. Думаю, вскоре меня должны обнаружить – наверняка кто-нибудь из моего банка рано или поздно заметит мое отсутствие. Возможно, Конинг и закопал бы меня поглубже, однако он спешил приготовиться к прибытию своего старинного компаньона, Карвика.

На этом моменте, лорд Гемин, возможно, Вы решите прекратить чтение. Вы озираетесь вокруг, но видите лишь двери. Большая, через которую Вы пришли сюда из сада, теперь заперта, и, учитывая, как мало Вы знакомы с планировкой поместья, я бы не рекомендовал Вам пытаться убежать по коридору, который может закончиться

тупиком. Нет-нет. Лучше продолжайте читать и узнаете, к чему это все идет.

Судя по всему, Конинг решил объединиться со своим другом Карвиком, чтобы попытаться найти Звезду Азуры. По их сведениям, искомый предмет был в руках Хадуафа Нейтвира, который получил Звезду, призвав принца даэдра Азуру. Так как сам Нейтвир был родом из Хай Рока, Карвик отправился искать его там, в то время как его компаньон вел поиски в Морровинде. О результатах своих поисков они решили сообщать друг другу посредством писем, доставляемых с нарочным.

В первом письме Карвика говорилось, что, по добытым им сведениям, у Нейтвира имеется таинственный покровитель под именем Балиазир, о котором Карвик узнал на кладбище, где покоится Перайра, сестра Нейтвира, и где смотрителем оборотень. На это Конинг ответил, что никаких данных о Балиазире не имеет, но полагает, что Нейтвир, получив Звезду, вместе с Перайрой вернулся в Хай Рок. Свое последнее письмо Карвик писал на смертном одре, получив ранение в схватке с Балиазиром, который оказался могущественным лордом даэдра.

Конинг, опечаленный утратой, пересек всю Империю и прибыл в Вэйрест, дабы принести соболезнования леди Мурлинг, у которой останавливался Карвик. После некоторых расспросов Конинг узнал, что благородная леди покинула город, и довольно внезапно. До этого она принимала у себя некоего Карвика, и тот, как говорили, скончался, хотя тела никто не видел. Одно определенно, 13-го Последнего зерна прошлого года никто из ее дома за целителями не посылал. И ни единая душа в Вэйресте, как и в Тель Аруне, не слыхала о Балиазире.

И тут бедный Конинг во всем засомневался. Он прошел по тому же пути через Бориан и Гримтри Гарденс, который проделал его компаньон, но обнаружил, что родовая усыпальница Нейтвиров находится в другом месте, в небольшом городке баронства Двиннен. Там и вправду был смотритель-оборотень, к счастью, принявший в

тот момент человеческий облик. В ходе расспросов (по методу придушить-отпустить-придушить-отпустить) тот рассказал Конингу ту же историю, какую рассказал Карвику многими месяцами ранее.

Хадуаф и Перайра Нейтвир вернулись в Двиннен с намерением улучшить дела семьи. Поскольку для придания Звезде силы требовались сильные души, они решили начать с малого и завладеть духом оборотня, который, как им было известно, ухаживал за их семейным кладбищем. На их беду они переоценили свои возможности. Когда бедняга смотритель на следующее утро вновь принял человеческий вид, подле себя он обнаружил окровавленные и разодранные на части трупы брата и сестры Нейтвир. Охваченный страхом и отчаянием, он отнес тела и все, что было при них, в усыпальницу. К моменту прихода Карвика они так там и находились, а с ними и Звезда Азуры.

Теперь Конингу все стало ясно. В своих письмах Карвик ему лгал, стремясь от него отделаться. Не иначе как при участии леди Мурлинг, своего нового компаньона, он сочинял байки, в том числе и о собственной гибели, которые должны были заставить Конинга бросить поиски Звезды. Подобное отношение к самому понятию дружбы требовало немедленного исправления.

Почти шесть месяцев потребовалось Конингу, чтобы найти своего бывшего компаньона. Карвик и леди Мурлинг, используя силу Звезды, сделались весьма богатыми и могущественными. Во время своих странствий по Хай Року и Скайриму, а затем Валенвуду и острову Саммерсет, они неоднократно меняли имена. Тем временем, разумеется, Звезда их покинула, как случается со всеми даэдрическими артефактами. Парочка еще владела немалым богатством, но для их любви настали трудные времена. Достигнув Алинора, они разошлись и пошли каждый своим путем.

Надо полагать, что за время их отношений Карвик рассказал леди Мурлинг о Конинге. Приятно представить, как смеялись влюбленные над баснями о таинственном и опасном Балиазире, которыми они кормили Конинга. Похоже, впрочем, что Карвик не дал своей

бывшей возлюбленной точного описания внешности друга, поскольку позднее леди Мурлинг (тогда скрывавшейся под именем графини Зилианы) не удалось узнать Конинга при встрече. Для нее оказалось весьма неожиданным, когда тот придушил ее и потребовал информацию о ее бывшем любовнике.

Перед смертью она поведала Конингу новое имя и титул Карвика и место, где он желал купить себе новый дворец. Она даже рассказала ему обо мне. После всех перипетий, пережитых за месяцы погони, оказалось совсем несложным узнать, какой дворец Карвик намеревался приобрести и когда назначена встреча для его осмотра. После этого оставалось лишь прибыть пораньше, избавиться от меня и ждать.

На этом, увы, нашей истории приходит конец. Надеюсь на скорую встречу с Вами.

Ваш,

Сирикс Гойнити,

Бывший банкир поместья

P.S.: Карвик, обернись назад. Или не оборачивайся. Выбор за тобой. Твой друг, Конинг

О великом обвале

Многоуважаемому Вальдимару, ярлу Винтерхолда,

Прежде всего, позвольте принести Вам мои искренние соболезнования. Мне известно, что Вы, как и многие другие, потеряли свою семью, и я Вам глубочайше сочувствую. Мне также известно, что некоторые из Вашего совета возлагают вину за эту чудовищную катастрофу на моих коллег из Коллегии. Хотя я вполне могу понять, какой шок вызывает масштаб последних событий, а также возникающее желание постичь происшедшее, я настойчиво прошу Вас учесть все обстоятельства.

Вам, равно как и всем, хорошо известна история Коллегии и ее репутация в Винтерхолде. Она долгое время служила для города предметом гордости, не имея равных во всем Скайриме. Здесь проходили обучение одни из величайших волшебников, и Коллегия всегда поддерживала добрые отношения с другими провинциями Тамриэля.

Широко известно, что эти отношения в последние десятилетия стали несколько, скажем так, натянутыми. Вполне естественно, что после Кризиса Обливиона люди в Скайриме стали относиться к магам с недоверием, даже несмотря на то, что почти все мы активно противостояли действиям культа Мифического Рассвета. Коллегия ожидала подобной реакции и надеялась, что со временем недоверие спадет. И тут пришел Красный год. Никто не мог предвидеть извержение Красной Горы, как и масштаб разрушений, понесенных данмерской культурой. Ваш предшественник проявил благородство, принимая многих беженцев, особенно тех, кто мог присоединиться к научной деятельности Коллегии. Мы были весьма благодарны.

Когда данмерам щедро предоставили на заселение Солстхейм, я был удивлен не меньше других. Я, впрочем, не разделял бытовавшего мнения, что с того момента все темные эльфы покинут

Скайрим. Не ускользнуло от моего внимания и то, что в Винтерхолде многие были не слишком довольны тем, что столько магов предпочло не переселяться, а остаться при Коллегии.

И вот теперь наконец стихли штормы, разорявшие побережье Скайрима почти год, но их завершение обошлось нам высокой ценой. Великий обвал, опустошивший Винтерхолд, застал всех нас врасплох, заверяю Вас. Тот факт, что Коллегия при этом не пострадала, свидетельствует лишь о прочности защитной магии, которой она была ограждена со стародавних пор. Из этого никоим образом не следует, что мы в какой-то мере заранее подготовились именно к этому событию, и совершенно точно это не означает, что Коллегия в какой-то мере виновна в происшедшем. Конечно, у меня и в мыслях нет обвинять Вас в распространении иных слухов среди народа Винтерхолда. Однако я попросил бы Вас не допускать распространения этих толков, пока те не стали всеобщим мнением. Мне бы не хотелось, чтобы наши отношения постиг тот же крах, какой испытал Винтерхолд, и хочу Вас заверить, что Коллегия останется здесь еще на долгое, долгое время.

Ваш неуклонный сторонник,

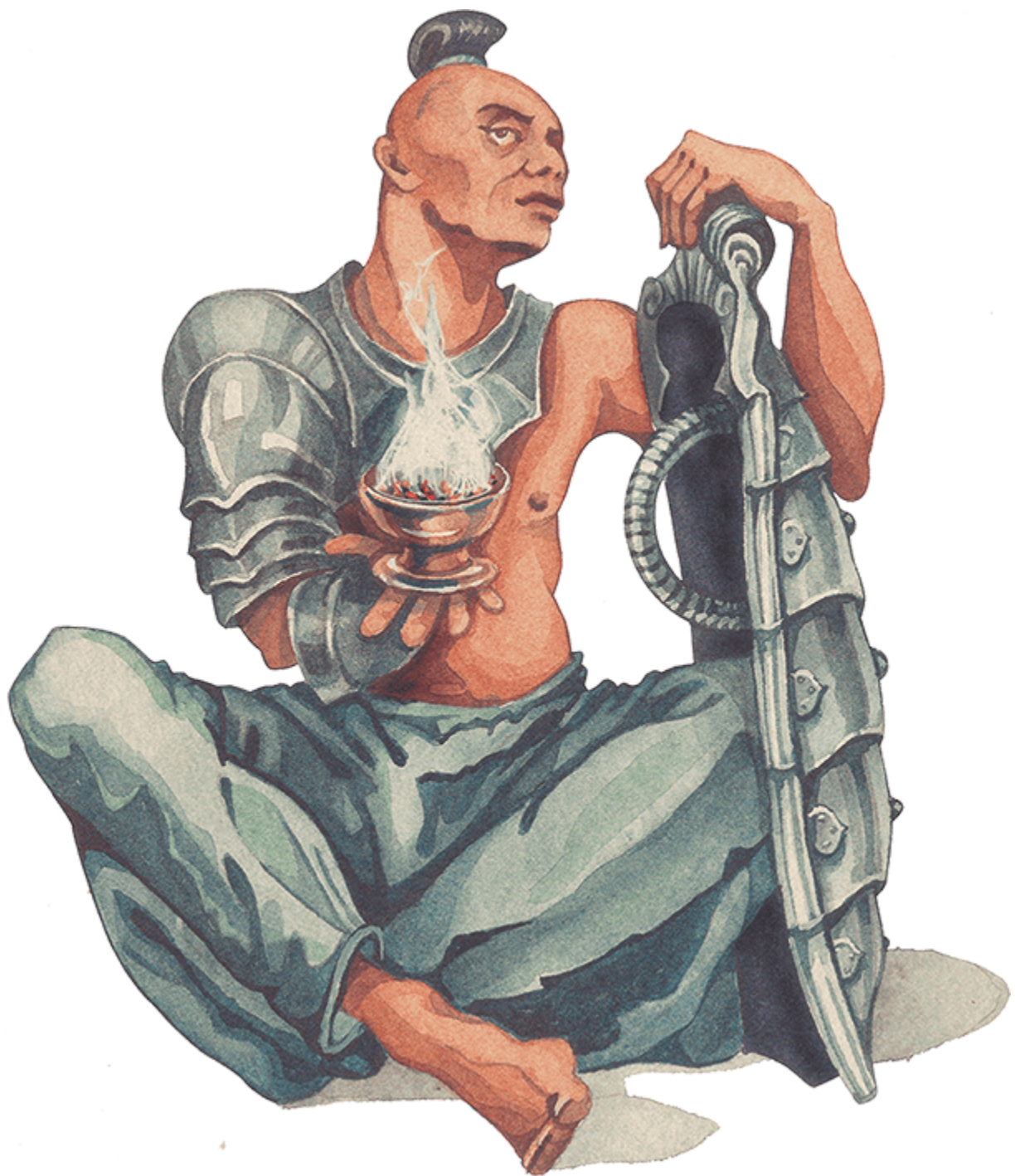
Архимаг Денет

Справочник ученика

Советы от лучшей заклинательницы Валенвуда

Вне сомнения, вы уже слышаны о моих приключениях. Рассказы о них распространяются из провинции в провинцию, и весь Тамриэль замирает в благоговейном ужасе, услышав о моих подвигах на ниве магического искусства. Уверена, не раз и не два вы думали про себя: «Ах, если б я был так же талантлив, как Арамрил! Тогда бы и я попытал счастья в магических поединках, чтобы снискать славу и богатство!..» Все верно. Победителей на дуэлях ожидают великая слава и несметные богатства. Но чтобы побеждать, необходимо учиться у лучших. Потому-то вы и приобрели эту книгу – чтобы учиться у меня. Ведь я – лучшая, и тут двух мнений быть не может.

Итак, вот мои советы. Не забывайте следовать им всегда и везде, и тогда вам тоже удастся прославить свое имя по всему Тамриэлю.

1. Знать своего врага означает знать его слабости

Безгранично более разносторонние, чем обычные махальщики мечами, умелые маги всегда имеют на вооружении массу различных заклинаний. Более того, им известно, когда какое заклинание лучше

всего применить. Хорошая заклинательница знает, что заклинания льда могут обездвижить мчащееся навстречу чудовище или не дать какому-нибудь дикому разбойнику вынуть меч из ножен. Ей известно, что заклинания электричества опустошают запасы магии противника. Она знает, что заклинания иллюзии позволяют натравить врагов друг на друга (в том случае, если ей приходится сражаться за свою в нечестном бою с противником, у которого наблюдается весьма существенный численный перевес – да, это более чем распространенная ситуация, особенно когда враги понимают, что не могут победить в честной схватке один на один). И, естественно, знакомы ей и те заклинания, которые помогают спастись даже в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях.

2. Знать себя означает знать пределы своих возможностей

Даже лучшие из лучших магов имеют свои пределы – не родился еще тот, кого благословил бы Магнус безграничными запасами магической силы. Поэтому хорошая заклинательница всегда старается тщательно рассчитать свои запасы магии и не бросается в бой, не подумав. Она следит за тем, чтобы у нее сохранялся резерв магии, чтобы уберечь себя от смертельной опасности. Если резерв исчерпан, она знает, что у нее при себе имеется значительное количество зелий, которые она может принять в любой момент. Если зелья отсутствуют, она по крайней мере всегда оставляет за собой пути отступления. Нет, конечно, великая Арамрил никогда не убегала с поля боя, но я же не могу рассчитывать на то, что всем даны мои несравненные таланты. Поэтому вам остается одно – практика, практика и еще раз практика.

3. Обереги убивают (и вас тоже)

Бесспорно, обереги являются неотъемлемым инструментом каждого начинающего мага. Они позволяют блокировать вражеские заклинания, отражать атаки и переводить впустую запасы магии противника. Однако опытная заклинательница знает, что если слишком долго прикрываться оберегом, маг просто исчерпает собственные запасы магической силы, не сможет отразить

вражескую атаку, а в худшем случае – израсходует оберег и в итоге останется абсолютно беззащитным.

4. Две руки не всегда лучше, чем одна

Каждый заклинатель, набравшийся опыта, знает, что если плести заклинание обеими руками, оно нанесет больше урона. Опеределенно, в некоторых случаях это играет нам на руку – особенно когда противник уже ослаблен, или же чтобы произвести большее впечатление на толпу, которая, без сомнения, собралась вокруг, чтобы понаблюдать за поединком. Однако это не всегда лучшая тактика ведения боя. Маг, кидающий огненные шары, сплетенные обеими руками, не сможет мгновенно поставить оберег, чтобы защититься, или вылечить себя, не прерывая атаку.

5. Всегда принимайте вызов, особенно от слабейшего

Помните, что ваша первоочередная задача, конечно, заключается в том, чтобы остаться в живых. Но прямо следом за ней идет задача обеспечить толпе зрителей, собравшихся увидеть поединок, запоминающееся зрелище. И тут уже приходится полагаться не только на магию. Если вам удастся понять, на что способен противник, еще до начала дуэли, это придаст вам уверенности. Когда вы знаете, что превосходите оппонента в таланте, то можете продумать дуэль так, чтобы произвести наибольшее впечатление на толпу, а не просто победить. И наоборот, если вы изначально понимаете, что вполне можете проиграть, то всегда можно вспомнить о каких-то других, более важных договоренностях, которые требуют вашего присутствия в другом месте. (Это ни в коем случае не означает, что я когда-то действовала таким образом. Я просто уверена, что моя огромная слава не позволяет мне принимать вызовы на дуэль от каждого встречного.)

Помните эти пять простых правил, не забывайте думать своей головой, и вам тоже удастся сделать себе имя на ниве великих поединков, в ходе которых каждый дуэлянт демонстрирует вершины магического искусства. Будьте осторожны, однако. Если вы добьетесь

значительных успехов, то в один прекрасный день, возможно, брошу
вам вызов я сама!

Последний урок

Эгратиус Гот

– Нам пора расставаться, время вашего обучения закончилось, – сказал Великий Мудрец своим ученикам, Таксиму и Вонгулдаку.

– Так рано? – удивился Вонгулдак, так как прошло всего несколько лет с начала учебы. – Неужели мы такие плохие ученики?

– Мы многому научились у вас, учитель, но разве вам больше нечему нас учить? – спросил Таксим. – Вы нам рассказали так много историй о великих зачарователях прошлого. Разве мы не можем продолжить учиться, чтобы достичь их уровня?

– Я расскажу вам одну последнюю историю, – улыбнулся Великий Мудрец. – Слушайте.

Это случилось много тысяч лет назад, задолго до начала правления сиродильской династии Ремана и, естественно, гораздо раньше появления династии Септимов в Тамриэле и за много лет до основания Гильдии магов; тогда Морровинд был известен как Ресдайн, а Эльсвейр – как Анеквина и Пеллитайн, а единственным законом на всех землях были жестокие Алессианские доктрины Марука. В те времена жил уединенно один зачарователь по имени Далак, и были у него два ученика, Утрак и Лорет.

Утрак и Лорет были очень способными и одинаково усердными. Учитель гордился ими. Они проявили себя в искусствах варения смесей, наложения отражений, призвания духов на Мундус, а также управления огнем и воздухом. Далак очень любил юношей, а они любили его.

Одним весенним утром Далак получил послание от другого зачарователя, Пеотила, который жил в лесах в самом центре Коловии. Вы должны помнить, что в те далекие времена Первой Эры волшебники работали сами по себе, единственным организованным сообществом были псиджики Артейума. Остальные маги редко видели друг друга и еще реже вели переписку. Поэтому, получив письмо от Пеотила, Далак понял, что произошло нечто важное.

Пеотил был уже очень стар. Тихому месту, которое он выбрал для своего уединения, начали грозить алессианские реформаторы, стремящиеся расширить свое влияние. Зная, что фанатики-жрецы и их воины были уже близко, он опасался и за саму свою жизнь. Далак позвал к себе своих учеников.

«Путешествие в Коловию будет трудным и опасным. Я бы даже в молодости не осмелился идти туда, – сказал Далак. – Я с тяжелым сердцем посылаю вас к Пеотилу, но понимаю, что он великий

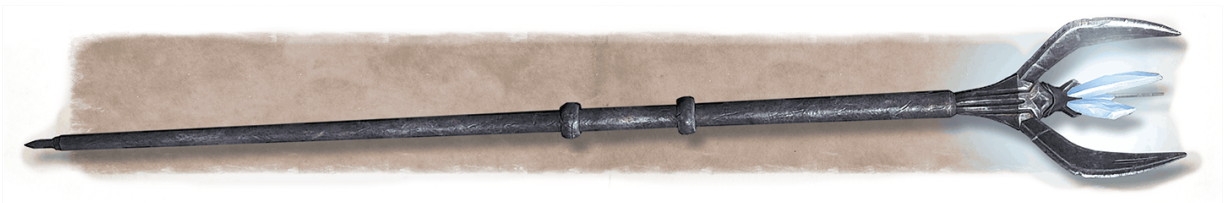
зачарователь. Если мы хотим пережить эти темные времена, свет его учения не должен померкнуть».

Утрак и Лорет умоляли своего учителя не посылать их к Пеотилу. Они боялись не жрецов и их воинов, они боялись того, что оставят своего учителя одного. Ведь он был уже стар и слаб и не мог защитить себя, если Реформа продвинется дальше на запад. В итоге Далак сдался и позволил одному из учеников остаться. Они сами должны были решить, кому из них идти в Коловианские земли.

Ученики долго спорили, но наконец решили доверить выбор судьбе. Они кинули жребий. Не повезло Лорету. Он ушел на следующее утро, несчастный и напуганный.

Один месяц и один день добирался он до центра Коловии. Благодаря тщательному выбору маршрута и помощи сочувствующих юноше крестьян, он избежал встречи с алессианскими реформаторами. Тайные торы по горам и болотам вывели его к темным пещерам, где, по словам Далака, жил Пеотил, и он понял, что пройдет немало часов, пока ему удастся отыскать убежище мага.

Однако там никого не оказалось. Лорет осмотрел лабораторию. Он обнаружил древние фолианты, котелки, хрустальные флейты, растения, чье цветение поддерживалось благодаря магическим кругам, странные жидкости и газы, хранящиеся в полупрозрачных пробирках. Наконец он нашел Пеотила. По крайней мере ему так показалось. Высушенная мумия на полу кабинета, сжимающая в руках инструменты зачарователя, слабо напоминала человеческую.

Лорет решил, что он уже ничем не сможет помочь магу, и немедленно отправился назад к своему учителю Далаку и своему другу Утраку. Но армии реформаторов продвигались очень быстро. Он несколько раз чуть не наткнулся на них и, наконец, понял, что окружен со всех сторон. Единственным местом, куда еще можно было отступить, были пещеры Пеотила.

Лорет понял – главное сделать так, чтобы армия не нашла лабораторию. Он догадался, что Пеотил сам как раз пытался спрятать ее. Но допустил элементарную ошибку, которую смог бы распознать даже простой ученик, и лишь уничтожил себя. Лорету удалось с успехом применить все те знания, что он получил у Далака, и использовать зачарования Пеотила. Реформаторы так и не смогли найти убежище.

Прошли годы. В 480-м году Первой эры Айден Диренни одержал множество побед над ордами алессианцев. Дороги, ранее недоступные, теперь были вновь свободны, а Лорет, который уже давно не был молод, смог вернуться к Далаку.

На подходе к хижине своего учителя он увидел множество свечей скорби на деревьях. Еще до того, как он постучался в дверь и увидел своего старого товарища Утрака, он понял, что Далак умер.

«Это случилось несколько месяцев назад, – поведал Утрак после того, как друзья крепко обнялись. – Он говорил о тебе каждый день все те годы, что ты отсутствовал. Он знал, что ты еще жив, и сказал мне, что ты обязательно вернешься».

Седые старцы сели перед огнем и предались воспоминаниям. С грустью поняли они, что стали очень разными. Утрак говорил о продолжении дела учителя, Лорет же был увлечен новыми открытиями. Они расстались в тот же день, опечаленные, и никогда больше не виделись.

В последующие годы, прежде чем покинуть этот мир и присоединиться к своему учителю Далаку, они оба добились того,

чего хотели. Утрак продолжил дело своего учителя на службе клану Диренни. Лорет же применил знания, полученные путем самостоятельного изучения науки, чтобы создать Балак-турм, Посох Хаоса.

Мальчики мои, вот вам урок из этой истории: вы не должны допускать таких мелких, но существенных ошибок, как те, что привели к смерти Пеотила. И еще. Чтобы стать действительно великим, необходимо самому использовать все возможности для этого.

Фейфолкен

Книга первая

Вогин Джарт

Великий маг был высоким неопрятным человеком, с бородой, но лысым. Его библиотека очень хорошо его характеризовала: все книги были свалены в огромные пыльные кучи прямо перед книжными полками. В данный момент он обратился к нескольким книгам, чтобы рассказать своим студентам, Таксиму и Вонгулдаку, как Ванус Галерион основал Гильдию магов. У студентов было много вопросов о периоде обучения Вануса в ордене псиджиков, а также их интересовало, насколько изучение магии там отличается от изучения ее в Гильдии.

«Это был и есть особенный образ жизни, – объяснял великий маг. – Путь избранных, элиты. И вот это больше всего не нравилось Галериону. Он хотел, чтобы изучение магии было общедоступным. Нет, не совсем бесплатным, а доступным для тех, кто мог себе это позволить. Пытаясь добиться этого, он изменил образ жизни во всем Тамриэле».

«Он выстроил в систему знания и методы всех современных ему изготовителей зелий, магических предметов и заклинаний. Это правда, великий маг?» – спросил Вонгулдак.

«Только часть правды. Всеми представлениями о магии сегодняшней мы обязаны Ванусу Галериону. Он преобразовал все школы так, чтобы они были понятны и доступны массам. Он изобрел инструменты для алхимии и зачарования, чтобы любой человек, не боясь последствий, мог создать то, что он хочет, насколько ему позволят его знания и опыт. Он создал это».

«Что вы имеете в виду, великий маг?» – спросил Таксим.

«Первые инструменты были еще более просты в использовании, чем современные. Любой человек мог пользоваться ими, даже ничего не понимая в магии и алхимии. На острове Артейум студентам приходилось долгие годы изучать множество наук, а Галерион посчитал, что это еще один пример той самой отдаленности псиджиков от масс. Поэтому он изобрел аппараты, с помощью которых можно было изготовить практически все, что угодно, если только позволяли средства».

«Так тогда кто-то мог, например, создать меч, которым можно было бы разрубить весь мир пополам?» – спросил Вонгулдак.

«В теории, да, но для этого потребовалось бы все имеющееся в мире золото, – усмехнулся великий маг. – Нет, я не могу сказать, что мы когда-либо были в большой опасности, но несколько довольно неприятных случаев все-таки было, когда некоторые бездари изобретали нечто им не подвластное. Но, в конце концов, Галерион уничтожил все свои инструменты и создал то, чем мы пользуемся сегодня. Все же человек должен знать, что он хочет сделать, прежде, чем делать. Это очень разумно».

«А что люди создавали? – спросил Таксим. – Есть ли какие-нибудь примеры?»

«Вы пытаетесь отвлечь меня, чтобы я не успел вас проэкзаменовать, – сказал великий маг. – Но все же я могу рассказать вам одну историю, просто чтобы не быть голословным. Эта история произошла в Алиноре, на западном побережье острова Саммерсет. Случилась она с писарем по имени Торбад».

Это произошло во Вторую эру, вскоре после того, как Ванус Галерион основал Гильдию магов. Отделения Гильдии распространились по всему Саммерсету, но еще не стали столь популярными на материке.

На протяжении пяти лет этот писарь, Торбад, поддерживал связь с внешним миром только при помощи посыльного, мальчика Горгоса. В первый год его отшельничества оставшиеся друзья и

родственники – точнее друзья и родственники его покойной жены – пытались навещать его, но, не видя никакой заинтересованности со стороны Торбада, отказались от этого занятия. Да, собственно, ни у кого не было причин поддерживать связь с Торбадом Халзиком, поэтому со временем почти все его забыли. Только его свояченица посылала письма с новостями о тех людях, которых он еще мог помнить, но это происходило очень редко. Большая часть его входящей и исходящей корреспонденции была связана с его делом – написанием еженедельных воззваний от Храма Аури-Эля. Это были бюллетени, прибитые на ворота храма, новости сообщества, проповеди и тому подобное.

Первое послание, которое Горгос принес ему в тот день, было от его лекаря, в котором тот напоминал ему о приеме в турдас. Торбад не понадобилось много времени, чтобы написать ясный и четкий ответ. У него была красная чума. Лечение этой болезни стоило довольно больших денег – вы должны помнить, что в те времена школа восстановления еще не обладала столь обширными знаниями, как сегодня. Тогда это была ужасная болезнь, и из-за нее Торбад лишился голоса. Поэтому ему и приходилось общаться при помощи переписки.

Следующее послание было от Алфиерсы, секретаря церкви, как всегда краткое и язвительное: «ТОРБАД, ПРИЛАГАЮ ПРОПОВЕДЬ ВЫХОДНОГО ДНЯ, КАЛЕНДАРЬ СОБЫТИЙ НА СЛЕДУЮЩУЮ НЕДЕЛЮ И НЕКРОЛОГИ. ПОСТАРАЙСЯ СДЕЛАТЬ БЮЛЛЕТЕНЬ БОЛЕЕ ЯРКИМ. ТВОЯ ПРОШЛАЯ РАБОТА МНЕ НЕ ПОНРАВИЛАСЬ».

Торбад стал отшельником до того, как Алфиерса начала работу в храме, поэтому его представление о ней было чисто теоретическим. Поначалу он думал о ней как об уродливой жирной старухе, покрытой бородавками; затем ее образ видоизменился до худющей старой девы. Конечно, его представление могло быть верным, ведь она могла похудеть.

Как бы Алфиерса ни выглядела, она относилась к Торбаду с ярко выраженным презрением. Она ненавидела его чувство юмора,

всегда находила какие-то описки в его работах, и вообще считала его деятельность полнейшим дилетантизмом. К счастью, работа на Храм для него была второй по значимости после работ на доброго короля Алинора. Получал он немного, но и затраты его были минимальны. На самом деле, ему вообще не очень нужно было работать. У него скопилось довольно приличное состояние, просто ему было больше нечем заняться. Но, помимо всего прочего, бюллетень тоже был очень важен для него.

Горгос, доставив все послания, начал наводить чистоту, по ходу дела рассказывая Торбаду обо всех городских новостях. Парень всегда так делал, и Торбад редко обращал на него внимание, но в этот раз одна новость его заинтересовала. В Алиноре появилось отделение Гильдии магов.

Торбад стал слушать очень внимательно, и Горгос рассказал ему все о Гильдии, о ее знаменитом архимагистре и о невероятных магических и алхимических инструментах. Выслушав до конца, Торбад быстро написал что-то и протянул Горгосу записку и перо. В записке значилось: «Пусть они заколдуют это перо».

«Это будет дорого стоить», – сказал Горгос.

Торбад дал Горгосу несколько тысяч золотых монет, которые он накопил за долгие годы, и приказал уходить. Торбад считал, что теперь ему наконец-то удастся произвести впечатление на Алфиерсу и прославить Храм Аури-Эля.

Насколько мне известно, Горгос собирался забрать все деньги себе и уехать из Алинора, но все-таки ему стало жалко бедного Торбада. К тому же он ненавидел Алфиерсу, с которой ему приходилось встречаться каждый день, когда он доставлял послания от своего хозяина. Может быть, это и не лучшее оправдание, но Горгос все же пошел в Гильдию, чтобы там перо наделили магическими свойствами.

Гильдия в то время еще не была элитарным заведением, как я уже говорил, но когда мальчик пришел туда и попросил разрешения использовать изготовитель предметов, на него посмотрели очень

подозрительно. Когда же он продемонстрировал имеющиеся при нем деньги, всю подозрительность как рукой сняло, и его проводили в нужную комнату.

Я никогда не видел древних аппаратов для зачарования, поэтому напрягите свое воображение. Там точно была большая призма, куда помещался предмет воздействия, а также отделения для камней душ и магических шаров. Что там было помимо этого, и как все это работало – я не знаю. У Горгоса было достаточно денег, чтобы использовать самый лучший камень душ, и перо был помещен даэдра по имени Фейфолкен. Стажер, который работал с инструментом, как и все члены Гильдии в то время, обладал очень скудными знаниями. Он не мог ничего толком рассказать об этом духе, помимо того, что он обладал могучей энергией. Горгос покинул помещение, и перо было под завязку наполнено магической силой. Оно все дрожало от переполнявших его чар.

Конечно же, когда Торбад начал использовать перо, тогда и стало ясно, что он столкнулся с силами, ему неподвластными.

«А теперь, – сказал великий маг, – настало время экзамена».

«Но что случилось? Что это было за перо?» – вскричал Таксим.

«Вы не можете остановиться на самом интересном месте!» – протестовал Вонгулдак.

«Мы продолжим после экзамена, и только в случае, если вы покажете действительно выдающиеся результаты», – сказал великий маг.

Книга вторая

Когда испытание закончилось, и Вонгулдак и Таксим продемонстрировали свои знания по основам колдовства, великий маг отпустил их отдыхать. Однако парни, которые обычно не могли усидеть спокойно даже на уроках, отказались покинуть свои места.

«Вы сказали, что после испытаний расскажете нам историю о писце и его зачарованном пере», – сказал Таксим.

«Вы уже начали рассказывать об этом писце, как он жил один, как спорил с секретарем Храма из-за бюллетеня, который он готовил для рассылки, и как он заболел красной чумой и не мог говорить. Вы остановились на том, что его посыльный зачаровал письмо своего хозяина духом одного даэдра по имени Фейфолкен», – добавил Вонгулдак, чтобы освежить память великого мага.

«Ну что ж, – сказал великий маг. – Вообще-то я собирался немного поспать. Однако это история расскажет вам кое-что о свойствах духов, а это в свою очередь связано с колдовством, так что я продолжу.

Торбад воспользовался пером для записи бюллетеней Храма, и что-то изменилось в слегка наклонных буквах, которые Торбаду нравились больше всего.

Глубокой ночью Торбад сложил вместе бюллетени Храма Аури-Эля. Как только он касался страницы пером Фейфолкена, она становилась произведением искусства, светящимся золотым манускриптом, написанным хорошим, простым и сильным языком. Выдержки из проповедей читались, как поэзия, хотя базировались на простой проповеди настоятеля, касающейся общеизвестных моментов Алессианских доктрин. Некрологи, посвященные двум главным покровителям Храма, были написаны так, что жалкие мирские смерти превратились в мировые трагедии. Торбад трудился так долго, что уже готов был упасть в обморок от изнеможения. В

шесть утра, за день до срока, он передал бюллетень Горгосу, чтобы тот в свою очередь, отнес его Алфиерсе, секретарю храма.

Как и ожидалось, Алфиерса не написала ему в ответ ни слова благодарности, хотя бы за то, что бюллетень был прислан так рано. Это не имело значения. Торбад знал, что лучшего бюллетеня Храм не выпускал никогда. В час дня в сандас, Горгос принес ему множество писем.

„Бюллетень сегодня был так прекрасен, что, когда я читал его в вестибюле, стыдно сказать, но я горько плакал, – писал настоятель. – Не знаю, случалось ли мне прежде видеть что-либо, столь явно прославляющее Аури-Эля. Церкви Фестхолда бледнеют в сравнении с ним. Друг мой, я преклоняюсь перед величайшим художником со времен Галлаэля“.

Настоятелю, как многим носителям этого сана, было свойственно преувеличивать. Однако, Торбад был очень горд этой похвалой. Были и еще письма. Все старейшины Храма и тридцать три прихожанина, молодых и старых, потратили время на то, чтобы выяснить, кто писал бюллетень, и передать ему поздравительное письмо. И только один человек мог дать им такую информацию: Алфиерса. Торбаду было приятно думать о том, как ужасную женщину осаждают его поклонники.

На следующий день он был все еще в прекрасном настроении, отправляясь на встречу со своим целителем, Телемихиэлем. Там оказался новый травник, хорошенькая женщина-редгард, которая пыталась разговаривать с ним, даже после того, как он вручил ей записку: „Меня зовут Торбад Хулзик и я встречаюсь с Телемихиэлем в одиннадцать часов. Пожалуйста, простите, что я не отвечаю вам, но у меня больше нет гортани“.

„Дождь уже пошел? – весело спросила она. – Прорицатель сказал, что это вполне возможно“.

Торбад нахмурился и сердито покачал головой. Почему все считают, что немым людям нравится, когда с ними разговаривают? Разве солдатам, потерявшим руки, нравится, когда в них бросают

мячом? Это, безусловно, не было преднамеренной жестокостью, но Торбад все равно подозревал, что людям просто хочется почувствовать, что у них самих все в порядке.

Само обследование, как обычно, было ужасным. Телемихиэль подверг его страшным мучениям и все время, не переставая, болтал.

„Вы должны попытаться заговорить. Это единственный способ узнать, становится ли вам лучше. Если вам неловко делать это на людях, поупражняйтесь, когда будете один, – сказал Телемихиэль, зная, что пациент все равно не последует его совету. – Попробуйте спеть в ванной. Вполне возможно, что звук окажется совсем не таким ужасным, как вы думаете“.

Торбад ушел с обещанием, что результаты испытания будут получены через несколько недель. Во время поездки обратно домой, Торбад начал думать о бюллетене за следующую неделю. Может быть сделать двойную рамку вокруг сообщения о „Пожертвованиях последнего сандаса“? А еще интересный эффект может получиться, если записать проповедь в две колонки вместо одной. Было почти невыносимо думать, что он не сможет начать работу, пока Алфиерса не пришлет ему информацию.

Когда, наконец, нужные сведения пришли, при них была записка, „ПОСЛЕДНИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ НЕМНОГО ПОЛУЧШЕ. В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ НЕ УПОТРЕБЛЯЙТЕ СЛОВО „ВЕЗУЧИЙ“ ВМЕСТО „УДАЧЛИВЫЙ“. К ВАШЕМУ СВЕДЕНИЮ, ЭТО НЕ СИНОНИМЫ“.

В ответ Торбад чуть не последовал совету лекаря и не отругал Горгоса на чем свет стоит. Вместо этого, он выпил бутылку дешевого вина, составил и отослал подобающий ответ и заснул на полу.

На следующее утро, после принятия ванны, Торбад начал работать над бюллетенем. Его идея слегка затенить раздел „Специальные объявления“ оказалась исключительно эффективной. Алфиерса всегда злилась, когда он украшал поля, но благодаря перу Фейфолкена, они выглядели роскошно и великолепно.

Как бы в ответ на его мысли прибыл Горгос с письмом от Алфиерсы. Торбад вскрыл его. Оно гласило просто, „МНЕ ОЧЕНЬ

ЖАЛЬ“.

Торбад продолжал работать. Записку Алфиерсы он выбросил из головы, не сомневаясь в том, что вслед за ней прибудет полный текст послания: „МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО НИКТО НЕ НАУЧИЛ ВАС ДЕЛАТЬ ПОЛЯ СПРАВА И СЛЕВА ОДИНАКОВОЙ ШИРИНЫ“ или „МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ, ЧТО НАШ БЮЛЛЕТЕНЬ НЕКОМУ ПИСАТЬ, КРОМЕ ЖАЛКОГО СТАРИКА“. Не имело значения, о чем она сожалеет. Выписки из проповеди выглядели как целые колонны роз, коронованные прекрасными заголовками. Объявления о рождениях и смертях были обведены прекрасными сферическими рамками, словно напоминающими о цикличности жизни. Бюллетень был одновременно теплым и великолепным. Это был шедевр. Когда вечером он отослал бюллетень Алфиерсе, он знал, что она будет ненавидеть его, и это наполнило сердце Торбада радостью.

Когда в лоредас пришел ответ из Храма, Торбад был поражен. Даже не заглянув в конверт, он понял, что это письмо писала не Алфиерса. Почерк не принадлежал Алфиерсе, она обычно писала только заглавными буквами, и выглядело это, как вопль из Обливиона.

„Торбад, я думала, вы знаете, что Алфиерса больше не работает в Храме. Она уволилась еще вчера, очень внезапно. Меня зовут Вандертил, и я очень счастлива (надо признать, я очень просила об этом) стать вашим новым контактным лицом в Храме. Я поражена вашим гением. У меня был кризис веры, пока я не увидела бюллетень прошлой недели. А бюллетень этой недели просто чудо. Ну, хватит. Я просто хочу сказать, что для меня большая честь работать с вами. – Вандертил“.

Послание, которое пришло в сандас, после службы, еще больше поразило Торбада. Настоятель связывал увеличение количества паствы и пожертвований с изумительным качеством бюллетеня. Вознаграждение Торбада было увеличено в четыре раза. Горгос принес более ста двадцати писем от восторженных поклонников.

Всю следующую неделю Торбад сидел перед своей письменной доской, со стаканом лучшего торвальского меда, глядя на чистый пергамент. У него не было никаких идей. Бюллетень, его дитя, его вторая жена, утомил его. Никудышные проповеди настоятеля были настоящим проклятием, а рождения и смерти прихожан церкви казались ему бессмысленными. Тра-ля-ля, нацарапал он на странице.

Он знал, что написал буквы Т-Р-А-Л-Я-Л-Я. Но на пергаменте появились слова, „Жемчужное ожерелье на белой шее“.

Он начертил на странице волнистую линию. И из-под заляпанного пера Фейфолкена появилась фраза: „Слава Аури-Элю“.

Торбад встряхнул перо, но чернильная клякса превратилась в стихи. Он царапал страницу, стараясь закрасить слова, но пропавшие фразы возникали снова, и были даже более изысканными, чем раньше. Любая мазня начинала кружиться, как в калейдоскопе, и составляла прекрасные, вычурные фразы. Он не мог испортить бюллетень. Фейфолкен победил. Писец оказался читателем, а не автором.

Итак, – спросил великий маг. – Что говорит вам ваше знание школы колдовства, что вы можете сказать о Фейфолкене?»

«Что было дальше?» – заныл Вонгулдак.

«Сначала скажите мне, кто же такой был Фейфолкен, а потом я продолжу рассказ».

«Вы сказали, что он был даэдра, – сказал Таксим. – И это должно иметь отношение к искусству. Может быть он был приближенным Азуры?»

«Возможно, писец просто вообразил все это, – сказал Вонгулдак. – Может быть, Фейфолкен был прислужником Шеогората, и он обезумел. А может быть то, что написано этим пером, сводило с ума всех, кто это читал, например всю паству храма Аури-Эля».

«Хермеус Мора даэдра знаний... а Хирсин даэдра дикой... а даэдра мщения Боэтия, – размышлял Таксим. Потом он улыбнулся. – Фейфолкен – слуга Клавикуса Вайла, верно?»

«Очень хорошо, – сказал великий маг. – Как ты догадался?»

«Это его стиль, – ответил Таксим. – Прикидываться, что сила пера ему не нужна, когда она у него есть. Что было дальше?»

«Я поведаю вам», – сказал великий маг и продолжил свою историю.

Книга третья

Торбад наконец-то осознал, в чем сила пера, – сказал великий маг, продолжая свое повествование. – Зачарованное даэдра Фейфолкеном, прислужником Клавикуса Вайла, оно принесло ему богатство и славу в качестве писца еженедельного бюллетеня храма Аури-Эля. Но он понимал, что художником является перо, а он лишь свидетель его магии. Он был вне себя от ярости и ревности. С рыданием, он разломал перо пополам.

Потом он допил свой мед. Когда он повернулся, перо снова было целым.

У него было только зачарованное перо, так что он обмакнул палец в чернильницу и написал Горгосу записку большими неуклюжими буквами. Когда Горгос вернулся с новой кипой поздравительных писем из Храма, прославляющих его последний бюллетень, он передал записку и перо посыльному. Записка гласила: «Отнеси перо назад в Гильдию магов и продай его. Купи мне другое, не зачарованное перо».

Горгос ничего не понял, но сделал, как ему было сказано. Он вернулся через несколько часов.

«Они ничего за него не дали, – сказал Горгос. – Они сказали, что оно вовсе не зачаровано. Тут я им сказал: „Что это вы говорите, вы же сами его зачаровали камнем с душой Фейфолкена“, а они отвечают: „Ну а теперь в нем нет никакой души. Наверное, вы что-то сделали с пером, и душа освободилась“».

Горгос помолчал и посмотрел на своего хозяина. Торбад, разумеется не мог говорить, но выглядел еще более чем всегда лишенным дара речи.

«Но я все равно выбросил перо и купил другое, как вы и сказали».

Торбад рассмотрел новое перо. Оно было белым, тогда как предыдущее перо было серым. Его приятно было держать в руке. Он с облегчением вздохнул и отпустил посыльного. Ему нужно было написать бюллетень, и на этот раз безо всякой магии.

Через два дня он почти вернулся к прежнему распорядку. Бюллетень выглядел очень просто, но принадлежал только ему.

Торбад почувствовал, что снова обретает уверенность, когда заметил на странице несколько незначительных ошибок. Давным-давно ему не попадались ошибки в его бюллетенях. Торбад с восторгом думал о том, что, возможно, в документе есть и другие ошибки, которых он просто не замечает.

Он заканчивал последний завиток простых украшений на полях, когда прибыл Горгос с посланиями из Храма. Торбад проглядел их все, но одно привлекло его внимание. На восковой печати стояло «Фейфолкен». В полном замешательстве, он открыл конверт.

«Я думаю, тебе лучше покончить с собой» – вычурным почерком написано было в письме.

Он бросил письмо на пол и увидел внезапное движение на страницах бюллетеня. Письмена Фейфолкена вытекли из письма и обрушились на свиток, превращая простую работу Торбада в труд изумительной красоты. Торбад больше не стеснялся своего скрипучего голоса. Он кричал долго. А потом напился. Сильно.

Горгос принес Торбаду письмо от Вандертил, секретаря храма, ранним утром во фредас, но писцу пришлось до середины дня набираться смелости, чтобы открыть его. «Доброе утро, я насчет бюллетеня. Обычно вы присылаете его в ночь с турдаса на фредас. Я сгораю от любопытства. Вы запланировали что-то особенное? – Вандертил».

Торбад ответил: «Вандертил, простите меня. Я болен. На этот раз бюллетеня не будет». Он передал записку Горгосу, после чего ушел принимать ванну. Часом позже из Храма вернулся улыбающийся Горгос.

«Вандертил и настоятель чуть с ума не сошли, – сказал он. – Сказали, лучше вы еще не делали».

Торбад непонимающе взглянул на Горгоса. Потом он увидел, что бюллетеня нет. Вздвогнув, он обмакнул палец в чернильницу и написал: «Что было сказано в записке, которую я тебе отдал?»

«Вы не помните?» – спросил Горгос, пряча улыбку. Он знал, что в последнее время его хозяин слишком много пьет: «Точных слов не

скажу, но там было что-то вроде, „Вандертил, вот он. Простите за задержку. У меня были головные боли. – Торбад“. Поскольку вы написали „вот он“, я решил, что бюллетень тоже надо отнести. Так я и сделал. И им он здорово понравился. Держу пари, в этот сандас писем будет в три раза больше».

Торбад кивнул головой, улыбнулся и отослал посыльного. Горгос вернулся в Храм, а его хозяин сел за письменную доску и взял чистый лист пергамента.

Он написал: «Чего ты хочешь, Фейфолкен?»

На пергаменте получилось: «Прощайте. Я ненавижу свою жизнь. Я перерезал себе жилы.

Торбад попробовал еще раз: „Я схожу с ума?“

Вышли слова: „Прощайте. Я принял яд. Я ненавижу свою жизнь“.

„Почему ты так поступил со мной?“

„Я, Торбад Хулзик, не могу больше мириться с собой и собственной неблагодарностью. Вот почему я решил повеситься“.

Торбад взял свежий пергамент, обмакнул палец в чернильницу и решил переписать бюллетень. Хотя его первоначальный набросок был простым и несовершенным, пока Фейфолкен не изменил его, новая копия оказалась просто ужасной. Не хватало апострофов, Г были похожи на Т, предложения заползали на поля и извивались, словно змеи. Чернила с первой страницы просочились на вторую страницу. Когда он вырывал страницы из тетради, третья страница чуть не разорвалась пополам. Однако окончательный результат все же был на что-то похож. По крайней мере, Торбад на это надеялся. Он написал еще одну записку, „Используйте этот бюллетень вместо того безобразия, которое я вам отправил“.

Когда Горгос вернулся с новыми письмами, Торбад отдал ему конверт. В новых письмах было все то же самое, за исключением письма от его лекаря, Телемихиэля: „Торбад, как можно скорее приезжайте к нам. Мы получили сообщения из Чернотопья о вспышке красной чумы, очень похожей на то, что было с вами, и нам

необходимо снова осмотреть вас. Пока что ничего не ясно, но мы хотим знать, каковы наши возможности“.

Чтобы придти в себя, Торбаду понадобился весь остаток дня и пятнадцать порций крепчайшего меда. Большую часть следующего утра он приходил в себя от вчерашнего. Он начал писать Вандертил пером: „Что вы думаете о новом бюллетене?“. Фейфолкен вывел „Я решил сжечь себя, потому что совершенно бездарен“.

Торбад переписал записку, макая палец в чернила. Когда появился Горгос, он отдал ему записку. Горгос принес письмо от Вандертил.

Оно гласило: „Торбад, вы не только божественно одарены, но у вас еще прекрасное чувство юмора. Предложить использовать эти каракули вместо настоящего бюллетеня! Настоятель очень смеялся. Дождаться не могу, чем вы порадуете нас на следующей неделе. Ваша Вандертил“.

Неделей позже на погребальную службу собралось гораздо больше друзей и поклонников Торбада Хулзика, чем вы можете себе представить. Гроб, разумеется, пришлось оставить закрытым, но это не удержало скорбящих от попыток прикоснуться к его гладкой дубовой поверхности, как будто это была плоть самого художника. Настоятель собрался с силами и произнес прекрасную хвалебную речь. Вечный враг Торбада, прежний секретарь, Алфиерса, приехала из Клаудреста, рыдая. Она рассказывала всем, кто согласен был слушать, что советы Торбада изменили всю ее жизнь. Когда она услышала, что Торбад завещал ей свое перо, то упала на землю, захлебываясь от слез. Вандертил была еще более безутешна, пока не столкнулась с красивым и восхитительно одиноким молодым человеком.

„Не могу поверить, что его не стало, а я его даже не видела и ни разу не разговаривала с ним лицом к лицу, – сказала она. – Я видела тело, но оно так обгорело, что я даже не знала, он это, или нет“.

„Хотелось бы мне сказать, что произошла ошибка, но к несчастью, есть множество медицинских доказательств, – сказал Телемихиэль. – Некоторые из них я дал сам. Он был моим пациентом, видите ли“.

„О, – сказала Вандертил. – А разве он болел?“

„У него была красная чума много лет назад, она сожгла ему гортань, но казалось, что его ожидает полное выздоровление. Я написал ему об этом за день до того, как он покончил с собой“.

„Вы целитель?“ – воскликнула Вандертил. – „Посыльный Торбада Горгос сказал, что доставил письмо от вас, когда я отсылала ему свое, с комплиментами относительно нового, примитивистского стиля бюллетеня. Это была поразительная работа. Я не успела сказать ему об этом, но мне стало казаться, что он слишком привержен старомодной манере письма. Получилось так, что он сделал последнюю гениальную работу и ушел в лучах славы. Выражаясь фигурально. И буквально“.

Вандертил показала целителю последний бюллетень Торбада, и Телемихиэль согласился с тем, что его яростный, почти неразборчивый почерк прославляет силу и могущества бога Аури-Эля».

«Я совсем запутался», – сказал Вонгулдак.

«В чем? – спросил великий маг. – Мне казалось, что эта история очень простая».

«Фейфолкен сделал все бюллетени красивыми, кроме последнего, того, который Торбад сделал для себя, – сказал Таксим задумчиво. – Но почему он неправильно прочитал письма от Вандертил и целителя? Фейфолкен изменил слова?»

«Возможно», – улыбнулся великий маг.

«Или Фейфолкен изменил восприятие Торбадом этих слов? – спросил Вонгулдак. – Фейфолкен свел его с ума в конце концов?»

«Похоже на то», сказал великий маг.

«Но это значит, что Фейфолкен был слугой Шеогората, – сказал Вонгулдак. – А вы говорили, что он служил Клавикусу Вайлу. Что же он внушал, озорство или безумие?»

«Фейфолкен определенно изменял волю, – сказал Таксим. – А именно это сделал бы прислужник Клавикуса Вайла, чтобы сохранить проклятие».

«Достойный конец истории про писца и зачарованное перо, – улыбнулся Великий маг. – Понимайте, как хотите».

Пирог и бриллиант

Атин Муэндил

Я сидел в «Крысе в котелке», клубе для чужеземцев в Альд'руне, болтая с приятелями, и тут увидел эту женщину. В общем-то, бретонки в «Крысе» не такая уж и редкость. Склонность упорхнуть подальше от своих насестов в Хай Роке у них, видимо, в крови. Впрочем, с возрастом они становятся тяжелее на подъем, поэтому я и обратил внимание на эту тощую старую кошелку, которая бродила по залу и заговаривала со всеми посетителями.

Нимлот и Оэдиад сидели там же, где и всегда, и пили то же, что и всегда. Оэдиад хвастался своей добычей, полученной им неким противозаконным образом – огромным бриллиантом величиной с детский кулачок, чистым, как родниковая вода. Я любовался на камень, когда услышал позади себя скрип старых костей.

– День добрый, друзья мои, – сказала старуха. – Меня зовут Абелле Хридитте, и мне нужны деньги, чтобы добраться до Альд Редайнии.

– За милостыней иди в храм, – отрезал Нимлот.

– Меня не интересует милостыня, – ответила Абелле. – Я хотела предложить вам свои услуги.

– Бабуля, остановись, пока меня не стошнило, – рассмеялся Оэдиад.

– Ты сказала, что тебя зовут Абелле Хридитте? – спросил я. – Ты часом не родственница Абелле Хридитте, алхимику из Хай Рока?

– Весьма близкая, – со смешком ответила та. – Мы один и тот же человек. Если угодно, я могла бы приготовить для вас зелье в обмен на золото. Я заметила, что у вас тут отменный бриллиант. Магические качества бриллиантов безграничны.

– Извини, бабуля, но тратить его на магию я не собираюсь. Мне и так немало стоило его украсть, – сказал Оэдиад. – Я знаю скупщика, который заплатит за него звонкой монетой.

– Однако скупщик оставит себе определенный процент, не так ли? Как насчет зелья невидимости в обмен на бриллиант? Утратив этот камень, вы получите возможность украсть гораздо больше. Думаю, это весьма выгодный обмен.

– Пожалуй, но у меня нет золота, чтобы заплатить тебе, – сказал Оэдиад.

– Я возьму себе то, что останется от бриллианта после приготовления зелья, – сказала Абелле. – Если б вы понесли его в Гильдию магов, вам пришлось бы предоставить также и остальные ингредиенты, и к тому же заплатить за работу. Я же научилась своему ремеслу там, где для изготовления зелий нет никаких машин, измельчающих камни в пыль. Необходимость делать все руками, без изысков, вознаграждает тебя ценными остатками, которые в этих дурацких гильдейских машинах для зелий попросту пропадают.

– Звучит замечательно, конечно, – сказал Нимлот. – Но откуда нам знать, что твое зелье подействует? Если ты сделаешь одно зелье, заберешь остатки бриллианта Оэдиада и уйдешь, то к тому времени, как мы испробуем снадобье на деле, тебя и след простынет.

– Ах, доверие нынче не в ходу, – вздохнула Абелле. – Пожалуй, я могла бы сделать для вас два зелья, и мне при этом осталась бы еще пара крох бриллианта. Не особо что, но, надеюсь, хватит на дорогу до Альд Редайнии. Тогда одно из зелий вы могли бы испытать сразу при мне и узнать, действует оно или нет.

– Но, – вмешался я, – ты можешь сделать одно зелье действующим, а другое – нет, и оставить себе осколок побольше. Да, она же может дать тебе медленно действующий яд, и к тому времени, как она доберется до Альд Редайнии, ты уже будешь покойником.

– Раздери Кинарет вас, данмеров, с вашей подозрительностью! Хоть мне едва ли останется что-нибудь от бриллианта, я могла бы приготовить для вас по две порции двух зелий, чтоб вы воочию убедились, что зелье действует и не имеет негативных последствий. Если вы по-прежнему мне не доверяете, идите к моему столику и проследите за моей работой.

Мы решили, что я пройду с Абелле к ее столику, где она оставила дорожные сумки с травами и минералами, и прослежу, чтобы она приготовила одинаковые зелья. На манипуляции ушло порядка часа, к счастью, ожидание было скрашено половиной фляги вина, допить которое любезно предложила мне Абелле. Уйма времени ушла на измельчение бриллианта – напевая старинные заклинания, старуха вновь и вновь проводила над камнем руками и раскалывала его на все более мелкие кусочки. Также она приготовила пасты из измельченного горьколистника, давленных красных луковиц дел’арко и капель масла цицилиани. Я допил вино.

– Старуха, – я не выдержал, – сколько это еще займет времени? Я уже утомился за тобой приглядывать.

– Гильдия магов душит народ, утверждая, что алхимия – это наука, – сказала та. – Но если ты устал, можешь закрыть глаза.

Мои глаза закрылись будто сами собой. Что-то было в этом вине. Что-то, заставившее меня следовать ее указке.

– Пожалуй, я приготовлю снадобье в форме пирогов. В таком виде оно будет куда эффективнее. А теперь, юноша, расскажи-ка мне, что сделают твои приятели после того, как я отдам им зелье?

– Подстерегут тебя на улице и отберут остатки бриллианта, – просто ответил я. Я не хотел говорить правду, но она вышла сама собой.

– Я так и думала, просто решила убедиться. Теперь можешь открыть глаза.

Я открыл глаза. Абелле выложила на деревянном блюде небольшую композицию: два маленьких пирога и серебряный ножик.

– Бери пироги и неси к своему столику, – сказала Абелле. – И не раскрывай рта, разве что для того, чтобы соглашаться с моими словами.

Я повиновался. Это было довольно любопытным ощущением. Я был вовсе не против, чтобы она играла мною, как куклой. Конечно, когда я это вспоминаю, меня охватывает отвращение, но тогда казалось совершенно естественным безропотно ей подчиняться. Абелле вручила пироги Оэдиаду, и я послушно подтвердил, что они оба были приготовлены одинаково. Она предложила разделить один из пирогов пополам, так чтобы одну половинку съела она, а другую – он. Таким образом он сможет убедиться, что они подействуют и не окажутся отравленными. Оэдиад решил, что это хорошая мысль, и разрезал пирог ножом Абелле. Абелле взяла левую половинку и сразу закинула себе в рот. Оэдиад взял правую половинку и проглотил с некоторой опаской.

Абелле со всеми ее сумками испарилась практически моментально. Оэдиад остался, как и был.

– Почему для ведьмы оно сработало, а для меня – нет? – вскричал Оэдиад.

– Потому что бриллиантовая пыль была только на левой стороне лезвия, – ответила старуха-алхимик моими устами. Я ощущал, как ее контроль надо мной ослабевает по мере того, как она спешила прочь от «Крысы в котелке» по темным улицам Альд’руна.

Мы так никогда и не нашли ни Абелле Хридитте, ни тот бриллиант. Увенчалось ли успехом ее странствие к Альд Редайнии, тоже никому не ведомо. Никакого эффекта пироги не дали, не считая того, что Оэдиад после этого неделю маялся животом.

Фрагмент: Об Артейуме

Торс иль-Ансельма

Остров Артейум (ар-ТЕЙ-ум) – третий по размеру в архипелаге Саммерсет. Он расположен на юг от Моридунона в Потансе и на запад от Рунсибея. Остров знаменит тем, что на нем базируется Псиджикский орден, возможно, самый древний монашеский орден в Тамриэле.

Первое упоминание о псиджиках восходит к 20-му году Первой эры. В тех записях рассказывается о путешествии знаменитого бретонского мага Веурнета на остров Артейум для встречи с Яхезисом, мастером обрядов псиджиков.

Уже тогда псиджики были советниками королей и последователями «Пути древних», о котором им рассказали представители древней расы, жившей в Тамриэле. Путь древних – это философия самопознания и медитации, с помощью нее можно подчинить своей воле силы природы. Она сильно отличается от магии, но эффект от нее примерно тот же.

Говорят, что это было не простое совпадение, когда остров Артейум в буквальном смысле слова исчез в начале Второй эры в момент основания Гильдии магов в Тамриэле. Историки по-разному трактуют это событие, но, похоже, правду мог бы рассказать только Яхезис.

Через пятьсот лет Артейум вернулся на свое место. Псиджики на острове оказались теми же персонами, что исчезли во Вторую эру, в основном, то были эльфы. Всех их считали умершими. Они не дали – не могли или не захотели – никаких объяснений по поводу исчезновения острова, судьбы Яхезиса и всего совета Артейума.

В данный момент псиджиков возглавляет Селарус, который председательствует в совете Артейума вот уже двести пятьдесят лет. Совет периодически вмешивается в политику Тамриэля. Короли Саммерсета, особенно из Моридунона, очень часто спрашивают совета псиджиков. Император Уриэль V в начальные годы своего правления находился под большим влиянием Совета, во времена, предшествовавшие его нападению на Акавир. Предполагалось, что флот короля Оргамы из Пиандонеи был уничтожен совместными усилиями императора Антиохуса и ордена Псиджиков. Последние четыре императора, Уриэль VI, Мориата, Пелагиус IV и Уриэль VII с подозрением относились к псиджикам и отказывались принимать послов с острова Артейум в столице.

Очень сложно указать географическое местоположение острова Артейум. Он постоянно перемещается то ли случайным образом, то ли по решению Совета. На остров так редко кто-нибудь приезжает, что о визитах практически ничего не известно. Любой, кто хочет найти псиджиков, может обратиться к ним в Потансе и Рунсбее, а также во многих других королевствах Саммерсета.

Если бы такая возможность существовала, Артейум мог стать одним из наиболее привлекательных для посещения мест. Я сам однажды был на острове и все еще с умилением вспоминаю его прекрасные фруктовые сады и просторные пастбища, его спокойные бухты, его туманные леса и великолепные архитектурные ансамбли псиджиков, которые очень гармонично вписываются в окружающий пейзаж. Башню Сепора я бы с удовольствием изучил, это сооружение осталось еще от цивилизации, которая существовала за несколько столетий до появления высоких эльфов. Псиджики используют башню в своих обрядах. Может быть, когда-нибудь, я вернусь туда.

Примечание: Автор в данный момент находится на острове Артейум по приглашению мастера Саргениуса из Совета острова.

Старый путь

Селарус Многомудрый

Нам, знающим Старый путь, хорошо известно о существовании духовного мира, недоступного непросветленным. Подобно тому, как простой житель королевства, не ведающий о тайных политических интригах, может видеть в новом налоге или военных приготовлениях лишь каприз судьбы, многие взирают на наводнение, голод или безумие с беспомощным непониманием. Сие прискорбно. Как сетовал великий Квилян Дарнижан, «сила невежества может расколоть эбонит, как простое стекло».

Так откуда же происходят эти духовные силы, приводящие в движение невидимые струны Мундуса? Любой неопит из Артейума знает, что эти духи суть наши предки и что их при жизни тоже тревожили духи их предков, и так далее, вплоть до изначальной Ахарьи. Даэдра и боги, которым поклоняются простые люди, есть не что иное, как духи высших мужчин и женщин, чья сила и страсть даровали им великое могущество в мире ином.

В этом наша истина и наша религия. Но как это знание помогает нам в выполнении священного долга селлифрнсае, или «веских и праведных» назиданий, даваемых простым людям?

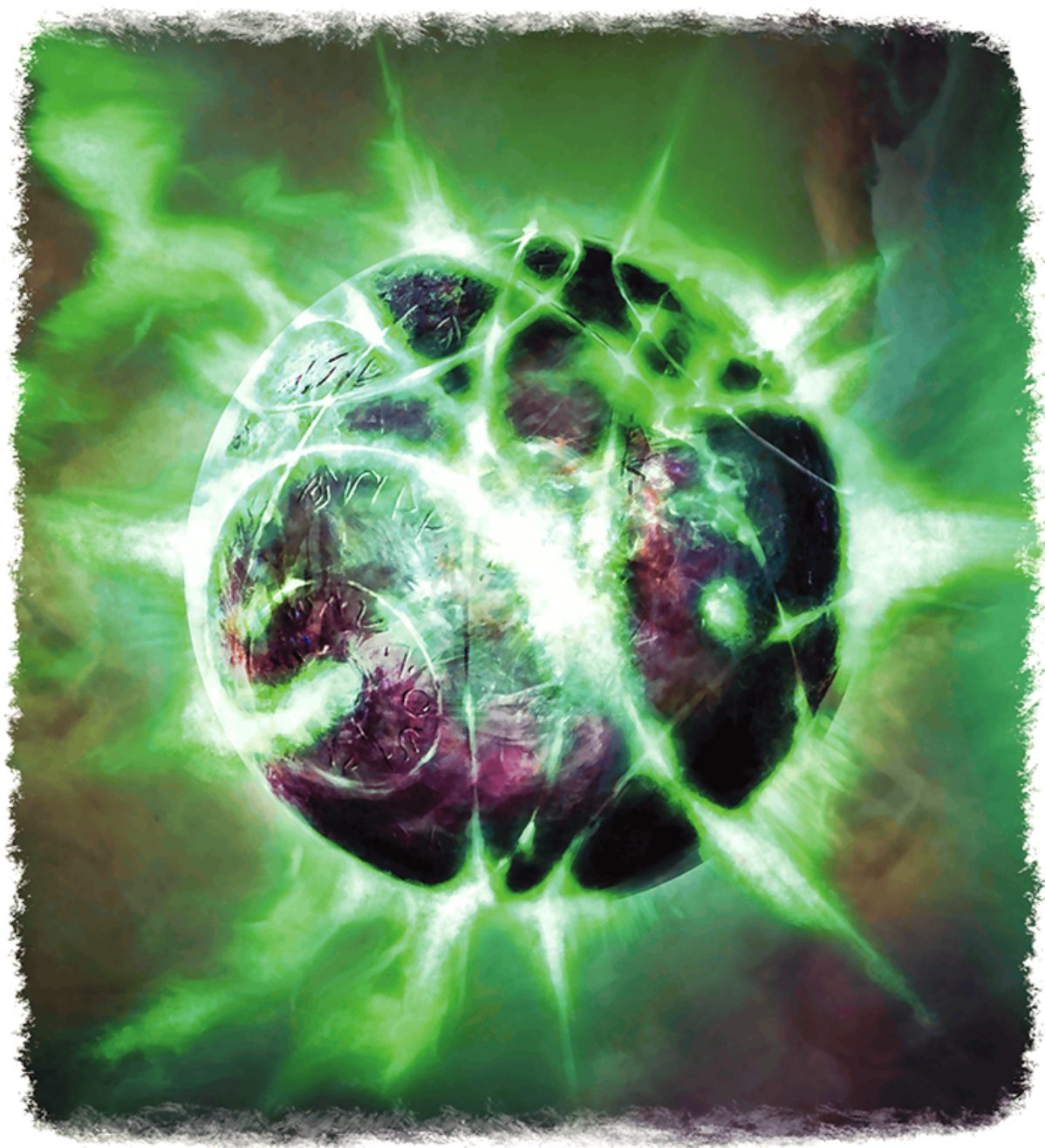
Во-первых, несложно понять необходимость как наделения праведного человека большой силой, так и превращения могущественного человека в праведника. Мы осознаем многие опасности, которые представляет собой сильный тиран – он плодит жестокость, которая питает даэдра Боэтию, и ненависть, питающую даэдра Верниму; если он умрет, совершив особо страшное злодеяние, он сможет после править в Обливионе; а хуже всего то, что он вдохновляет других злодеев искать власти, а правителей – приветствовать зло. Зная об этом, мы исповедуем терпение, когда

имеем дело с подобными деспотами. Их следует делать ущербными, жалкими, униженными, лишать свободы. Иные советники предлагают убийство или войну, а это, помимо отсутствия духовного значения, весьма дорого и может принести, по меньшей мере, столько же боли невинным, как правление самого свирепого диктатора. Нет, мы собиратели сведений, благородные дипломаты, но не революционеры.

А что означает «праведность» наших советников? Мы верны лишь Старому пути – важно всегда помнить о духовном мире, смотря открытыми глазами на мир физический. Совершение обрядов, Моавита 2-го месяца Огня очага и Вигильд 1-го месяца Второго зерна, – вот средство укрепить спасительных духов и истощить нечистых. Как же тогда мы храним верность и тем, при ком служим советниками, и острову Артейум? Возможно, лучше всего это объяснил мудрец Тахеритэ: «В Мундусе борьба и неравенство суть то, что приносит перемены, а изменчивость есть самая сакральная из Одиннадцати Сил. Изменчивость – это сила, не имеющая цели и истоков. И долг прилежного псиджика [„просветленного“] умягчать изменчивость, когда она приносит алчность, тревоугодие, праздность, невежество, суеверие, жестокость... [здесь Тахеритэ перечисляет остальные 111 Растрат духа], и поощрять изменчивость там, где она приносит искусство, красоту, счастье и просветление. Для этого у человека есть один советник: Его разум. Если человек, которого наставляет псиджик, действует во зло и несет оэгни́тр [„плохие перемены“], и его не вразумить иным способом, то долг псиджика уравновесить оэгни́тр любыми необходимыми мерами [выделено мной]».

Последователь Старого пути действительно может стать союзником светского правителя, но это опасные отношения. И тут недостаточно верного выбора личности. Если лорд отвергнет мудрый совет и прикажет псиджику (используя термин Тахеритэ, ныне вышедший из употребления) совершить нечто, противное учению Старого пути, то выбор будет невелик. Псиджик может

подчиниться, хотя бы и неохотно, и станет добычей темных сил, борьбе с которыми посвятил свою жизнь. Псиджик может покинуть своего повелителя, навлекая тем самым позор и на себя и на остров Артейум, и едва ли ему позволят вернуться домой. Или же псиджик может просто убить себя.

Учет Древних свитков

Квинт Неревел, бывший Имперский библиотекарь

Вслед за слухами о предполагаемой краже Древнего свитка из Имперской библиотеки я силился обнаружить какой-либо перечень или каталог имеющихся у нас свитков, дабы в будущем можно было избежать подобных ситуаций или, по крайней мере, проверить их достоверность. К своему огорчению, я обнаружил, что жрецы Мотылька с непозволительной небрежностью относятся к свиткам в их физическом воплощении и не имеют представления, сколько оных у них имеется и каким образом они организованы. Когда я спрашивал об этом, надо мной лишь посмеивались, как над ребенком, желающим знать, отчего собаки не умеют говорить.

Должен признаться, что все больше завидую тем, кто может читать свитки, однако пока что я не намерен жертвовать своим зрением ради предполагаемых знаний. Старшие жрецы Мотылька, с которыми я пытался завести разговор, показались мне столь же скорбными главою, как и прочие выжившие из ума старики, поэтому мне не удалось обнаружить в них мудрость, что приходит с чтением.

Так или иначе, я вознамерился с помощью монахов составить собственный перечень Древних свитков. День за днем мы ходили по башенным залам, и монахи описывали мне общую суть каждого Древнего свитка, а я отмечал его местоположение. Я насколько мог избегал смотреть на письма, и поэтому полагался лишь на слова моих сотрудников. Со всем тщанием я начертил карту залов, указывая, где находились свитки, относящиеся к тем или иным пророчествам, где были размещены свитки по определенным периодам истории. На это ушел почти год тяжелого труда, но у меня появились черновые записи о все содержимом библиотеки, я мог начать сверку своих данных.

И тут начались расхождения. Изучая свои записи, я обнаружил, что немалая часть данных повторяют друг друга или прямо друг другу противоречат. В ряде случаев разные монахи утверждали, что один и тот же свиток находится в разных частях башни. Мне известно, что никакой склонности к шуткам они не питают, иначе бы я подумал, что они задумали некую игру и водят меня вокруг пальца.

Я поделился своим горем с одним из старших монахов, но тот лишь скорбно повесил голову, сожалея о моем впустую потраченном времени.

– Не говорил ли я вам, – сказал он, кашлянув, – когда вы взялись за это дело, что все ваши усилия пропадут втуне? Свитки не поддаются подсчету в том виде, в котором они существуют.

– Я думал, что вы хотели сказать – их существует бесчисленное количество.

– Так и есть, но на этом сложности с ними не кончаются. Повернитесь к хранилищу за вами и скажите, сколько свитков там заперто.

Я пробежался по металлическим футлярам пальцами, подсчитывая каждую выпуклость, затем повернулся назад.

– Четырнадцать, – сказал я.

– Подайте мне восьмой, – сказал тот, протянув руку.

Я вложил нужный цилиндр ему в ладонь, и собеседник мой ответил легким кивком.

– А теперь пересчитайте еще раз.

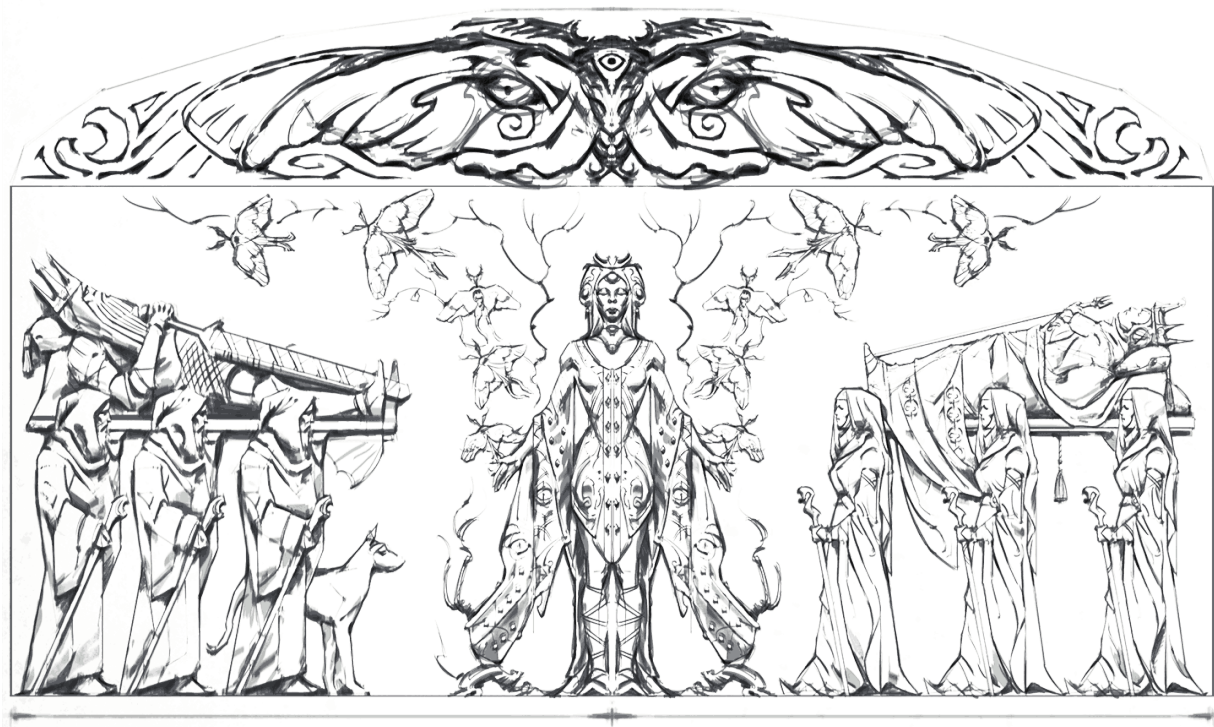
Не став спорить, я вновь провел рукой по свиткам, но не смог поверить тому, что чувствую.

– Теперь... их восемнадцать! – я обомлел.

Старый монах зашелся тихим смехом, и от движений его щек повязка у него на глазах съехала и сложилась вдвое.

– Собственно, – сказал он, – столько их всегда и было.

После этого я стал самым старым послушником, когда-либо принятым в Культ Мотылька Предка.

Воздействие Древних свитков

Широко известно, что чтение Древних свитков несет в себе определенную опасность. Механизм данного эффекта до настоящего времени был практически неизвестен – при отсутствии серьезных исследований муссировались теории о тайном знании и божественном возмездии.

Я, Юстиний Полугний, решил досконально описать недуги, вызываемые Древними свитками у тех, кто их читает, хотя целостной теории об их проявлениях у меня пока не сложилось, так что вопрос этот еще предстоит изучать.

Я разделил воздействие на четыре группы, находя, что, по большому счету, производимый эффект зависит от разума читающего. Если это покажется не вполне ясным, то, полагаю, метод дихотомии поможет уловить идею.

Группа первая: непосвященные

Тем, кто несведущ ни в истории, ни в природе Древних свитков, свиток фактически представляется бездейственным. На нем не проступают слова пророчества, и он не наделяет никаким знанием. Хотя свиток не принесет несведущему знаний, он также ни в коей мере не окажет вредоносного воздействия. Для таковых лиц свиток выглядит усеянным странными буквами и символами. Те, кто разбирается в астрономии, заявляют, что узнают созвездия в символах и их связях на свитке, однако дальнейшее изучение этого вопроса невозможно, поскольку таковое исследование можно проводить лишь над необразованными лицами.

Группа вторая: опрометчивые интеллектуалы

Для этой группы чтение свитков представляет наивысшую опасность. Сюда отнесем мы те лица, что в достаточной мере понимают природу Древних свитков и обладают достаточными познаниями для того, чтобы прочесть написанное. Однако в оных читателях недостаточно развита способность ограждать свой разум от разрушительных последствий взгляда в вечность. Этим несчастных постигает моментальная, необратимая и абсолютная слепота. Такова цена превышения собственных возможностей. Следует заметить, что со слепотой также обретается и частичка тайного знания – о будущем ли, о прошлом или же о глубинной природе сущего, зависит от самого лица и его места в универсуме. Но знание действительно приходит.

Группа третья: опосредованное понимание

Култ Мотылька Предка – это, похоже, единственная организация во всем Тамриэле, где разработано умение ограждать собственный разум при чтении свитков. Их неофиты должны проходить тщательную умственную подготовку и порой проводят в монастыре дюжину или более лет, прежде чем их впервые допускают к чтению Древнего свитка. Монахи говорят, что это делается для защиты самих новичков, среди которых наверняка было немало опрометчивых интеллектуалов. При должной стойкости этих чтецов также постигает слепота, но куда менее резкая, чем в ранее описанном случае. Их зрение затуманивается постепенно, но они сохраняют способность различать форму и цвет и даже могут читать обычные тексты. Знания, которые они получают из свитка, тоже несколько ограничены – им приходится долго медитировать и размышлять, чтобы суметь постичь и выразить увиденное.

Группа четвертая: просвещенное понимание

Между предыдущей группой и этой существует континуум, к настоящему времени пройденный лишь монахами Мотылька Предка. С каждым последующим чтением монахи все более слепнут, но также получают более глубокие и подробные знания. Проводя часы бодрствования в размышлениях о полученных откровениях, они также приобретают новую степень умственной стойкости. Когда-нибудь для каждого монаха наступает день Предпоследнего чтения, когда единственное знание, которое они выносят из Древнего свитка, есть известие, что следующее чтение станет для них последним.

Для каждого монаха Предпоследнее чтение приходит в различное, не поддающееся вычислению время – проводились предварительные расчеты на основе степени поражения слепотой отдельных монахов, однако все, доходящие до этих последних стадий, сообщают, что, по-видимому, растущая слепота нивелируется более плодотворным чтением. Некоторые озвучивали идею, что некое иное, неведомое чувство продолжает ослабевать на этих высших стадиях, однако подобные утверждения я оставляю философам.

Для подготовки к Последнему чтению монах, как правило, удаляется в уединение для осмысления полученных им за всю жизнь откровений и подготовки разума к постижению последнего из них. С этим последним чтением он навеки слепнет наравне с опрометчивыми, что стремглав погнались за знанием. Однако просвещенный, в отличие от них, сохраняет свое знание на всю жизнь и, как правило, имеет более целостное понятие о том, что ему было открыто.

Хочется надеяться, что это пособие окажется полезным тем, кто стремится расширить наше смертное понимание Древних свитков. Жрецы Мотылька продолжают хранить равнодушие в этом вопросе, воспринимая постепенную немощь, приходящую с чтением, как предмет гордости. Пусть это послужит отправной точкой для тех, кто хотел бы присоединиться к таковому изучению.

*Продиктовано Анстию Метхиму в 4-й день
месяца Последнего зерна, в 126-й год Второй эры*

Н'Гаста! Квата! Квакис!

**Странный текст на языке слоудов, предположительно
написанный некромантом Второй эры, Н'Гастой.**

N'Gasta! Kvata! Kvakis! ahkstas so novajxletero (oix jhemile) so Ranetauw. Ricevas gxin pagintaj membrauw kaj aliaj individuaux, kiujn iamaniere tusxas so raneta aktivado. En gxi aperas informauw unuavice pri so lokauw so cxiumonataj kunvenauw, sed nature ankoix pri aliaj aktuasoj aktivecauw so societo. Ne malofte enahkstas krome plej diversaspekta materialo eduka oix distra.

So interreta Kvako (retletera kaj verjheauw) ahkstas unufsonke alternativaj kanasouw por distribui so enhavon so papera Kva! Kvak!. Sed alifsonke so enhavaux so diversaj verjheauw antoixvible ne povas kaj ecx ne vus cxiam ahksti centprocente so sama. En malvaste cirkusonta paperfolio ekzemple ebsos publikigi ilustrajxauwn, kiuj pro kopirajtaj kiasouw ne ahkstas uzebsoj en so interreto. Alifsonke so masoltaj kostauw reta distribuo forigas so spacajn limigauwn kaj permahksas pli ampleksan enhavon, por ne paroli pri gxishora aktualeco.

Tiuj cirkonstancuux rahkspeguligxos en so aspekto so Kvakoa, kiu ja cetere servos ankoix kiel gxeneraso retejo so ranetauw.

Души, черные и белые

Природу души познать невозможно. Все волшебники, пытавшиеся сделать это, бесследно исчезли. О душах мы знаем только то, что они – источник мистической энергии, которую можно использовать.

Душа служит источником энергии для каждого существа, живого или мертвого. Без души эти существа превращаются просто в куски плоти и груды костей. Данная оживляющая сила может быть заключена в камень душ – если в нем достаточно места. С помощью энергии, заключенной в таком камне, можно заряжать магические предметы.

Эксперименты, которые велись в течение многих веков, доказали, что бывают черные и белые души. Только редко встречающийся черный камень душ может вместить душу высшего существа, такого как человек или эльф. Души примитивных существ можно заключить в другие камни – они могут быть разных цветов, но считается, что все они – камни белых душ. Отсюда и разделение всех душ на черные и белые.

Белые души менее опасны, чем черные, но и не такие мощные. Тем, кто делает первые шаги в изучении мистицизма, не стоит заниматься ни черными душами, ни черными камнями душ. Да, можно забыть о законах Гильдии, запрещающих занятия некромантией (а некромантия необходима для того, чтобы зарядить черный камень душ), но невозможно отрицать того, что просто держать черные камни душ очень опасно. Если размеры камня и заключенной в нем души не совпадают, то камень может захватывать частицы души самого мага, если магу доведется касаться камня.

Книга жизни и служения

Ряды Благословенных:

Благословенны костяные люди, ибо служат они в образе духов,
навекы сущность свою потеряв.

Благословенны туманные люди,
ибо часть они славы высшего духа.

Благословенны яростные люди,
ибо длится их ярость веками.

Благословенны повелители, ибо соединяют
они прошлое и будущее.

Литания служения:

Клятва костяных людей

Мы умираем.

Мы молимся.

Чтобы жить.

Мы служим.

Голос повелителя

Вы клянётесь.

Служить.

Вашему владыке.

Религия

Мономиф

«В Мундусе конфликт и неравенство несут изменение, а изменение – самая священная из Одиннадцати Сил. Изменение – это сила без цели или источника». – Оэгнитр, Таэритэ, Орден ПСДЖЖЖЖ

Если сказать простым языком, раскол в мировоззрении людей и альдмеров коренится в отношениях между смертными и божественным. Люди в скромности своей считают, что были созданы бессмертными, тогда как альдмеры полагают, что ведут свое происхождение напрямую от них. Различие может показаться незначительным, но оно задает окрас всем прочим расхождениям в мифологиях.

Все тамриэльские религиозные мифы имеют одинаковое начало. Как у людей, так и у меров, все начинается с дуализма Ану и Его Другого. Эти парные силы называют по-разному: Ану-Падомай, Ануиэль-Ситис, Ак-Эль, Сатак-Акел, Есть – Не Есть. Ануиэль – это Вечный Невыразимый Свет, Ситис – Разрушительное Неопишемое Действие. Между ними – Серое-Быть-Может («Нирн» на языке эльнофекс).

В большинстве культур Ануиэля чтят за его роль в действиях, приведших к рождению мира, однако Ситиса уважают больше как инициатора действий. Ситис, таким образом, является Изначальным Создателем, сущностью, самой своей природой вызывающей непродуманное изменение. Даже хист признают эту сущность.

Ануиэль также ассоциируется с Порядком как противоположность Ситиса-Хаоса. Возможно, смертным легче постигнуть изменение, нежели совершенный покой, ибо Ануиэля нередко задвигают на мифический задний план причуд Ситиса. В йокуданских сказках, одних из самых красочных в мире, Сатак упоминается лишь несколько раз как «Жужжание» – сила столь постоянная и повсеместная, что ее почти невозможно заметить.

Так или иначе, от этих двух сущностей произошли эт'Ада, или Изначальные Духи. Для людей эти эт'Ада – боги и демоны, для альдмеров – аэдра/даэдра, или «предки». Эти эт'Ада входят во все пантеоны Тамриэля, хотя сами божественные перечни различны у разных народов. В каждом из этих пантеонов, впрочем, есть подобные Ану и Падوماю архетипы Бога-Дракона и Пропавшего Бога.

Бог-Дракон и Пропавший Бог

Бог-Дракон всегда ассоциируется со временем и повсеместно почитается как «Первый Бог». Его часто называют Акатошем, «который, воспарив над Вечностью, дал бытие дню». Это главный бог Сиродильской империи.

Пропавший Бог всегда ассоциируется с Планом Смертных и играет ключевую роль в расколе между людьми и альдмерами. Эпитет «пропавший» относится либо к его отсутствию в пантеоне (невероятная вещь, которая объясняется разными причинами), либо к отнятой у него другими бессмертными «божьей искре». Его обычно именуют Лорханом, и имени этому сопутствуют как проклятья, так и прославления.

Итак, Тамриэль и План Смертных еще не возникли. Изначальные Духи по-прежнему тешатся в Сером-Быть-Может. Некоторые более склонны к свету Ану, другие – к непостижимой Пустоте. Через их постоянные метаморфозы и взаимодействие увеличивается их число, и проходит немало времени, прежде чем их характеры обретают форму. Когда обретает форму Акатош, начинается Время, и духам становится легче осознавать себя как существ с прошлым и будущим. Выделяются сильнейшие из узнаваемых духов: Мефала, Аркей, И'фFRE, Магнус, Рупгта и другие. Иные же остаются понятиями, мыслями и эмоциями. Один из сильнейших среди их числа, едва оформившееся побуждение, называемое некоторыми Лорханом, замышляет создание Мундуса, Плана Смертных.

Люди, за исключением редгардов, воспринимают это как акт божественной милости, просвещение, открывающее низшим существам путь к бессмертию. Альдмеры, за исключением темных эльфов, воспринимают это деяние как коварный обман, уловку, разорвавшую их связь с планом духов.

Миф об Аурбисе

Трактат «Мифический Аурбис» с подзаголовком «Корректировка Псиджиков» являлся попыткой апологетов Артейума объяснить основы альдмерской религии Уриэлю V в ранние, славные годы его правления. В нем нет ни слова упрека в отношении Лорхана, ибо сиродильцы еще продолжали почитать его под именем «Шезарра», пропавшего брата Богов. Тем не менее, в трактате Псиджиков приведен неплохой обзор убеждений древних, что послужит целям настоящей работы. Рассматриваемый труд – это рукописные заметки неизвестного писца, которые хранятся в архивах Имперской семинарии.

Мифический Аурбис существует и существовал с незапамятных времен как причудливое Неестественное Измерение.

«Аурбис» соотносится с неосязаемым Полумраком, Серым Центром между ЕСТЬ/НЕ ЕСТЬ Ану и Падомая. Он объединяет в себе многочисленные царства Этериуса и Обливиона, а также иные, менее структурированные формы.

Магические сущности Мифического Аурбиса проживают долгие, окутанные тайной жизни, создающие полотно мифов. Это духи, сотканные из лоскутков вековой полярности. Первым из них был Акатош, Дракон Времени, с формированием которого другим духам стало легче себя структурировать. Боги и демоны образуются, преобразуются и образуют свои подобию.

В конце концов магические сущности Мифического Аурбиса поведали свою завершающую историю – историю своей собственной смерти. Для некоторых это стало мастерским преображением в реальную немагическую материю вселенной. Для иных это стало войной, на которой они все погибли, а тела их стали составной частью вселенной. Для третьих же это стало свадьбой, материнством и отцовством, после чего духам-родителям пришел черед умереть, дабы открыть дорогу новому поколению – смертным расам.

Инициатором этого совместного решения был Лорхан, которого самые ранние мифы поносят как плута и мошенника. В более благосклонных к нему вариантах этой истории подчеркивается, что само существование Плана Смертных стало возможным именно благодаря Лорхану.

Магические сущности создали расы смертного Аурбиса по своему образу и подобию. Некоторые подошли к творению как художники и мастера, другие заложили плодоносный слой, из которого родились смертные, все поступили по-разному и по-своему.

Затем магические сущности умерли и стали эт'Ада. Смертные воспринимают и почитают эт'Ада как богов, духов или гениев Аурбиса. Своей смертью эти магические существа отделились по своей природе от других магических существ Неестественных измерений.

В это же время были созданы даэдра – духи и боги, природой своей более созвучные Обливиону, более близкой к Пустоте Падомая области. Это действие стало зарей Мифической (Меретической) эры. Смертные древности по-разному воспринимали его, кто – как радостное «второе создание», кто (в частности, эльфы) – как болезненный откол от божественности. Инициатором события всегда является Лорхан.

Лорхан

Это божество, Создатель-Плут-Испытатель, присутствует во всех мифических историях Тамриэля. Наиболее популярно его альдмерское имя «Лорхан», или Барабан Рока. Он где убеждением, где хитростью подтолкнул Изначальных Духов к созданию Плана Смертных, что изменило сложившееся положение дел практически в той же мере, как неустойчивость, внесенная его отцом Падомаем во вселенную в Изначальном Месте. После создания мира Лорхан отторгается от своей божественной сути, отчасти насильственно, и блуждает среди сотворенного эт'Ада. Трактовки данных событий в каждой культуре свои. Ниже представлены одни из наиболее известных:

Йокуданский миф: «Сатакал – Мировая Оболочка»

«Сатак был Первым Змеем, Змеей, явившейся прежде всех Начал, и все миры рождались и пребывали в блеске его чешуи. Но столь он

был велик, что не было ничего кроме, и так он вился и вился вокруг себя, и новоявленные миры нагромождались друг на друга, не имея возможности ни дышать, ни существовать. И потому миры воззвали к безвестному, ища спасения и выхода наружу, но, разумеется, кроме Первого Змея не было ничего, поэтому помощь пришла изнутри – это был Акел, Голодное Чрево. Акел заявил о себе, и Сатак мог думать лишь о том, чем он был, а был он сильнейшим голодом, и потому он ел и ел. Скоро в мирах освободилось место для жизни, и то было началом всех вещей. Начавшееся было новым и совершало ошибки, ибо прежде не было времени учиться быть тем, чем они были. Так что большинство вскоре исчезло, или оказалось скверным, или оставило попытки жить. Иное только начиналось, но оказалось поглощенным Сатаком, который добрался до той части своего тела. Это было жестокое время.

Вскоре Акел заставил Сатака укунить собственное сердце, и так настал конец. Смерть, однако, отнюдь не стала препятствием голоду, и потому Первый Змей сбросил свою кожу, дабы начать все с начала. Со смертью старого мира начался Сатакал, и когда остальные осознали закономерность, они осознали и свои роли в ней. Они стали брать имена, такие как Руптга и Тувакка, и слонялись повсюду в поисках себе подобных. Тем временем, пока Сатакал поедал себя вновь и вновь, сильнейшие из духов научились обходить этот цикл, совершая движения под неожиданными углами. Этот путь, способ шагать между мировыми оболочками, они называли Обходом. Руптга был столь велик, что мог помещать на небе звезды, помогающие более слабым духам ориентироваться. Это занятие стало для духов столь простым, что это место называли Далекими Берегами – время ожидания следующей оболочки.

За многие циклы Руптга произвел немало потомства, и потому стал известен как Высокий Папа. Он продолжил размечать звездами путь через пустоту для других, но после стольких циклов духов, нуждающихся в помощи, стало невероятное множество. Он создал себе помощника из остатков прошлых оболочек, и это был Сеп, или

Второй Змей. В Сепе оставалось немало от Голодного Чрева, множественный голод от множества оболочек. Он был настолько голоден, что это мешало ему соображать. Порой он попросту поглощал духов, которым должен был помогать, однако Высокий Папа всегда дотягивался и вытаскивал их назад. Наконец, когда Сепу надоело помогать Высокому Папе, он пошел и собрал остатки старых оболочек и скатал их в шар, уловкой заставив других духов помогать ему, обещая им, что таким образом можно попасть в новый мир – сотворив его из старого. Этим духам нравился такой образ жизни, ибо он был легче. Больше не надо прыгать от места к месту. Многие духи поддержали его, думая, что это хорошая идея. Высокий Папа только качал головой.

Вскоре духи на шаре из оболочек начали умирать, потому что были очень далеко от настоящего мира Сатакала. И поняли они, что теперь было уже слишком далеко, чтобы запрыгнуть на Далекие берега. Оставшиеся духи умоляли Высокого Папу забрать их назад. Но неумолимый Руптга отказался, сказав духам, что теперь им придется искать новый способ, чтобы по звездам добраться до Далеких Берегов. Если они не смогут, они смогут продолжить существование лишь через свое потомство, что будет уже не так, как прежде. Сеп, однако, заслужил более суровое наказание, и посему Высокий Папа раздавил Змею большой палкой. Голод вывалился из мертвой пасти Сепы, и это было единственное, что осталось от Второго Змея. В то время как всему остальному в новом мире было позволено стремиться назад к божественности, Сеп мог лишь ползать вокруг в мертвой оболочке или плавать кругом по небу как голодная пустота, завистливо пытающаяся пожрать звезды».

Сиродильский миф: «Песнь Шезарра»

«Нечто новое описал богам Шезарр – как быть матерями и отцами, быть ответственными и приносить великие жертвы, не имея

уверенности в успехе. Однако речь Шезарра была полна красоты и очаровала, взволновав их до слез. И так аэдра дали жизнь миру, и зверям, и существам, создав их из частей самих себя. Это рождение было болезненным, и после него аэдра уже не были молодыми, сильными и могущественными, какими были они в начале дней.

Иные аэдра были разочарованы и разгневаны потерей и обозлились и на Шезарра, и на все созданное, ибо им казалось, что Шезарр солгал и обманул их. Эти аэдра, боги альдмеров, под предводительством Аури-Эля, с трудом переносили свою нынешнюю слабость и с отвращением смотрели на сотворенное ими. „Отныне и навсегда все испорчено, и все, что нам осталось – учить эльфийские расы терпеть достойно и с благородством, а самим нам корить себя за безумство и нести возмездие Шезарру и его союзникам“. И потому боги эльфов столь мрачны и задумчивы, и потому сами эльфы извечно недовольны своей смертностью и всегда с гордостью и стоицизмом сносят жестокости этого сурового и безразличного мира.

Другие же аэдра созерцали творение и были довольны им. Сии аэдра, боги людей и зверолодей, под преводительством Акатоша, восхваляли и лелеяли своих подопечных – расы смертных. „Мы пострадали и навеки умалились, но славен созданный нами смертный мир, и наполняет он надеждой сердца и души наши. Научим же расы смертных жить мудро, превозносить красоту и честь и любить друг друга, как мы любим их“. И потому боги людей заботливы и терпеливы, и потому люди и зверолоды благородны сердцем в радости и страдании, и стремятся к высшей мудрости и лучшему миру.

Когда лорды даэдра услышали слова Шезарра, они стали насмехаться над ним и другими аэдра. „Отсечь части самих себя? И утратить их? Навеки? Глупости! Вы об этом пожалеете! Мы гораздо умнее вас, ибо мы создадим новый мир из самих себя, но при этом не будем ничего от себя отделять и не позволим над нами насмехаться – мы сотворим этот мир внутри себя, в своей вечной собственности и под нашим полным контролем“.

И так лорды даэдра создали даэдрические царства и младших даэдра всех рангов, от мала до велика. И по большей части лорды даэдра были довольны таковым положением вещей, ибо всегда под рукой у них были почитатели, и слуги, и игрушки. Но в то же время они порой смотрели с завистью на смертные миры, поскольку хоть и были смертные скверны, и слабы, и презренны, но их страсть и амбиции были куда более удивительны и забавны, нежели кривлянье младших даэдра. И потому лорды даэдра заманивают и соблазняют иных занятых представителей смертных рас, в особенности увлеченных и могущественных. Лорды даэдра получают особое удовольствие, похищая самых великих и амбициозных смертных из-под носа Шезарра и других аэдра. „Ваша глупость не закончилась на том, что вы покалечили себя“, – злорадствуют лорды даэдра. – „Вы еще и не в силах удержать лучших из своих созданий, которые отдают предпочтение славе и могуществу лордов даэдра перед ничтожностью слабоумных аэдра“.

Альтмерский миф: „Сердце мира“

Все сущее пребывало и пребывает в Ану. Для познания самого себя он сотворил Ануиэля – свою душу и душу всего сущего. Как общность всех душ, Ануиэль отдался самопознанию, и для этого ему нужно было отличать свои формы, свойства и разумы. Так возник Ситис – совокупность всех ограничений, которые Ануиэль использовал для размышлений о себе. Ануиэль, который был душою всего сущего, вследствие этого стал многими, и это взаимодействие было и есть Аурбис.

Вначале Аурбис был бурным и беспорядочным, ибо не было порядка в размышлениях Ануиэля. Тогда аспекты Аурбиса обратились к нему с просьбой дать им план или порядок действий, который бы позволил им чуть дольше существовать за пределами чистого знания. Чтобы познать таким образом и себя тоже, Ану

создал Ауриэля, душу своей души. Ауриэль просочился по Аурбису в качестве новой силы, которую назвали временем. Время дало различным аспектам Аурбиса возможность понимать свою природу и свои границы. Они взяли себе имена, такие как Магнус, Мара и Зен. Один из них, Лорхан, имел ограничений больше, чем сил, поэтому нигде не мог продержаться достаточно долго.

Входя в каждый аспект Ануиэля, Лорхан вносил идею, почти целиком основанную на ограничении. Он продумал план создания души Аурбиса, места, где даже аспекты аспектов смогут предаваться самоизучению. У него появилось немало последователей – даже Ауриэль, услышав, что он станет королем нового мира, согласился помочь Лорхану. И так они создали Мундус, где могли жить аспекты их самих, и стали эт’Ада.

Однако они были обмануты. Как было известно Лорхану, ограничений в этом мире было больше, чем свободы, поэтому его едва ли можно было отнести к сфере Ану. Мундус был Домом Ситиса. Когда их аспекты начали вымирать, многие из эт’Ада исчезли без следа. Некоторым удалось спастись, например, Магнусу – поэтому в магии нет ограничений. Иные же, такие как И’фFRE, преобразовались в Эльнофей, Кости Мира, чтобы не дать всему миру погибнуть. Некоторым пришлось жениться и завести потомство лишь для того, чтобы выжить. Каждое поколение было слабее предыдущего, и так вскоре появились альдмеры. Тьма осела. Лорхан собрал армии из числа слабейших душ и назвал их людьми, и те несли Ситис всюду, куда ступала их нога.

Ауриэль умолял Ану забрать их назад, но тот уже заполнил их места чем-то другим. Однако душа его была милосерднее и даровала Ауриэлю его Лук и Щит, дабы он защитил альдмеров от полчищ людей. Уже некоторые пали – в их числе каймеры, внимавшие нечистым эт’Ада; иные же, подобно босмерам, запятнали линию Времени, сочетаясь браком с людьми.

Ауриэлю не удалось спасти Альтмору – Древний Лес – и тот перешел к людям. Их гнали к югу и востоку, к Старому Эльнофею, и

Лорхан нагонял их. Эту землю он раздробил на осколки. Но в итоге Тринимак, величайший рыцарь Ауриэля, поверг Лорхана перед лицом его армии и вырвал его Сердце. И так пришел ему конец. Люди утащили тело Лорхана прочь и поклялись вечно мстить потомкам Ауриэля.

Но когда Тринимак и Ауриэль попытались уничтожить Сердце Лорхана, оно рассмеялось в ответ и сказала: „Сие Сердце – сердце мира, ибо последний был создан ради ублажения первого“. Тогда Ауриэль привязал его к стреле и запустил ее далеко в море, где ни один аспект нового мира вовеки не сможет его найти».

Детский Ануад:

Ануад адаптированный

Первыми были братья: Ану и Падомай. Они пришли в Пустоту, и начался отсчет Времени.

Пока Ану и Падомай бродили в Пустоте, игра Света и Тьмы создала Нир. Ее появление восхитило и обрадовало обоих, и Ану, и Падомая, но она полюбила Ану, и с горечью в сердце Падомай оставил их.

Нир забеременела, но прежде чем она родила, вернулся Падомай и открыто признался Нир в любви. Она сказала ему, что любит только Ану, и в ярости Падомай избил ее. Тут пришел Ану, сразился с Падомаем и изгнал его за пределы Времени. Нир родила Мироздание, но вскоре умерла от ран. Ану, горюя, пожелал уединиться, забрался в солнце и заснул.

А в это время возникла и расцвела жизнь на двенадцати мирах Сотворения. Много веков прошло, и Падомай сумел вернуться во Время. Увидел Мироздание и возненавидел его. Он взмахнул мечом и вдребезги разбил все двенадцать миров. Проснулся Ану и вновь схватился с Падомаем. Долгой и яростной была битва, но Ану победил. Он отбросил тело брата, почтя того мертвым, и попытался спасти Мироздание, собрав остатки двенадцати миров и сотворив из них один – Нирн, мир Тамриэля. А пока он был занят этим, Падомай пронзил его грудь одним смертельным ударом. Ану схватил брата, и оба они упали и безвозвратно сгнули за границами Времени.

Из крови Падомая возникли даэдра. Из крови Ану возникли звезды. Из смешанной крови обоих возникли аэдра (отсюда их способность творить и добро, и зло, и их большая близость к земным делам, нежели у даэдра, не имевших никакой связи с Сотворением).

В мире Нирн царил хаос. Из всех обитателей двенадцати миров Сотворения выжили только эльнофей и хист. Эльнофей – это предки людей и эльфов. Хисты – деревья Аргонии. Изначально Нирн был единым материком, покрытым морями, океанов не существовало.

Один большой фрагмент мира эльнофей, перенесенный на Нирн, относительно не пострадал. Его жители и стали предками эльфов. Эти эльнофей оградили свои границы от внешнего хаоса и, утаив от всех свое спокойное прибежище, попытались жить так, как жили раньше. Другие эльнофей, прибывшие на Нирн, были разбросаны по остаткам разбитых миров, годами обречены они были бродить в поисках друг друга. В конце концов, странники нашли скрытую страну старых эльнофей и были восхищены и обрадованы, увидев своих сородичей среди великолепия прежних времен. Эльнофей-странники рассчитывали, что их тепло примут в этой мирной стране, но старые эльнофей посмотрели на опустившихся родичей с отвращением. Как бы то ни было, разразилась война и пронеслась по всему Нирну. Старые эльнофей сохранили свое древнее могущество и знания, но странники были более многочисленны, а длительная борьба за выживание на Нирне сделала их крепкими и выносливыми. Война преобразила облик Нирна, в результате ее большая часть суши оказалась затоплена образовавшимися океанами, осталось лишь несколько знакомых нам континентов (Тамриэль, Акавир, Атмора и Йокуда). Полуразрушенное царство старых эльнофей стало Тамриэлем. Оставшиеся странники были разделены по трем другим континентам.

Спустя много лет эльнофей Тамриэля стали: – мерами (эльфами),
– двумерами (подземными, называемыми иногда дварфами),
– каймерами (изменившимися, позднее они стали данмерами),
– данмерами (темными или проклятыми, темными эльфами),
– босмерами (зелеными или лесными, лесными эльфами),
– альтмерами (старшими или высшими, высокими эльфами).

Эльнофей-странники на других континентах стали людьми: нордами Атморы, редгардами Йокуды и цаэски Акавира.

Хисты остались в стороне от войны эльфов, но большая часть их царства также была уничтожена в войне. Небольшая часть его сохранилась на земле Тамриэля, образовав Чернотопье, но большая часть страны хистов исчезла под водами морей.

В конце концов, люди вернулись в Тамриэль. Первыми были норды во главе с легендарным Исграмором, они расселились по северному побережью еще во времена, предшествовавшие появлению первых письменных хроник. Первым в хрониках был записан король Харальд, тринадцатый из линии Исграмора. Так закончилась Мифическая эра.

Обзор божеств и культов Тамриэля

Брат Хетчфельд

Примечание редактора:

Брат Хетчфельд состоит членом-корреспондентом при Имперском университете, Кафедра начального изучения.

О богах обычно судят по свидетельствам их интереса к мирским делам. Однако распространенной вере в активное участие божеств в земных делах можно противопоставить явную апатию и безразличие с их стороны во время чумы или голода. Ни в чем, начиная от легендарных свершений и кончая будничной жизнью жителей Тамриэля, не прослеживается закономерность божественного вмешательства. Помыслы богов скорее представляются не связанными с текущими заботами мира смертных или, в лучшем случае, не ограниченными ими. Однако существуют и исключения.

Многие исторические записи и легенды указывают на прямое вмешательство одного или нескольких богов во времена крайней нужды. Многие предания повествуют о божественных благословениях, ниспосылаемых на героических персонажей, когда те трудились или совершали подвиги во имя божества или его храма. Некоторые из наиболее могущественных артефактов современного мира изначально были получены своими первыми владельцами именно в качестве подобной награды. Также имеются сведения, что жрецы высших рангов способны временами молить свое божество о благословении или помощи в случае

необходимости. Истинная природа подобных контактов и ниспосланных благословений является предметом для всяческих спекуляций, поскольку храмы держат подобные связи в священном секрете. Прямой контакт подкрепляет предположение о том, что богам известно о существовании мира смертных. Тем не менее, во многих случаях те же самые боги ничего не делают перед лицом страданий и смерти, как если бы не испытывали потребности во вмешательстве. Таким образом, можно сделать вывод о том, что мы, смертные, так и останемся способны понять лишь малую толику мотивации и логики этих существ.

Одной из определяющих характеристик всех богов и богинь является их заинтересованность в почитании и почитателях. Деяния в форме священных поисков суть лишь одно из множества явлений, привлекающих внимание божества. Деяния повседневной жизни, подчиняющиеся уставам и обетам отдельных храмов, как предполагается, импонируют божеству. Исполнение обрядов в храме также может привлечь внимание божества. Эти обряды различаются в зависимости от божества. Их результат не всегда очевиден, но жертвоприношения и подношения обычно считаются необходимыми хотя бы ради надежды снискать расположение божества.

Хотя и имеются свидетельства прямого вмешательства в повседневную жизнь храмов, присутствие божества в земной жизни вызывает множество противоречий. Традиционная пословица лесных эльфов гласит: «Что для одного чудо, то для другого стечение обстоятельств». В то время как одним богам приписывается активное участие в повседневной жизни, другие известны отсутствием интереса к текущим делам. Высказывались теории о том, что боги, по сути, черпают свою силу, когда их почитают, вознося молитвы, принося жертвы или совершая богоугодные деяния. Можно даже предположить, что количество почитателей данного божества может отразиться на его общем статусе среди других богов. Это моя собственная гипотеза, основанная на явной способности крупных

храмов получать благословение и помощь от своего бога с большей легкостью, чем это удастся мелким религиозным учреждениям.

Наличествуя данные о существовании в нашем мире духов, обладающих такой же способностью использовать действия и свершения смертных для самоусиления, как то делают боги. Точное понимание природы таких существ позволит нам с большей определенностью установить и связь между божеством и его почитателями.

Допущение о существовании подобных духов приводит нас к предположению о том, что такие духи могут быть даже способны подняться до уровня бога или богини. Мотусуо из Имперской семинарии предполагает, что эти духи могут представлять собой останки богов или богинь, которые со временем утратили всех или большую часть своих почитателей и деградировали до более ранней и низшей формы. Приверженцы Старого пути утверждают, что они не боги, а просто более или менее великие духи. Возможно, все три теории могут оказаться верны.

Разновидности веры в Империи

Брат Михаэл Каркуксор

Это моя лучшая попытка составления списка пантеонов и соединённых божественных духов доминирующих культур Тамриэля. Этот список ни в коей мере не полон (только Имперский город Сиродила может похвастаться огромным количеством святых и священных духов). Он включает лишь самые важные духи, почитаемые в исконной части культуры. Другие эт'ада, особенно даэдры, часто хорошо известны многим культурам, хотя определённые имена включены сюда лишь тогда, когда они обладают важностью для культуры. Отсутствие любых ссылок на объекты поклонения аргонцев из Чёрных Топей – следствие моей полной неадекватности в попытках примирить туманные и противоречивые отчёты, имеющиеся у меня по этому вопросу.

ВОСЕМЬ ПАНТЕОНОВ

СИРОДИЛ: Акатош, Дибелла, Аркэй, Зенитар, Мара, Стендарр, Кинарет, Юлианос, Шезарр, Тайбер Септим, Морихаус, Реман.

СКАЙРИМ: Алдуин, Дибелла, Орки, Тсун, Мара, Стун, Кине, Джунал, Шор, Исмир, Херма-Мора, Малох.

АЛТМЕР: Аури-Эль, Тринимак, Магнус, Сирабейн, И'ффре, Ксеркес, Мара, Стендарр, Лорхан, Финастер.

БОСМЕР: Аури-Эль, Й'ффри, Аркэй, З'ен, Ксеркес, Баан Дар, Мара, Стендарр, Лорхан, Херма-Мора, Джон, Джод.

ДАНМЕР: Альмалексия, Вивек, Сота Сил, Боэта, Мефала, Азура, Лорхан, Неревар, Молаг Бал, Малакат, Шеогорат, Мерунес Дагон.

ЙОКУДА: Сатакал, Руптга, Ту'вакка, Зет, Морва, Тава, Малук, Диагна, Сеп, ХунДинг, Леки, Онси

БРЕТОНЦЫ: Акатош, Магнус, И'фFRE, Дибелла, Аркэй, Зенитар, Мара, Стендарр, Кинарет, Юлианос, Шеор, Финастер.

ЭЛЬСВЕЙР: Алкош, Хенарти, Риддл'Тар, йа-Ха'джай, Мара, С'рендарр, Лоркадж, Раджин, Баан Дар, Азура, Шеогорат.

ЗАМЕТКИ О БОГАХ ПАНТЕОНОВ

Акатош (Дракон Времени): Акатош – главное божество Девятибожия (главного религиозного культа Сиродила и его провинций), и одно из двух божеств, встречающихся в каждой религии Тамриэля (второй – Лорхан). Он в основном считается первым богом, появившимся в Изначальном Месте; после того, как он получил форму, остальные духи нашли процесс бытия более лёгким, и появились различные пантеоны мира. Он главный бог в Империи Сиродила, где он воплощает качества долгожительства, неуязвимости и вечной законности.

Алдуин (Мироед): Алдуин – скайримский вариант Акатоша, и лишь поверхностно напоминает своего двойника в Девятибожии. Например, его прозвище «Мироед» происходит из мифов, которые описывают его как ужасную, яростную огненную бурю, которая разрушила предыдущий мир, чтобы начался этот. Северяне поэтому видят бога времени одновременно творцом и предвестником апокалипсиса. Он не возглавляет пантеон северян (по сути дела, в этом пантеоне нет главного бога; см. Шор, ниже), но является его источником, пусть мрачным и пугающим.

Алкош (Кошачий Дракон): Божество Анакинской династии Пре-ри'Датта. Вариант Аури-Эля лесных эльфов, и, следовательно, выступает в роли Культурного-героя-как-Акатош у древнейших каджитов. Этот культ был добавлен во время установления культа Ридл-Т'ара, и всё ещё невообразимо популярен в глухих районах Эльсвейра. Он изображается ужасным драконом, существом, которое каджиты называют «настоящий большой кот». В легендарные времена он разогнал погром Пелинала Вайтстрейка, устроенный алдмери.

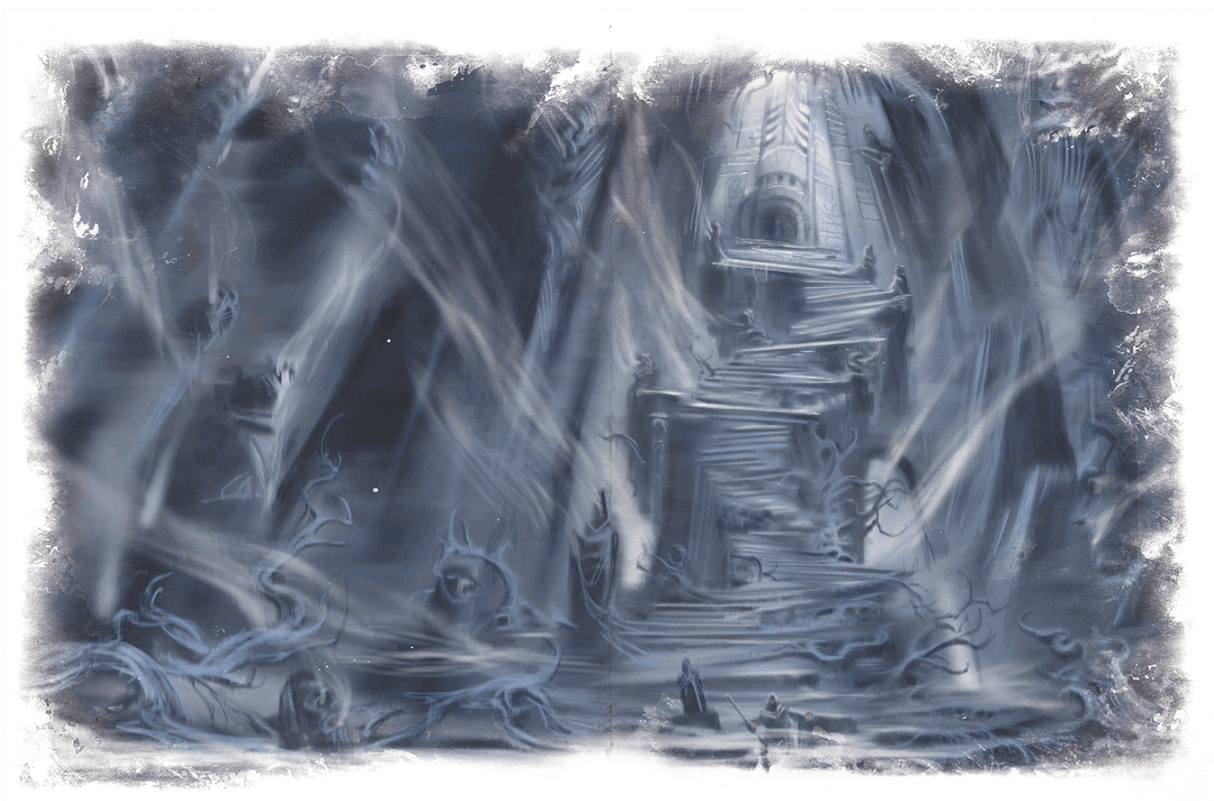
Альмалексия (Мать Морровинда): Большинство следов Акатоша исчезли из древних легенд кимер во время их так называемого «исхода», в основном благодаря почитанию этого бога алдмери. Однако, большинство аспектов Акатоша, которые кажутся настолько важными смертным народам, а именно бессмертие, историчность и происхождение, удачно воплотились в Альмалексии, наиболее популярной персоне из божественного Трибунала Морровинда.

Аркэй (Бог Жизни и Смерти): Член пантеона Девятибожия, также популярен во всех прочих землях. В этих культурах Аркэй особенно популярен там, где его отец, Акатош, меньше связан со временем, или его временной аспект труден для мирского восприятия. Он бог похорон и похоронных обрядов, и иногда связан со временами года. Его жрецы твёрдые противники некромантии и всех форм живых

мертвецов. Сказано, что Аркэй не существовал до того, как мир был создан богами, управляемыми / понукаемыми / обманутыми Лорханом. Поэтому его иногда зовут Богом Смертных.

Аури-Эль (Король Алдмери): Акатош эльфов – это Аури-Эль. Аури-эль – душа Ануи-Эля, который, в свою очередь, душа Ану Вездесущего. Он возглавляет большинство пантеонов алдмери. И алдмери, и босмери заявляют о том, что они потомки Аури-Эля. В свой единственный миг слабости, он согласился принять участие в создании измерения смертных, действие, которое навсегда отрезало эльфов от духовных миров вечности. Чтобы подготовиться к этому, Аури-Эль в легендарные времена повёл древних алдмери против армий Лорхана, уничтожив этого тирана и установив первые королевства алтмер, Алтмора и Старый Эльнофи. Он затем вознёсся на небо при большом стечении своих последователей, чтобы они знали путь выхода из измерения смертных.

Азура (Богиня Рассвета и Заката): Азура – божественный предок, научивший кимер мистериям, нужным для отделения от алтмер. Некоторые из её более общих советов иногда приписывают Боэтии. В рассказах, Азура часто более общая космическая сила для народа в целом, чем предок или бог. Также известна как Предтеча Сота Сила. В Эльсвейре Азура почти полностью отдельная сущность, однако она всё ещё связана с прошлым каджитов из-за альдмеров.

Баан Дар (Бог Бандит): В большинстве регионов, Баан Дар маргинальное божество, плутоватый дух воров и нищих. В Эльсвейре он более важен, и называем Отверженным. В этом аспекте, Баан Дар становится духом сообразительности или отчаяния много претерпевших каджиит, чьи планы последней минуты всегда разрушают махинации их (эльфийских или человеческих) врагов.

Боэта (Принц Интриг): После того, как его приход был возвещён пророком Велотом, Боэта стал богом прародителем тёмных эльфов. Сквозь все толкования, окончательные «кимер», или Изменённый Народ, отреклись от всех связей с алдмери и основали новую нацию, основанную на принципах даэдр. Вся манера культурного «развития» тёмных эльфов принадлежит Боэте, от философии до магии и «ответственной» архитектуры. Древние аллегии Велоти сводятся к однообразно героическим победам Боэты над врагами

всех типов и историям начала борьбы кимер. Также известен как Предтеча Альмалексии.

Диагна (Орихальковый Бог Лезвия): Древний культ убийц у редгардов. Появился в Йокуде во время Резни Двадцати Семи Змеелюдей. Диагна был аватарой ХунДинга (бог Йокуды, Открывающий Двери, см. ниже), которая достигла постоянства. Он был причиной разгрома Леворуких эльфов, поскольку он принёс в Йокуду оружие из орихалка, чтобы они победили. В Тамриэле, он повёл тесно сплоченную группу последователей на орков Орсиниума на вершине их древней власти, но потом впал в безвестность. Сейчас он немногим больше местного духа власти в горах Драконьего Хвоста.

Дибелла (Богиня Красоты): Популярный бог Девятибожия. В Сиродиле, у неё почти дюжина разных культов, некоторые посвящены женщинам, некоторые – художникам и эстетике, остальные – обучению эротике.

Херма-Мора (Человек Леса): Древний атморский демон, который когда-то почти соблазнил северян стать алдмери. Большинство мифов Исграмора повествует о спасении от козней Херма-Моры. Также именуемый Демоном Знания, он смутно связан с истоками культа Мораг Тонг, если только не по ассоциации со своим братом / сестрой, Мефалой.

ХунДинг (Открывающий Пути): В Йокуде дух «стойкости против неверных». ХунДинг появлялся в истории, когда бы редгардам не нужно было «проложить дорогу» своему народу. В истории Тамриэля это происходило трижды – дважды в первой эпохе, во время вторжения Ра Гада, и единожды во время Войны с Тайбером. В последней инкарнации, ХунДинг, говорят, был короной, мечом, или и тем, и другим.

Джунал (Рунный Бог): Бог герметических орденов у северян. После выхода из милости остального пантеона, он стал Джулианосом в Девятибожии. Его нет в современной мифологии Скайрима.

Йоуд (Бог Большой Луны): Бог большой Луны у алдмери. Также называем Массер, или Слезой Мары. В религии каджит, Джод только один аспект Лунной Сети, или йа-Ха'джай.

Йоун (Бог Малой Луны): Бог Малой Луны у алдмери. Также называем Вторым, или Печалью Стендарра. В религии каджит, Джон только один аспект Лунной Сети, или йа-Ха'джай.

Джлианос (Бог Мудрости и Логики): Часто объединяемый с Джуналом, отцом языка и математики у северян, Юлианос – бог литературы, закона, истории и противоречия в Сиродиле. Монашеские ордены, основанные Тайбером Септимом и посвященные Юлианосу, хранят Древние свитки.

Кин (Поцелуй Смерти): Богиня Бури у северян. Вдова Шора и почитаемая богиня воинов. Она часто именуется Матерью Мужей. Её дочери научили первых северян использовать ту'ум, или Голос Бури.

Кинарет (Богиня Воздуха): Кинарет входит в Девятибожие и является сильнейшим из духов Неба. В некоторых легендах, она первая согласилась с планом Лорхана создать измерение смертных, и обеспечила место в пустоте для его создания. Она также связывается с дождём, феноменом, которого, как говорят, не существовало, пока Лорхан не утратил искру божественной сущности.

Леки (Святой Дух Меча): Богиня-дочь Большого Отца, Леки богиня заблуждающегося пути меча. В легендарное время На-Тотамбу из Йокуды безуспешно воевали, чтобы решить, кто возглавит нападение на леворуких эльфов. Их мастера меча, однако, были так искусны в Самых Известных Ударах, что не могли превзойти друг друга. Леки познакомила их с Коротким Ложным Выпадом. В конце концов, появился победитель, и война с алдмери началась.

Лорхан (Потерянный Бог): Это божество Творец-Плут-Испытатель есть в любой религии Тамриэля. Его самое известное имя – на языке алдмери, «Лорхан», или Глас Рока. Он убедил или нашёл иной способ заставить Изначальных Духов создать измерение смертных, нарушая равновесие – похоже на то, как его отец Падомай нарушил

стабильность вселенной в Изначальном Месте. Когда мир материализовался, Лорхан отделился от своего божественного центра, и странствует по творению эт'Ада. Его и его метафизическое местоположение в «схеме вещей» интерпретируют по-разному. В Морровинде, например, он существо, родственное Усилию Пси, процессу, который заряжает смертных превосходством над богами, их сотворившими. Для высоких эльфов, он одна из самых нечистых высших сил, так как он навеки оборвал их связь с измерением духов. В легендах, он почти всегда враг алдмери, и, поэтому, герой древнего человечества.

Лоркадж (Лунный Зверь): Божество Анакинской династии Пре-ри'Датта, явно определяемый как Потерянный Бог, Лорхан.

Магнус (Волшебник): Бог чародейства, Магнус вышел из рождения мира в последнюю секунду, хотя это дорого ему обошлось. Что осталось от него в мире, ощущается и контролируется людьми как магия. Одна история гласит, что, пока эту идею обдумывал Лорхан, это Магнус создал схемы и диаграммы, нужные, чтобы сотворить измерение смертных. Иногда его представляет астробия, телескоп, или, чаще, жезл. Легенды Сиродила говорят, что он может овладевать телами могучих магов и даровать им свою силу. Связан с Зурином Арктусом, Подземным Королём.

Малакат (Бог Проклятий): Малакат – заново оживлённые отходы, бывшие ранее Тринимаком. Довольно слабый, но мстительный даэдра. Тёмные эльфы говорят также, что он то же самое, что и Малак, бог-повелитель орков. Он всегда испытывает данмер на физическую силу.

Малук (Король Орды): Бог, враждебный Ра Гада. Вёл гоблинов на редгардов в Первую Эру. Бежал на восток, когда армия ХунДинга одолела орды гоблинов.

Малох (Малакат): Орочий бог, Малох долго беспокоил наследников короля Харальда. Бежал на восток после разгрома в битве у Драконьей Стены, ок. 660 г. Первой Эры. Его ярость, как

говорят, наполнила небо серной ненавистью, позже названной «Годом Зимы во Время Лета».

Мара (Богиня Любви): Почти всеобщая богиня. В легендарное время появилась как богиня плодородия. В Скайриме, Мара служанка Кина. В Империи, она Богиня-Мать. Она иногда связывается с Нир из «Ануада», женским началом космоса, давшего начало акту творения. В зависимости от религии, она либо жена Акатоша или Лорхана, либо наложница их обоих.

Мехрун Дагон (Бог Разрушения): Известная сила из числа даэдр. Он связан с природными опасностями типа огня, землетрясений и наводнений. В некоторых культурах, однако, Дагон просто бог кровопролития и предательства. Он особенно важное божество в Морровинде, где он ассоциируется с его ландшафтом, столь неподходящим для жизни.

Мефала (Гермафродит): Мефала – Ткач Тенётник, или Бог-Паук. В Морровинде он / она – предок, который научил кимеров умениям, которые понадобились бы им, чтобы избежать их врагов или убить их тайной смертью. Враги в те дни были многочисленны, а кимеры были лишь малой группой. Он / она, вместе с Боэтой, организовали клановую систему, которая постепенно стала основой для Великих Домов. Он / она организовал Мораг Тонг. Также называем Предтечей Вивека.

Молаг Бал (Бог Интриг, Король Насилия): даэдра, очень важный в Морровинде. Там он всегда главный враг Боэты, Принца Интриг. Он главная причина помех для данмеров (и предшествующих кимеров). В легендах, Молаг Бал всегда пытается пресечь роды Домов или по крайней мере нарушить «чистоту» данмеров. Народ Сверхчудовищ, как говорят, живущий в Молаг Амуре, результат его совращения Вивека в предыдущую эру.

Морихаус (Первое Дыхание): Древний культурный бог-герой сиродильцев и северян. Легенды изображают его Взавшим Цитадель, совершившим деяние легендарных времён, которое

обеспечило людям контроль над долиной Хартленд. Его часто связывают с ту'умом северян, и, следовательно, с Кинарет.

Морва (Богиня-Мать): Богиня плодородия в Йокуде. Основополагающее божество в пантеоне Йокуды и любимая жена Большого Отца. Всё ещё почитается в разных местах в Хаммерфелле, включая Строс М'Кай. Часто изображается четверорукой, чтобы «схватить больше мужей».

Неревар (Убийца Богов): У кимер – король Ресдайна, времён Золотого Века древних Велоти. Убит во время Битвы у Красной горы. Неревар был Глашатаем Триединого Пути, и главный из святых в религии данмеров. Он, говорят, убил Думака, Последнего Гномьего Короля, и съел его сердце.

Онси (Сокрушитель): Известный бог-воитель йокуданских Ра Гада, Онси научил человечество, как вытянуть их ножи в мечи.

Орки (Старый Ворчун): Бог-заимодавец северян, которого, кажется, начали почитать во времена владычества алдмери в Атморе. Северяне верят, что они когда-то жили долго, как эльфы, пока не появился Орки; языческой хитростью и обманом он заключил с ними сделку, которая «связала их со счётом зим». Когда-то, говорит легенда, северяне имели продолжительность жизни не более шести лет, и всё из-за нечестивой магии Орки. Появился Шор, и, неизвестно как, снял проклятие, обрушив большую его часть на живущих рядом орков.

Финастер: Бог-герой островов Саммерсет, который научил алтмер как прожить на сотню лет дольше, замедляя шаги.

Раджин (Разбойник): Бог-вор каджиит, который вырос в Сеншале, в секторе Чёрных Киерго. Самый знаменитый взломщик в истории Эльсвейра, Раджин, говорят, похитил татуировку с шеи императрицы Кинтиры, когда она спала.

Реман (Сиродил): Культурный бог-герой Второй Империи, Реман был величайшим героем Нашествия Акавири. Воистину, он убедил захватчиков помочь ему построить собственную Империю, и завоевал весь Тамриэль, кроме Морровинда. Он установил обряд

коронации императора, которая включала манипуляции с Амулетом Королей, Камнем душ огромной силы. Его Династия была оборвана данмер из Мораг Тонга в конце Первой Эры. Также называем Всемирным Богом.

Риддл'Тар (Танец Двух Лун): Божество космического порядка каджиит, Риддл'Тар был открыт Эльсвейру пророком Рид-Тар-ри'Даттой, Гривой. Риддл'Тар больше является набором правил, по которым следует жить, чем единой сущностью, но некоторые из его аватар появляются как скромные вестники богов. Также известен как Сахарный Бог.

Руптга (Большой Отец): Главное божество пантеона Йокуды. Руптга, более известный как «Большой Отец», был первым богом, который понял, как выжить в Голод Сатакала. Следуя за ним, остальные боги научились «Хождению», процессу, на котором они могут существовать в течение целой жизни. Большой Отец установил звёзды на небе, чтобы тоже показать меньшим духам, как это делается. Когда оказалось слишком много духов, чтобы за ними следить, Руптга создал помощника из мёртвой шкуры прошедших миров. Этот помощник – Сеп (см. ниже), который позднее создал мир смертных.

Сатакал (Кожа Мира): Бог всего в Йокуде. Расщепление понятий Ану и Падомай. В основном, Сатакал во многом похож на Алдуина северян, который разрушает один мир, чтобы начался новый. В мифологии Йокуды, Сатакал сделал (и всё ещё делает) это много раз, цикл, который подсказал рождение духов, которые смогли выжить в переносе. Эти духи и стали пантеоном Йокуды. Популярный бог у кочевников Алик'р.

Шигорат (Безумный Бог): Боязливое почтение к Шигорату широко распространено, и его находят во многих краях Тамриэля. Современные источники показывают, что его корни лежат в историях о создании алдмери; так, он был «рождён» когда Лорхан утратил божественную искру. Один решающий миф называет его «дырой в форме Ситиса» в нашем мире.

Шеор (Плохой Парень): В Бретонии, Плохой Парень – источник всякой смуты. Он, кажется, начинал как бог неурожая, но самые современные теологи соглашаются с тем, что он – демонизированная версия Шора северян, рождённая в тёмные годы после падения Саартала.

Сеп (Бог-Змея): Йокудская версия Лорхана. Сеп родился, когда Большой Отец создал себе помощника, чтобы управляться с духами. Сеп, однако, сошёл с ума во время Голода Сатакала, и убедил некоторых богов помочь ему создать более простую альтернативу Хождению. Это, конечно, и был мир, как мы его знаем, и духи, которые пошли за Сепом, оказались заперты здесь, доживать жизнь в облике смертных. Сеп был наказан Большим Отцом за свой грех, но его голод всё ещё живёт в пустоте между звездами, «не-пространство», которое пытается нарушить смертным вход в Далёкие Берега.

Шезарр (Бог Людей): сиродильская версия Лорхана, чья значимость страдает, когда Акатош приходит на первое место в имперской (на самом деле, алессийской) религии. Шезарр был духом, стоящим за любым человеческим начинанием, особенно против агрессии алдмери. Его иногда связывают с основанием первых боевых магов. В наше время расовой терпимости, Шезарр практически забыт.

Шор (Бог Подземного Мира): Северная версия Лорхана, который принял сторону людей после сотворения мира. Чужие боги (т. е. эльфийские) умышляют против него и готовят его поражение, обрекая его на подземный мир. Атморские мифы показывают его кровожадным воином-королём, который снова и снова ведёт северян к победе над угнетателями-алдмери. До исполнения своей судьбы, Шор был вождём богов. Иногда также называем Детским Богом (см. Орки, выше).

Сота Сил (Тайна Морровинда): Бог данмер, Сота Сил наименее известный из божественного Трибунала. Говорят, что он меняет форму мира из своего скрытого часового города.

Стендарр (Бог Милосердия): Бог Девятибожия, Стендарр вышел из северян, став божеством сочувствия, или, иногда, царствия по праву. Он, как говорят, сопровождал Тайбера Септима в его последние годы. В ранних легендах альтмеров, Стендарр – защитник людей.

Стан (Бог Искупления): Северный предвестник Стендарра, брат Цуна. Щитоносец Шора, Стан был богом-воином, который сражался против пантеона алдмери. Он показал людям как брать в плен на войне, и какова выгода от этого.

Сирабан (Бог Чернокнижников): Бог-прародитель магии у алдмери, Сирабан помогал Бенду Оло при Падении Слоад. Благодаря разумному использованию своего магического кольца, Сирабан спас многих от Трассийской чумы. Его также называют Богом Подмастерий, потому что он популярен у юных членов Гильдии магов.

Тава (Богиня Птиц): Дух воздуха в Йокуде. Тава особенно популярна из-за того, что она вела йокуданцев на остров Херн после разрушения их родины. Она с тех пор оказалась поглощена мифологией Кинарет. Она всё ещё очень популярна в Хаммерфелле среди моряков, и её храмы можно найти в большинстве портовых городов.

Тайбер Септим (Талос, Драконорождённый): Наследник Трона Свергнутых Королей, Тайбер Септим наиболее важный бог-герой человечества. Он покорил весь Тамриэль и возвестил Третью Эру (и Третью Империю). Также именуется Исмиром, «Драконом Севера».

Тринимак: Сильный бог ранних алдмери, в некоторых местах более популярный чем Аури-Эль. Он был воинствующим духом исконных эльфийских племён, который вёл армии против людей. Боэта, как говорят, принял его форму (в некоторых историях, он даже поедает Тринимака), так что смог убедить множество алдмери выслушать его, что привело к постепенному обращению кимер. Он исчез со сцены мифа после этого, чтобы вернуться как ужасный Малакат (пропаганда алтмер изображает это как результат опасностей влияния данмер).

Цун: Исчезнувший бог северян, покровитель попыток преодолеть несчастья. Погиб, защищая Шора от чужих богов.

Ту'Вакка (Хитрый Бог): Бог душ в Йокуде. Ту'Вакка, до создания мира, был богом того, Что Никому Не Нужно. Когда Большой Отец создал Хождение, Ту'Вакка нашёл цель; он стал смотрителем Далёких Берегов, и продолжал помогать редгардам найти дорогу в жизнь после жизни. Его культ иногда связывают с Аркеем в более космополитичных районах Хаммерфелла.

Вивек (Повелитель Морровинда): Воин-поэт-бог данмер. Вивек – невидимый смотритель святой земли, всегда на страже против тёмных богов Вулкана. Он / она много раз спасал народ Данмеров от верной смерти, из которых стоит отметить особо, как он / она научил их целый день дышать под водой, так что он / она смог затопить Морровинд и убить завоевателей-акавири, ок. 572 г. Второй Эры.

Ксеркес (Бог Предков и Тайного Знания): Ксеркес бог предков и тайного знания. Он начал карьеру писцом у Аури-Эля, и сохранил записи о всех деяниях алдмери, больших и малых, с начала времён. Он создал свою жену, Огму, из любимых моментов истории.

Й'ффр (Бог Леса): Самое важное божество пантеона босмери. Пока Аури-Эль Дракон Времени может быть королём богов, босмер почитают Й'аффира как духа «настоящего». Как говорят лесные эльфы, после создания измерения смертных всё было в хаосе. Первые смертные превращались в растения и животных и обратно. Тогда Й'аффир превратился в первого из Эльнофи, или «Костей Земли». Когда первые законы природы были установлены, смертные получили видимость безопасности в новом мире, потому что они смогли его понять. Й'аффир иногда именуется Рассказчиком, за уроки, которые он преподавал босмер. Некоторые босмер ещё хранят знание времён хаоса, которое они могут использовать с большой отдачей (Дикая Охота).

Исмир (Дракон Севера): Северный аспект Талоса. Он противостоял силе голосов Седых Бород достаточно долго, чтобы услышать их

пророчество. Позднее, многие северяне не могли смотреть на него, не видя на его месте дракона.

З'ен (Бог Труда): Бог платы у босмер. Исследования показывают его происхождение в аргонских и акавири мифологиях, возможно, занесённых в Валенвуд моряками Котринги. Очевидно сельскохозяйственное божество, З'ин иногда доказывает, что является сущностью гораздо более высокого космического порядка. Его культ вымер вскоре после Кнахетенского гриппа.

Зет (Бог Ферм): Бог сельского хозяйства в Йокуде. Отрёкся от своего отца после сотворения мира, вот почему Большой Отец делает выращивание пищи таким трудным.

Зенитар (Бог Работы и Торговли, Бог-Торговец): Член Девятибожия, Зенитар объяснимо связывается с З'еном. В Империи, однако, он гораздо более культурный бог торговцев и среднего дворянства. Его адепты говорят, что, несмотря на своё таинственное происхождение, Зенитар – бог, который всегда выигрывает.

Жития святых

Если желаете преисполниться мудрости, стройте жизни свои по образу и подобию жизней святых.

Если желаете идти путём доблести, следуйте по стопам Святого Неревара Полководца, покровителя воинов и государственных деятелей. Лорд Неревар способствовал объединению варварских племён данмеров в великую нацию и принял мученическую смерть, возглавив войско данмеров в победной Битве у Красной горы против злокозненных двумеров и предательского Дома Дагот.

Если желаете идти путём мужества, следуйте по стопам Святого Велота Пилигрима, покровителя изгнанников и искателей духовности. Святой Велот, пророк и мистик, повёл данмеров из их охваченной пороком родной земли, островов Саммерсет, в землю обетованную, Морровинд. Святой Велот показал, как различать Хороших и Плохих даэдра, он заручился для своего народа помощью Хороших даэдра и научил вместе с тем, как правильно договариваться с Плохими даэдра.

Если желаете идти путём великодушия, следуйте по стопам Святой Рилмс Босоной, покровительницы пилигримов и нищих. Святая Рилмс отдала свои башмаки, затем переделалась нищенкой, чтобы лучше узнать нужды бедного люда.

Если желаете идти путём самоуважения и уважения к другим, следуйте по стопам Святого Аралора Кающегося, покровителя кожевников и горняков. Этот отвратительный преступник раскаялся в своих грехах и на коленях обошёл все дороги паломников.

Если желаете идти путём милосердия и познать его плоды, следуйте по стопам Святой Серин Милосердной, покровительницы пивоваров, пекарей и винокуров. Эта непорочная дева, воплощение скромности, могла вылечить все болезни, приняв их на себя. Трезвомыслящая и бесстрашная, она приняла на себя бремя других и, несмотря на недуги, дожила до преклонных лет.

Если желаете идти путём яростного правосудия, следуйте по стопам Святого Фелмса Отважного, покровителя мясников и торговцев рыбой. Этот храбрый воин одолел нордских захватчиков и прогнал их с наших земель. Он не умел ни читать, ни писать, черпая вдохновение прямо из уст Алмсиви.

Если желаете идти путём гордости за свой народ и племя, следуйте по стопам Святого Рориса Мученика, покровителя мебельщиков и караванщиков. Захваченный в плен аргонианами прямо перед Арнезианской войной, Рорис гордо отказался отречься от веры в Трибунал, несмотря на жестокие пытки аргонианских волшебников. Месть за замученного Святого Рориса и жажда справедливости были объединяющим девизом во время Арнезианской войны.

Если желаете идти путём закона и справедливости, следуйте по стопам Святого Олмса Справедливого, покровителя лавочников и конторщиков. Основатель Ординаторов, Святой Олмс разработал и сформулировал основные принципы проверок, испытаний и раскаяния.

Если желаете идти путём доброжелательности, следуйте по стопам Святого Делина Мудрого, покровителя гончаров и стеклодувов. Святой Делин был главой Дома Индорил, опытным законником и автором многих научных трактатов о законах и устоях Трибунала.

Если желаете идти путём миролюбия, следуйте по стопам Святой Мерис Примирительницы, покровительницы крестьян и рабочих. Ещё маленькой девочкой Святая Мерис показала, что обладает даром целительницы и обучилась затем искусству лекаря. Она положила конец долгой и кровавой Войне Домов, появляясь на поле боя в белых одеждах и излечивая воинов и заклинателей, невзирая на то, на какой стороне они сражались. Войска всех Домов приняли белые одежды как знак мира и отказались проливать кровь своих соплеменников.

Если желаете идти путём почтительности, следуйте по стопам Святого Ллотиса Набожного, покровителя портных и красильщиков.

Современник и соратник Трибунала, всеми любимый Алма Рула Храма Трибунала, он ввёл основные ритуалы и принципы веры Нового Храма. Святой Ллотис, архетип жреца, играет роль символического моста между богами и верующими.

Двери духов

Предки среди нас. Они не дальше, чем Дверь ожидания.

Предки не покинули нас. Мёртвые не под землёй. Их души в незатихающем ветре, в завывании огня, в тихом звуке шагов. Обратите внимание на все эти вещи, и вы узнаете своих родных, которые больше не живут земной жизнью.

Платите дань уважения дарами и молитвами. Делитесь с Предками своими делами, удачами и неудачами, радостями и горестями.

Ваша защита исходит от Двери ожидания. Внимайте духам, хранителям ваших очагов, мудрым учителям, вестникам удачи, провидцам судьбы.

Каждая кость – это дверь сквозь стену мироздания. Каждая кость – это дорога, Мудрость и Сила идут по ней рука об руку. Каждая кость – это та призрачная ограда, которая спасает нас от зла.

Почитайте Предков у очагов своих, в общественных зданиях, под сводами храмов, в уединении гробниц.

Охраняйте своих Предков от тварей всяких, от воров, от нечестивых жрецов и магов. Ни одно живое существо не должно украсть ваших духов, так как разорённый очаг обречён, а разорённая могила осквернена.

Живите в едином мире с вашими духами. Чтите духов внутри и вне себя. Не скорбите по умершим. Укрывайтесь в их объятиях и прислушивайтесь к их словам.

Дух Нирна

Духом Нирна является Лорхан, бог всех смертных. Это отнюдь не означает, что все смертные любят его или вообще знают. Большинство эльфов его ненавидит, считая сотворение тем действием, что отсекло их от царства духов. Большинство людей почитают его или его аспекты как провозвестника всего сущего. Сотворение плана смертных, Мундуса, Нирна, служит для всех живых существ источником внутренних терзаний. Глубоко в душах существ, населяющих этот план, заложена память о том, что все они пришли из какого-то другого места, и Нирн – лишь жестокий и решающий этап на пути к тому, что будет потом. Что же будет потом? Иные хотят вернуться к изначальному состоянию, в царство духов, и для них Лорхан – демон, перекрывающий им путь, а Нирн – тюрьма, иллюзия спасения. Другие же считают, что Лорхан создал мир как место испытаний для перехода на высшую ступень. Для них царство духов уже было тюрьмой, и лишь ныне открылся путь к истинному спасению.

Заблуждение о Талосе

Автор: Леонора Венатус

Имперский посредник в Альдмерском Доминионе

Всем гражданам Империи, безусловно, известны деяния Императора Тайбера Септима. Однако данный труд посвящен его божественному возвышению в качестве Талоса.

До смерти Тайбера Септима существовало лишь Восемь Божеств: Акатош, Дибелла, Аркей, Зенитар, Стендарр, Мара, Кинарет и Джулианос. Этих богов почитали и продолжают почитать по всей Империи. И хотя их имена в отдельных провинциях отличаются (к примеру, Акатош известен у альдмеров под именем «Аури-Эль», а Аркея порой называют «Ар'Кей»), их всех признают и почитают среди всех рас и культур Тамриэля.

Но когда Тайбер Септим отошел в Этериус, возникло Девятое Божество – Талос, также известный как Исмир, «Дракон Севера». Человеку, которого так любили при жизни, после смерти стали поклоняться. Действительно, можно даже утверждать, что Талос, Девятое Божество, приобрел еще большую значимость, нежели существовавшие до него Восьмеро, по крайней мере для людей. Ибо это был бог, прежде бывший человеком и сумевший чрез великие свершения достичь божественности. И если это удалось одному человеку – не удастся ли другому достичь того же? Не могут ли все люди стать богами?

Так думали мы, люди. И так продолжали мы поклоняться Талосу, славя его как величайшего бога-героя. Но это было тогда. А живем мы сейчас. И сейчас нам известна истина:

Мы заблуждались.

Как граждане Империи все мы познали ужасы Великой войны. И лишь когда был подписан Конкордат Белого Золота – соглашение между Империей и Альдмерским Доминионом – к нам вновь вернулся мир. Согласно одному из важнейших положений этого соглашения, как прекрасно известно каждому гражданину Империи, Талоса больше нельзя почитать как бога. Этот указ потряс самые основы Империи. Многие восстали против нового закона. В общем-то, некоторые до сих пор не смирились.

Однако гражданам Империи следует знать следующее: Император согласился наложить запрет на почитание Талоса не потому, что того потребовал Талмор, правящий орган Альдмерского Доминиона.

Император согласился наложить запрет на почитание Талоса потому, что того требовала справедливость.

Сегодня Император и сама Империя признают, что допускать почитание Талоса было ошибкой. Ведь таким образом, разрешив почитать Талоса как божество, Империя оказала очень плохую услугу своим людям: это привело лишь к ослаблению памяти о человеке Тайбере Септимае и о многих его выдающихся (хотя и смертных) деяниях; и удалило людей от Восьми Божеств, истинных богов, по-настоящему достойных нашей любви и почитания.

Таким образом, Империя признает свою ошибку. Заблуждение насчет Талоса более не повторится. Пусть впереди нас ждут века мира и процветания совместно с нашими талморскими друзьями, и пусть наша духовность объединит все народы и расы Тамриэля.

Монастырь Мотылька Предка

Для прочтения всем послушникам монастыря:

Орден Мотылька Предка столь же древний, сколь и известный. Мы славим наших предшественников, чьи души воплотились в мотыльках. Каждый мотылек несет фьюрон души предка. Примерный перевод этого слова – «стремление к миру». Фьюрон может быть включен в шелковую нить, даваемую мотыльком. Если из нее спрясти ткань и украсить генеалогической вышивкой нужного предка, можно получить одеяния, обладающие удивительными волшебными свойствами.

Адепты нашего ордена благословлены пророческой силой. Мудрость предков позволяет услышать песнь будущего. По этой причине только нашему ордену даруется привилегия толковать Древние свитки. Эти письма не подвластны даже богам, как аэдра, так и даэдра. Такое глубокое проникновение в ткань реальности стоит дорого. Каждое прочтение Древнего свитка открывает все больше, и каждое ослепляет жреца на все больший период времени. Наконец, жрецу удастся почти полностью постичь смысл написанного, однако он слепнет окончательно. Больше никогда не сможет он читать свитки.

Наш монастырь заботится об этих выдающихся служителях нашего ордена. Теперь они доживают свою жизнь вместе с Мотыльками Предков, к которым они так привязаны. Их подземные обитатели хорошо подходят для мотыльков. Жрецы выращивают и кормят этих хрупких созданий, поют им. Они получают шелк и прядут из него ткань. Они ткут одежду, вышивая ее историями предков, вплетенных в шелк. Такова их новая жизнь.

Как они заботятся о Мотыльках Предков, так и мы заботимся о слепых монахах. В то время как они трудятся в темноте, мы служим

им на свету. Им нужны пища и вода. Мы обеспечиваем. Им нужны инструменты и мебель. Мы обеспечиваем. Им нужны тайна и покой. Мы обеспечиваем. Им нужна помощь в продаже плодов их труда. Мы обеспечиваем.

Раньше мы обеспечивали им и защиту. Много лет назад в наш храм пришла Гудрун. Ослепленная пророческими видениями, она принесла с собой новое знание. Предки открыли ей, что монахам нужно уметь защищать себя. Они постоянно тренируются и практикуются в искусстве Гудрун. Они – мастера фехтования без мечей.

Будучи послушником, ты изучишь школу Гудрун. Ты узнаешь путь мирного кулака. Ты научишься служить слепым монахам. Ты научишься давать. И, возможно, однажды ты постигнешь мир Мотыльков Предков.

Истребования:

Падение Трибунала и становление Нового Храма

Тара из Рихада

Уничтожение Вивека и последовавшее за ним извержение Красной горы в 4Э 5 не только повлекло за собой страшные физические разрушения, но и образовало глубокую трещину в древних религиозных устоях данмеров. Падение Министерства правды стало последней каплей, подточившей веру в Храм Алмалексии, Соты Сила и Вивека. Теперь, когда все считали, что три Трибуна погибли или пропали без вести, то, что раньше было едва заметным расколом в рядах духовенства Храма, стало пропастью.

Вряд ли вся правда о внутренней борьбе в Храме выйдет наружу, но, когда спустя несколько лет дым рассеялся, бывшие жрецы-отступники оказались на верхушке иерархической лестницы, а те, кто хранил верность Трибуналу, были либо изгнаны, либо отреклись от своих убеждений. Так называемый «Новый Храм» объявил поклонение Трибунам результатом ложного учения, обвинив в ошибке бывший Трибунал. Храм теперь учит, что «истинный путь», на который должен встать весь народ данмеров, есть поклонение даэдра Азуре, Мефале и Боэтии, которых издревле чтили эшлендерские племена. Этих даэдра называли «Истребования», как если бы они истребовали свой статус у Трибунала.

Эlegantным компромиссом, без сомнения призванным примирить с новым положением дел огромное большинство духовенства Храма, которое не было ни отступниками, ни фанатичными приверженцами Трибунала, стало присвоение Алмалексии, Соте

Силу и Вивеку статуса «святых», традиционный путь почитания наиболее уважаемых предков данмеров. Духовенство, очевидно, было удовлетворено тем, что Новый Храм смог сохранить по крайней мере видимость некоей преемственности учения.

С возвышением Нового Храма были полностью реабилитированы ранее гонимые эшлендеры, которые продолжали поклоняться трем даэдра и в период правления Трибунала. Эшлендеры были объявлены хранителями старых обычаев и обладателями «истинного видения». Данмеры стали совершать паломничества в пепельные пустоши, чтобы искать совета у мудрых женщин. Принято считать, что эти женщины открыли глаза тем, кто был «ослеплён Трибуналом» и напрямую связали извержение Красной горы и вторжение аргониан с гневом трёх даэдра.

Дом Индорил, чья судьба и благосостояние были тесно связаны с Храмом Трибунала, очень пострадал от его падения. Хотя формально Дом продолжает существовать, фактически он сросся с духовенством Храма: те, кто становится жрецами, считаются «вступившими в Индорил». Политическое положение этого Дома полностью сосредоточено в руках Храма (хотя среди духовенства по-прежнему много членов «старого» Дома Индорил).

В возвышении Нового Храма много параллелей с возвышением Дома Редоран – оба они заполнили некоторый вакуум во власти, образовавшийся после катастрофического Красного года. Сколь устойчивыми окажутся эти изменения, ещё предстоит увидеть. На фоне длинной истории данмерского народа два столетия кажутся коротким отрезком времени.

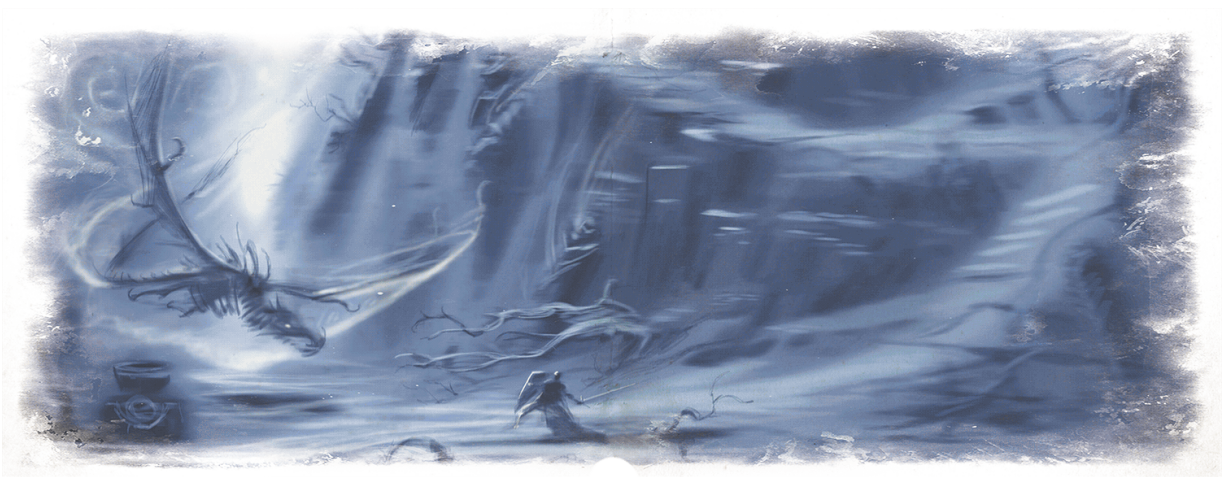
Пламя и Вера Нчунака

[Настоящая книга представляет собой перевод записей о путешествиях Нчунака по различным колониям Двемеров, поясняющих теории Кагренака.]

Я спросил о состоянии просветления у людей, с которыми он говорил. Он ответил, что согласно теориям Кагренака есть только одна школа, которая может вывести человека из лабиринта к истинному пониманию.

При этом он сообщил, что в Кераке изучаются заповеди Кагренака. Он сказал, что ни что так не ублажило его взор, как Двемеры Кераки, самый просвещённый народ на свете, изучающий слова Кагренака и отдающий отчёт в своём месте в грядущей жизни, и где ни планарное деление, ни исчисление амнезии, ни какие-либо иные прикладные дисциплины не ставятся выше понимания своего Эго и его взаимосвязи с Сердцем.

Я был достаточно учтив, чтобы принять это как возвышенный комплимент, и, подняв забрало, я поблагодарил его и отбыл с бесконечными поклонами.

Сон о Совнгарде

Скорее всего, через несколько часов я уже буду мертв.

Я и мои солдаты, все поголовно норды Скайрима, скоро присоединимся к легионам Императора и пойдем штурмом на Имперский город. Альдмеры хорошо укрепились внутри, и потери нас ждут серьезные. Это отчаянный риск, ведь если мы не вернем столицу, война будет проиграна.

Прошлой ночью я возносил молитвы могучему Талосу, прося его даровать мне мужество и силу в грядущей битве. В эти последние холодные часы, оставшиеся до восхода солнца, я хочу успеть записать сон, который только что видел и которого не ожидал увидеть.

Я верю, что это сон стал ответом на мои молитвы, и хочу передать своему народу ту мудрость, что была в нем скрыта. Ведь им предстоит еще много битв и после моей смерти.

В этом сне я шел сквозь туман куда-то, откуда до меня доносились раскаты смеха, радостные крики и песни севера. Туман вскоре поредел, и перед собой я увидел глубокую расселину. Вода с грохотом обрушивалась с ее краев вниз, но увидеть дно расселины я не мог – так глубока она была.

Через расселину был только один путь – огромный мост из китовой кости, и я поднялся на него.

Едва сделав пару шагов, я узрел перед собой воина, сурового и сильного. «Я – Тсун, мастер испытаний», – сказал он, и его глубокий голос раздался эхом по склонам гор, окружавших нас тесным кольцом.

Сделав широкий жест рукой, он разрешил мне пройти. Я чувствовал сердцем, что страж пропустил меня лишь потому, что я всего лишь посетитель. Когда пробьет мой час и я вернусь туда, завершив земную жизнь, я знаю из легенд, что должен буду в одиночку сразиться с этим устрашающим воином.

Когда я спустился с моста на другую сторону расселины, передо мной оказался огромный длинный дом, сложенный из камня, высокий настолько, что его вершина едва не касалась облаков. Напрягая все силы, я с трудом открыл дубовую входную дверь и узрел ярко освещенный факелами пиршественный зал.

Там я увидел величайших героев нордов, что услаждали себя медом из огромных бочонков и распевали боевые песни. Над бушующим пламенем крутились длинные вертела, унизанные молочными поросятами. Мой рот наполнился слюной, едва я почувствовал аромат жарящегося мяса, а сердце преисполнилось радости, когда я услышал славные песни прошлого.

– Подойди! – прокричал убеленный сединами старик, сидящий в большом деревянном кресле. Я знал, что это Исграмор, отец Скайрима и всех нордов. Я приблизился к нему и преклонил перед ним колени.

– Ты в Совнгарде, пиршественном зале погибших со славой. Что привело тебя ко мне, сын севера? – проревел старик.

– Я ищу совета, – сказал я, – ибо завтра нам предстоит отчаянная битва, и мое сердце полно страха.

Исграмор поднял свой кубок и выпил мед до дна. И тогда он молвил:

– Помни всегда, сын севера: норд оценивается не по тому, как он жил, а по тому, как он умер.

С этими словами он отставил в сторону пустой кубок, поднял в воздух кулак и издал победный крик. Остальные герои поднялись на ноги и закричали в ответ.

Этот звук все еще звенел у меня в ушах, когда я проснулся. Я собрал своих людей и рассказал им свой сон. И мой рассказ наполнил их сердца храбростью.

Уже звучат горны, наши знамена подняты. Пора строиться. Да дарует Талос нам победу сегодня. И если я покажу себя достойно, да будет мне дана возможность вновь войти под своды того пиршественного зала.

– Скардан Зимний Простор

Совнгард: новое осмысление

Берeditт Ястал

Размышления о Совнгарде, зале доблести нордов

Смерть. То, чего не миновать всем нам. Или нет?

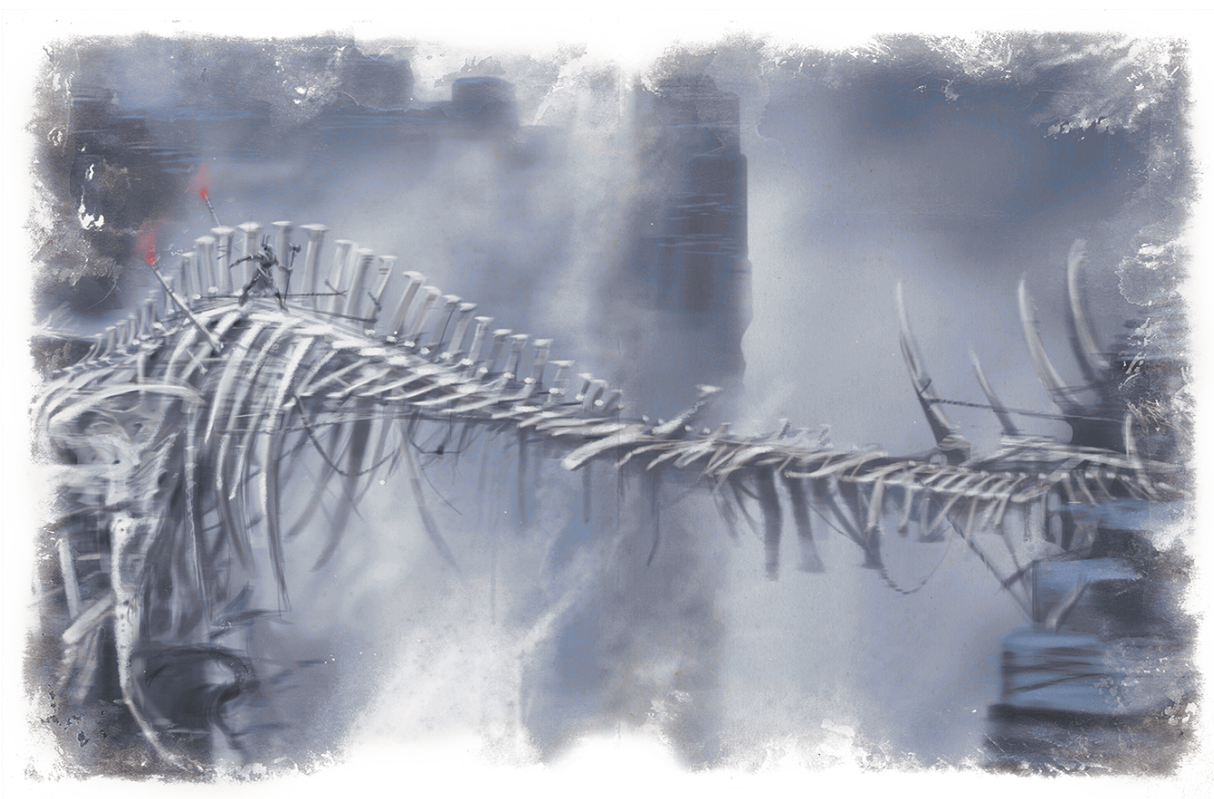
Спросите любого норда, что он думает о конце жизни, и, вероятнее всего, вас ждет устрашающий рассказ о льющейся крови, раздробленных костях и вывалившихся внутренностях, о доблестных подвигах и разрывающей сердце скорби. Оставим в стороне ужасные подробности и отметим, что в такой смерти оказывается заложено куда больше, чем может представить обычный воин-северянин. Новые сведения подводят нас к мысли, что гибель на поле брани – не конец, а переход туда, где мужественный норд может жить вечно, наслаждаясь пирами и состязаниями в силе и боевых искусствах. Чтобы понять, существует ли возможность вечной жизни после смерти, следует вновь обратиться к легендам, окружающим последний приют воинов, Совнгард.

И древние рукописи, и устные предания северян, восходящие к поздней Меретической эре, говорят, что существует некое место, столь величественное и столь почетное, что вход в него сокрыт от взглядов. Зовется оно Совнгард, а построил его сам бог Шор, дабы отличить тех нордов, что проявили отвагу в битве. Внутри этого «Зала доблести» привычное нам течение времени теряет смысл. Сами понятия жизни и смерти остаются за его порогом, а обитатели сего чертога пребывают в блаженстве, освобожденные от боли, страданий и тягот и, главное, от скуки, которую норды считают самым страшным наказанием.

Тщательно сокрытый вход в Совнгард породил множество споров среди ученых. Некоторые считают, будто великий зал Шора – просто миф, ибо нет среди нордов таких, кто повидал чудеса Совнгарда и вернулся, чтобы рассказать о них. Однако это не мешает многим посвящать жизнь поискам таинственного входа в Совнгард. Потом они возвращаются домой несолоно хлебавши, разочарованные и сломленные, с тяжким грузом неудачи на сердце. Никогда им не держать в руках бездонной фляги с медом, никогда не участвовать в бесконечном состязании в силе рук с неутомимыми товарищами.

Но, можно спросить, какое отношение вход в Совнгард имеет к смерти? Самое прямое, как следует из древних манускриптов, найденных на чердаке дома одного недавно почившего северянина, жившего в Сиродиле. То, что вначале сочли любовными письмами, на деле оказалось историей общения некой Фельги Четыре Пальца, медиума, и призрака воина-норда по имени Рольф Большой.

Согласно манускриптам, всю жизнь Рольф Большой провел в поисках входа в Совнгард, как и следовало ожидать, безуспешному. Он возвращался в свою родную деревню в Скайриме, когда на него напали великаны. Рольф храбро сражался, но был повержен, а великаны принялись играть его головой, словно мячом. Удивительно, но Рольф видел все это, меж тем как сам в образе духа поднимался все выше и выше в небо, удаляясь от земли, пока наконец не прибыл... в восхитительный чертог Совнгарда!

Рольф не мог поверить своему счастью. Как глупо, что он не понял правды много лет назад: смерть и есть вход в Совнгард. Так ему поведал сам Шор, он приветствовал Рольфа Большого как брата, протянул ему жареный окорок и одновременно подтолкнул к нему симпатичную бабенку. Шор сказал воину, что в Совнгард может попасть любой норд, принявший доблестную смерть на поле брани.

Пора нордам узнать правду. Они могут удостоиться вечного блаженства, не тратя годы земной жизни на пустые поиски недостижимого. В конце все достойные норды смогут войти в Совнгард. Обезглавливание, потеря конечностей и тяжкие раны кажутся небольшой платой за шанс провести вечность в волшебном зале Шора.

Амулет Королей

Венегрус Монона

Железной рукой правила центральным Тамриэлем в начале Первой эры могущественная эльфийская раса, называемая айлейды или средиземные высокие эльфы. Высокомерные и надменные айлейды полагались на своих покровителей, коварных лордов даэдра, что снабжали их армиями даэдра и нежити. В союзе с этими бесстрашными колдовскими армиями айлейды беспощадно расправлялись с юными людскими расами, уничтожая их или превращая в послушных прихотям рабов.

Св. Алессия, первая в линии Сиродилов, от лица всех страдающих людей обратилась с зовом о помощи к Акатошу, Богу-Дракону времени, правителю благородных аэдра. Акатош, с состраданием взиравший на тяжелое положение племени людского, пожертвовал драгоценной кровью из собственного сердца. Он благословил кровью драконов Св. Алессию и завещал, что до тех пор пока род Алессии останется верен крови дракона, Акатош будет держать запечатанными врата в Обливион, дабы не допустить армии даэдра и нежити помогать врагам – айлейдам, чтящим лордов даэдра.

В знак этого соглашения, Акатош дал Алессии и ее потомкам Амулет Королей и установил вечные Драконьи огни в Имперском городе. Поэтому и стала Алессия первой драгоценностью в Сиродильском Амulette Королей. Драгоценность эта – красный алмаз в центре Амулета. Символ Империи, ставший затем символом династии Септимов. Он окружен восемью другими камнями по числу божеств.

До тех пор пока Империя чтит Акатоша и иже с ним, а наследники Алессии носят Амулет Королей, Акатош и его божественные соратники будут поддерживать нерушимость барьера между

Тамриэлем и Обливионом, так что смертные могут не бояться разорительного нашествия орд, призванных лордами даэдра.

Но если в Империи ослабнет приверженность Девяти божествам, или кровь потомков Алессии оскудеет, тогда падут барьеры между Тамриэлем и царствами даэдра, и смогут тогда поклонники даэдра призвать существ иного мира на горе людским расам.

Последний король айлейдов

Герминия Цинна

Айлейды, или высокие эльфы Средиземья, правили Сиродилом долгие века Мифического периода, предшествовавшего началу ведения письменных хроник. Фактически, одной из самых ранних зафиксированных дат было падение Башни Белого Золота в 1Е 243, считающееся концом эпохи айлейдов.

Хотя 243-й год Первой эры действительно признается годом свержения айлейдского правления в Сиродиле, сие событие следует считать лишь одной из вех, пусть ярких, в длинной истории заката этой культуры. Первые два столетия Первой эры знаменовались усилением вражды между могущественными айлейдскими правителями Сиродила. Смута гражданской войны сыграла на руку Алессии и ее сторонникам. Имперские историки традиционно связывают ее победы с помощью, полученной от Скайрима, но, похоже, во время осады Башни Белого Золота она получала не менее значительную помощь от мятежных айлейдских лордов.

Широко распространенный образ айлейдов как жестоких рабовладельцев основан, конечно же, на фактических материалах, однако имеются свидетельства, что некоторые принцы айлейдов продолжали править разными частями Сиродила и после 263-го года, но уже как вассалы новой императрицы. Это позволяет предположить, что либо власть айлейдов не была уничтожена полностью, либо Алессия и ее преемники были гораздо прагматичнее, чем обычно полагают. Возможно, правда лежит посередине.

В любом случае, раскопки на месте ряда айлейдских поселений показали, что они не только были обитаемы, но даже развивались и расширялись на протяжении всего так называемого

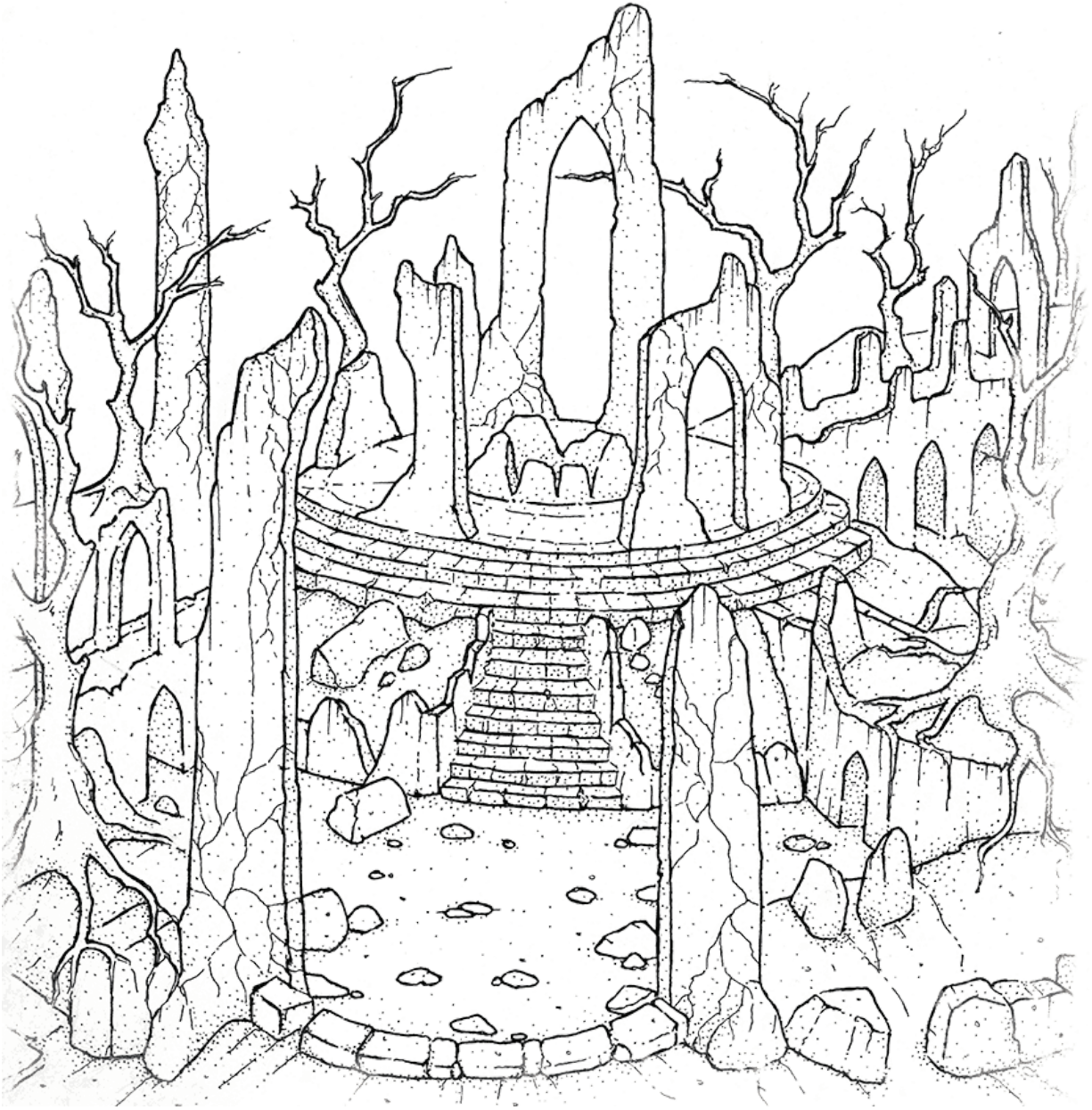
позднеайлейдского периода (1Е 243 – ок. 1Е 498). Поначалу многие айлейдские лорды правили своими землями как вассалы государства людей. В ряде случаев айлейдам, сторонникам Алессии, даже были пожалованы новые земли, отнятые у их поверженных врагов. Пока неясно, в какой степени было распространено порабощение людей в период Сиродильской империи. Известно, что люди продолжали жить и в районах Сиродила, находившихся под управлением айлейдов, но неизвестно, каковы были условия их жизни.

Взаимоотношения между людьми и эльфами с самого начала были непростыми, и сосуществование не могло продолжаться долго. Возмущение правлением айлейдских аристократов в Империи послужило одной из причин взлета популярности так называемого Алессианского ордена, основателем которого был Марук. Первыми жертвами алессианцев стали айлейды Сиродила. В начале 300-х годов сообщества айлейдов, остававшиеся в областях, где правили люди, уничтожались одно за другим. Беженцы наводняли еще сохранившиеся айлейдские владения, временно усиливая их.

Затем, в 361-м году, алессианцы получили контроль над всей Империей и навязали населению Алессианские доктрины. Власти айлейдов пришел конец. Приведение этой политики в жизнь, похоже, не потребовало прямого насилия – на тот момент баланс сил был настолько не в пользу эльфов, а их судьба была так ясно предрешена, что большинство айлейдов попросту покинули Сиродил, со временем смешавшись с эльфийским населением Валенвуда и Хай Рока. Вполне возможно, что усиление Гегемонии Диренни связано с исходом айлейдов из Сиродила (хотя эта связь пока еще недостаточно исследована историками).

Однако некоторым айлейдам все же удалось пережить правление алессианцев. Об этом говорит упоминание о «последнем короле айлейдов», участвовавшем в битве при Гленумбрийских Вересках в 482-м году, в которой Диренни наголову разгромили алессианцев. Как это королевство смогло продержаться предшествовавшее

столетие, неизвестно. Нам практически ничего не известно о нем, хотя недавние исследования указывают на Неналату как место упокоения «последнего короля айлейдов». К сожалению, при нынешнем состоянии Империи средств на полноценные исследования таких огромных руин не хватает, и ответы на все эти вопросы предстоит дать будущим поколениям.

Магия, рожденная небом

Ирлав Джарол

Древние айлейды верили, что Нирн сформирован из четырех основных элементов – земли, воды, воздуха и света, а из этих четырех элементов, по их мнению, первичной формой света являлся свет звезд. Звезды – это наша связь с планом Этериуса, источника всех магических сил, и, следовательно, свет звезд является сильнейшей и величайшей из всех магических энергий.

Время от времени фрагменты Этериуса падают с небес. Люди называют их «падающими звездами», и иногда такие фрагменты Этериуса находят на Нирне. Чаше встречается «метеоритное железо», металл, свойства которого при ковке волшебного оружия и брони делают его особо ценным в глазах кузнецов и зачарователей. Это метеоритное железо использовано также в айлейдских источниках, древних колдовских артефактах, которые можно найти по всей территории Сиродила.

Другая, более редкая форма фрагментов Этериуса называется «метеоритное стекло». Именно из этих фрагментов сделаны такие айлейдские колдовские артефакты, как камни велкинд и камни варла.

Айлейдские источники разбросаны по территории Сиродила. Принцип их расположения неизвестен, он не связан с местонахождением известных айлейдских городов и поселений. Предполагается, что неким способом они черпают магическую силу света звезд. Весьма вероятно, но не подтверждено, что они размещены на точках пересечения древних силовых линий магии, хотя современная волшебная наука не обнаружила наличия подобных силовых линий.

Те, кто обладает способностями к волшебству, могут черпать магию из айлейдских источников, чтобы восстановить собственный запас колдовской силы. Поскольку никакого ритуала или тайных знаний не требуется, можно предположить, что эти колодцы были созданы для того, чтобы служить лицам, не искушенным в искусстве волшебства. Опустошенные источники опять наполняются в полночь. Возобновив запас магии, они испускают вверх лучистые потоки энергии, это позволяет некоторым строить догадки, что колодцы являются также объектами, значимыми для религиозных или магических ритуалов, символизируя возвращение магии небесам.

Камни велкинд (на языке альдмерис – «небесный камень», дословно «дитя неба») – куски обработанного и наделенного магическими силами метеоритного стекла, служащие резервуарами для хранения магической энергии. Обладающий колдовскими способностями с помощью этих камней может пополнить собственный запас. Увы, способы восстановления этих камней утеряны вместе с айлейдами. Ныне эти объекты просто рассыпаются в пыль, будучи использованы.

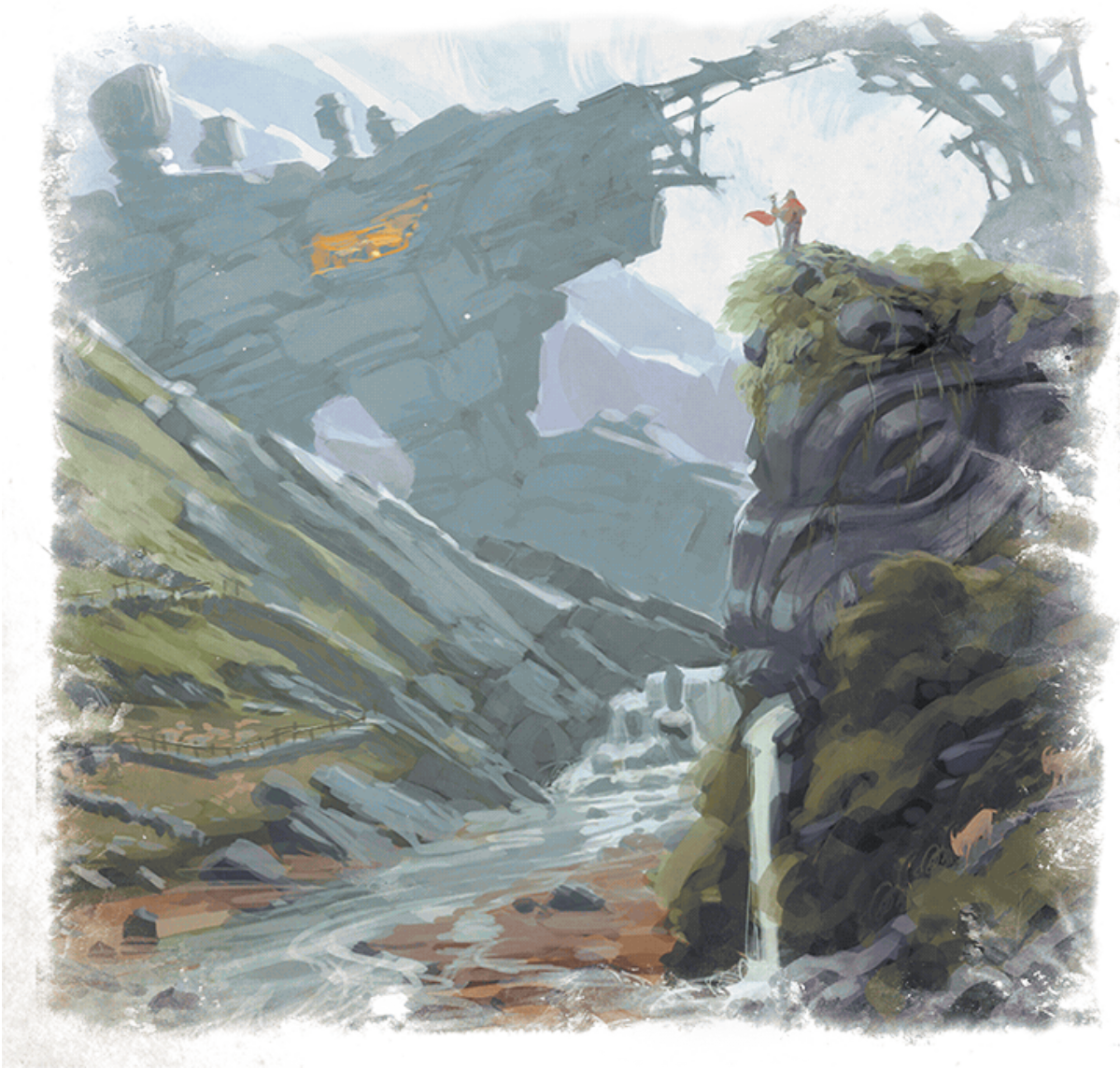
Великие велкиндские камни – это зачарованные куски метеоритного стекла огромной величины. Ученые полагают, что Великий велкиндский камень, сердце каждого древнего айлейдского города, отвечал за все магическое обустройство жизни поселения. Возможно, эти большие камни были связаны с меньшими, восстанавливая и управляя их колдовской силой. В любом случае, изучение Великих камней велкинд невозможно, поскольку все известные айлейдские руины были разграблены, и экземпляров таких камней не осталось.

Другой редкий колдовской предмет, который можно найти в айлейдских руинах называется камень варла (на альдмерис – «звездный камень»). Камни варла обладают удивительной силой, позволяющей даже необученным пользователям восстанавливать магическую энергию любого числа зачарованных предметов. Вследствие своей большой стоимости и полезности, эти предметы

также очень редки, но поскольку они невелики и легко прячутся, упорные исследователи до сих пор могут наткнуться на них в айлейдских руинах.

Айлейдские источники. Камни велкинд. Камни варла. Рассмотрим эти чудеса магического зачарования. Следует ли нам сделать заключение, что айлейды были высшей расой со сверхкультурой? Превзошли ли они нас в искусстве и ремеслах настолько, что могли бы с издевкой смотреть на слабые силы волшебников Третьей эры?

Никогда! Айлейды были могущественными и хитроумными, но они не были ни добродетельными, ни мудрыми, а потому были свергнуты. Их творения покинули Нирн, оставив лишь эти редкие сверкающие сокровища. Их древние города темны и пусты, там не встретить никого, кроме мрачных призраков и неупокоенных духов, обреченных вечно бродить по скорбным залам среди костей и праха.

Трактат об айлейдских городах:

Варса Балим и Нефаривигум

Испытание Дагона

Глава десятая

Я буду не первым учёным, указывающим на сочетание добронамеренности и самонадеянности в облике айлейдов как источнике многих катастрофических событий в жизни хартлендских эльфов в старину.

Нефаривигум, нечестивая конструкция самого Мерунеса Дагона, была воздвигнута, дабы принимать пришедших туда паломников и предоставлять им возможность пройти неизвестного сорта испытание. Говорится, что достойный будет вознаграждён благословением Бритвы Мерунеса, ужасного клинка, удар которого позволяет самому Дагону потребовать душу жертвы.

Добронамеренность вынудила айлейдский народ искать Нефаривигум. Самонадеянность позволила поверить, что именно они могут воспрепятствовать поискам Бритвы. Так во времена расцвета айлейдского правления был построен Варса Балим, огромный лабиринтоподобный город.

Не взирая ни на что, пилигримы шли в Варса Балим, годами эльфы препятствовали их проникновению, пока в город незамеченным не проник вампир. Народ эльфов был заражён жадой крови, город погрузился в пучину безумия и разорения, и вскоре, казалось, не осталось никого, кто бы мог встать на пути ищущих Бритву.

Затем внезапно Варса Балим исчез. Историки спорят, произошло ли это вследствие некой последней попытки закрыть доступ к

городу, естественного катаклизма или по велению богов. Какова бы ни была причина, все согласны в одном: горы Восточного Нибена поглотили Варса Балим и вместе с ним Нефаривигум, и месторасположение его сокрыто с начала Первой эры.

Если за всеми этими рассуждениями стоит истина, то в восточной части Нибенейской долины, где мало ощущается присутствие цивилизации, затаился в ожидании Нефаривигум. Он сокрыт в заполненном нежитью городе, заключённом в хладных глубинах горы.

Адабал-а

От редактора: Принято считать, что Адабал-а есть воспоминания Морихауса, супруга Королевы Рабов Алессии. Хотя достоверная проверка невозможна, несомненно, что Адабал-а принадлежит к древнейшим текстам, относящимся к ранней Первой эре.

СМЕРТЬ ПЕЛИНАЛА

И в залитом кровью тронном зале Белого Золота, отрезанная голова Пелинала заговорила с крылатым быком Морихаусом, полубогом, возлюбленным Ал-Эш, произнеся слова: «Наши враги расправились со мной, и растащили мое тело по укромным уголкам. В издевку над божественными целями айлейды разрубили меня на восемь частей, ибо число это стало для них навязчивой идеей».

И Морихаус, смущенный, захрапел в свое кольцо и сказал: «Твой поход был предпринят против ее совета, Вайтстрейк, но я бык, и потому могу быть опрометчив в своих суждениях. Пойду я, пожалуй, и забодаю наших пленников, если ты оставил кого-то в живых. Ты в-крови-славен, дядя, и придешь вновь, лисою или светом. Сирод все еще наш». Тогда Пелинал заговорил в последний раз: «Остерегись, Морихаус, остерегись! В прозрении смерти вижу я, что враг мой жив еще, горькое знание это возьму с собой в могилу. Лучше бы умер я, думая, что победил. Хоть и вызван будет из дверей ночи, он вернется. Будь бдителен! Я не смогу больше защищать людей от злодеяний Умарила».

ЮНОСТЬ АЛЕССИИ В ГОДЫ РАБСТВА

Племя, давшее рождение Перриф, неизвестно, но выросла она в Сарде, известном как Сардавар Лид, куда айлейды сгоняли людей со всего Нибена: котри, недийцев, ал-гемха, людей-из-'крит (хотя позже стало известно, что их привезли с севера), кепту, людей-из-ге (они были окончательно истреблены, когда Король Цветов Нилихи сотворил великое жертвоприношение во имя бога-насекомого, звавшегося [утеряно]), ал-харед, людей-из-кет и других. Это был Сирод, сердце королевских салиах, где людям неведома была свобода ни в чем, даже в сохранении целостности семьи, даже в выборе имени, разве что тайного, и прочего. Их чужеземные властители все это полагали неуместным.

Людям было отведено корчевать камни, осушать поля, держать в порядке церкви и дороги, или становиться объектами искусства пыток для удовлетворения странных желаний своих хозяев – и в кричащих колесах Виндазеля, и прожорливых садах Серкена; и в качестве скульптур-из-плоти, что были популярны у айлейдов тех дней. Хуже было оказаться в царстве Огненного Короля Хадхула, где производились снадобья путем введения даэдронов в живые организмы, позволявшие вдыхающему их зреть новые образы пыток, и где детей поджигали для проведения ночной забавы с участием тигров.

МОРИХАУС ОБЪЯСНЯЕТ ИМЕНА АЛЕССИИ

Тогда Морихаус сказал им: «В сказаниях своих вы называете ее многими именами: Ал-Эш, данное ей в благоговейном трепете, что, будучи переведено, звучит повторением – 'высшая высшая'. Из него произошли более привычные искажения: Алешат, Эша, Алессия. Вам знакома она и как Паравант, имя, данное ей при коронации, „первая из рода своего“, под ним боги подразумевают смертного, достойного величия убийства-расспроса-излечения, также звучит оно – Паравал, Певеш, Перрету, Перриф, и для меня, в часы любви, – Паравания».

«Хотя потеряна для меня, плавает она среди звезд, первая Императрица, Леди Небес, Королева Сирода».

И они решили, что получили ответы на свои вопросы и удалились.

Испытания Святой Алессии

В те дни, много лет назад, заключил Акатош с Алессией соглашение. Он собрал спутанные нити Обливиона, накрепко связал кровавыми жилами самого своего сердца и, передавая это Алессии, сказал: «Вот мой дар тебе. Он означает, что пока ты и твой род верны данному обету, будут верны обету мой род и я. Этот дар станет Амулетом королей, и соглашение будет заключено между нами, мной, королем богов, и тобой, королевой смертных. Как ты будешь свидетельствовать от имени бранных смертных, так я свидетельствовать буду от имени сонма бессмертных».

И Акатош извлек из сердца своего пригоршню горячей крови и влил в руки Алессии, говоря: «Это тоже дар мой тебе, знак того, что соединена наша кровь и связаны мы клятвой. Доколе наследники твои будут носить Амулет Королей, будут Драконьи огни гореть вечным пламенем как символ верности нашей для всех людей и богов. А пока Драконьи огни горят, клянусь тебе и потомкам твоим, кровь сердца моего будет крепко запирать врата Обливиона.

И пока сильна кровь Дракона в ее правителях, величие Империи не померкнет. Но если погаснут Драконьи огни, и не будет наследника нашей общей крови, что носит Амулет Королей, тогда

поглотит тьма Империю, и демонические лорды беспорядка будут царствовать на земле».

– Из литургии при возжигании Драконьих огней

Хроники Святых Братьев Марука,

том IV

Очищение собора

Примечание редактора: Это единственный уцелевший фрагмент хроник этой секты Алессианского ордена времен Первой эры. Вероятно, они хранились в гигантском монастырском комплексе на озере Канулус, который был разрушен в период войны Справедливости (1E 2321), а архивы уничтожены или разграблены.

Заметим также, что алессианские писцы того времени обыкновенно исчисляли даты с момента Вознесения Алессии (1E 266).

Здесь записаны события года 127-го эпохи Благословенной Алессии.

В том году выдался такой день, что свет померк, а Солнце стало подобно Массеру трех дней от роду, и в полдень завиднелись на небе звезды. То случилось пятого числа месяца Первого зерна. Все, кто узрел сие, ужаснулись и сказали, что вскорости следует ждать великих потрясений. Так и вышло, ибо в тот же год из древнего эльфийского храма, называемого Малада, выступила огромная рать демонов, какой не видели со времен короля Белхарзы. Те демоны осквернили землю, и люди не могли более пахать, сеять и собирать урожай. Обратили свои взоры люди к братьям Марука и взмолились

о помощи. Тогда аббат Космас собрал братьев и повел их в Маладу, или «Великий собор» по-эльфийски. Не смогли демоны противостоять священному пламени и были уничтожены, а с ними были сожжены их дьявольские реликвии и книги. И настал на земле мир на долгие годы.

Шезарр и Боги

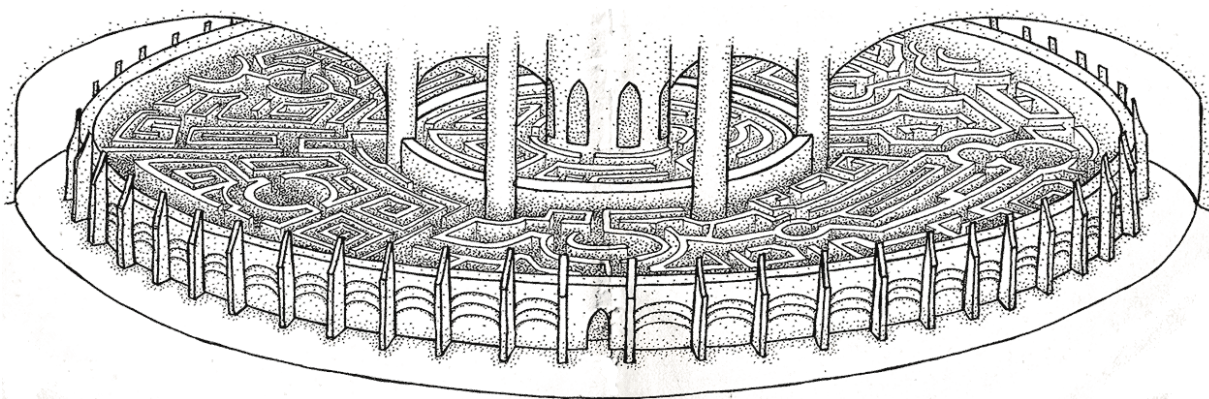
Фостиллус Джуниус. Помощник куратора Отдела древней теологии и палеонумерологии. Имперская библиотека

Положение Шезарра в религии Сиродила часто оценивается неверно. В имперской столице имеются многочисленные культы Шезарра, как и тысячи других божеств. Шезарра особо почитают на коловианском западе, хотя там он известен под именем Шора, поскольку западные короли – истинные норды, в том числе и по религиозным воззрениям.

Разрыв связи Шезарра с Восемью Божествами (его часто называют их «Потерянным братом») начинается со Святой Алессии, так называемой «Сиродильской Королевы Рабов», основательницы Сиродильской Империи. Самые ранние рассказы сиро-нордов Хартленда свидетельствуют о том, что Шезарр сражается против айлейдов («хартлендских высоких эльфов») на стороне людей. Затем, по неким неизвестным причинам, он исчезает со сцены (возможно, чтобы оказать помощь людям где-то в другом месте), и без его направляющей руки айлейды завоевывают и порабащают людей.

Это порабощение длится поколениями. Изолированные от собратьев люди со временем начинают принимать веру своих хозяев, или, по крайней мере, религиозные верования высших эльфов настолько сплетаются с людскими, что становятся неразделимы. В 1E242 под предводительством Алессии, ее возлюбленного, полубога Морихауса-Дыхания-Кин, и знаменитого Пелинала Вайтстрейка люди Сиродила восстают. Когда Скайрим приводит армию на помощь Королеве Рабов Юга, восстание увенчивается успехом. Владычеству айлейдов быстро приходит конец. Башня Белого Золота захватывается силами Алессии, и она

без колебаний провозглашает себя первой императрицей Сиродила. Это решение также повлекло и необходимость для Алессии стать верховной жрицей Акатоша.

Акатош был альдмерийским богом, а подданные Алессии не были пока еще готовы отказаться от своей веры в богов эльфийского пантеона. Она оказалась в очень щекотливой политической ситуации. Ей надо было сохранить союз с северянами, но последние (в то время) крайне отрицательно относились к почитанию эльфийских божеств. С другой стороны, она не могла силой заставить своих подданных вернуться к вере нордов, опасаясь нового восстания. В результате был найден компромисс, и императрица Алессия основала новую религию: Восемь Богов, элегантный, хорошо продуманный синтез двух пантеонов, нордского и альдмерийского. Шезарр, по логике вещей, должен был измениться. Он не мог более быть кровожадным истребителем альдмеров прошлых времен. Он не мог и исчезнуть, поскольку в этом случае Алессия лишилась бы поддержки нордов. В конце концов он был признан «божеством, стоящим за всеми человеческими свершениями». И это удовлетворило нордов, хотя в

результате получилась кое-как замаскированная, размытая версия Шора.

Что касается того, почему Тайбер Септим не «оживил» Шезарра во время своих войн против Альдмерийского Доминиона, мы можем лишь предполагать, что в тот момент воспоминания о безрассудствах Ордена Алессии (Прорыв Дракона, Война Справедливости, поражение в Гленумбрийских Вересках) могли лишь повредить его походу за короной Империи.

Слава и забвение

Среди айлейдских руин

Александр Хеттард

Приехав в приорат Готтлесфонт, что стоит на Золотой дороге между Скинградом и Имперским городом, я решил позволить себе отвлечься и совершить краткое путешествие к величественным руинам Сейататара, что значит «Тень отчих лесов» на языке древних айлейдов. Проведя много часов на дороге среди заросших боярышником пригорков, я застыл на месте при виде пяти белоснежных колонн, поднимавшихся из нефритово-зеленых холмов, чтобы слиться в V-образные арки, украшенные изящными капителями, возвышающимися над изумрудным лесом. Это зрелище навело меня на мысли об утраченной славе прошлого и прискорбной судьбе цивилизации, которая оставила после себя лишь эти осколки костей, торчащие из зеленого кургана забвения.

Среди чащи я обнаружил вход, ведущий в центральный купол великого подземного храма, посвященного Магнусу, богу Зрения, Света и Озарения. Растрескавшиеся белые стены поблескивали холодным голубым светом, источаемым померкнувшими со временем магическими бассейнами.

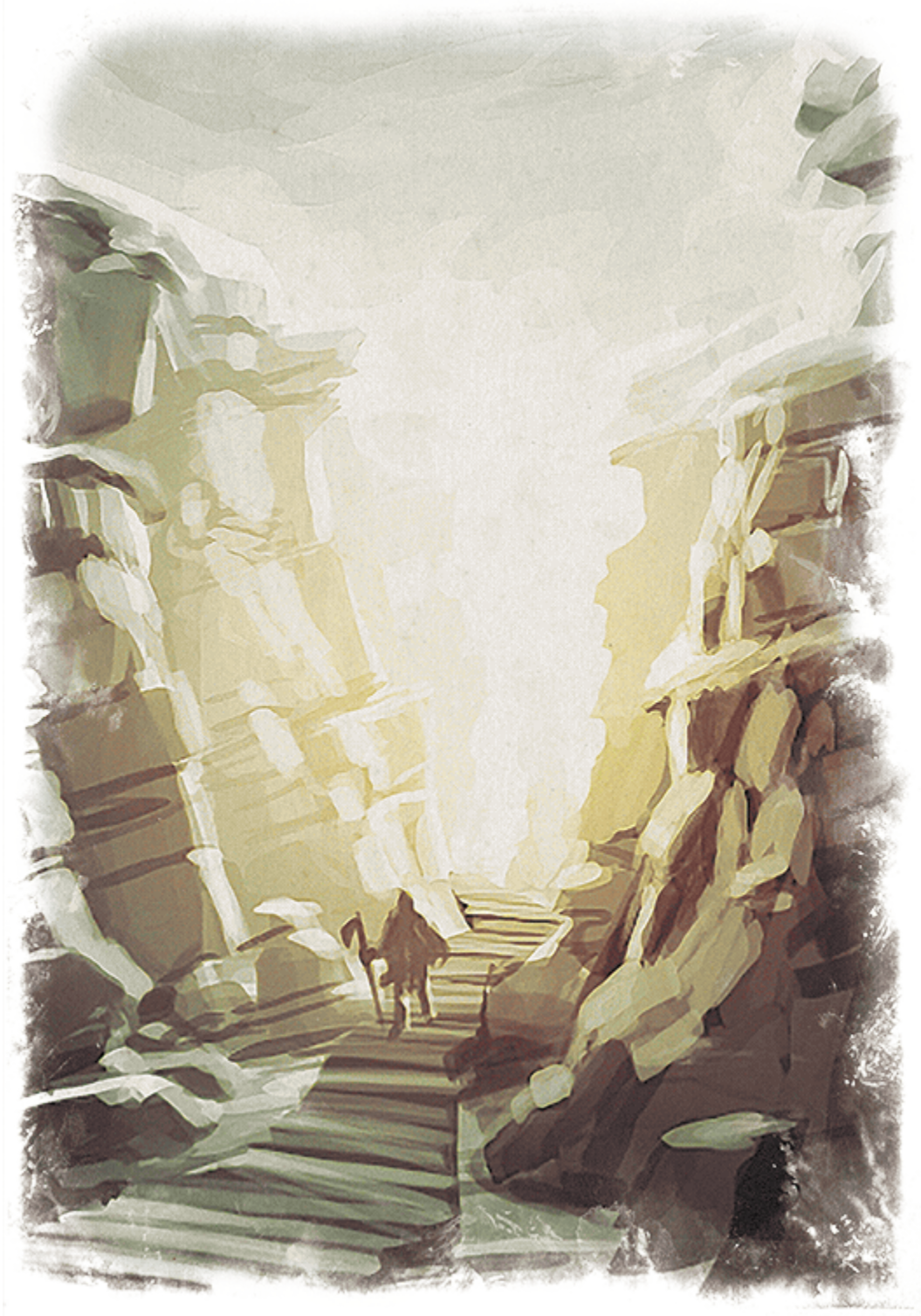
Мраморные скамьи главной площади окружали высокие колонны и тонкие арки, поддерживающие высокий купол. Расходясь от центрального острова, величественные мосты пересекали тихие пруды, позволяя пройти в коридоры за колоннами, откуда широкие сводчатые галереи и прозрачные каналы вели в темноту. В прудах отражались обрушившиеся стены, упавшие колонны и буйные корни

с плетями ползучих растений, разросшиеся в полусвете магических фонтанов.

Древние айлейды признавали не те четыре элемента, что знает современная натуральная философия – землю, воду, воздух и огонь, а четыре элемента религии высоких эльфов – землю, воду, воздух и свет. Они полагали огонь слабой и искаженной формой света, который айлейдские философы отождествляли с первичными магическими принципами. Именно поэтому их древние подземные храмы всегда были освещены лампами, шарами, магическими бассейнами и фонтанами.

Смотря на эти древние, потускневшие, но все еще действующие водоемы, я предался размышлениям о давно умерших айлейдских архитекторах. Глядя на гладкую, как стекло, поверхность бассейнов, я мог видеть глубоко внизу медленную пульсацию то затухающих, то разгорающихся велкиндских камней.

Исследователей этих руин подстерегают хитроумные смертельно опасные механизмы, разработанные айлейдами, чтобы препятствовать тем, кто осмелится вторгнуться в их подземные убежища. Какая ирония! Через столько лет эти устройства все еще стоят на чеку, готовые уничтожить тех, кто хочет всего лишь полюбоваться работой айлейдов. Ведь совершенно ясно... что эти устройства были созданы напрасно. Они не защитили айлейдов от их истинных врагов, которыми оказались не рабы, что восстали и сбросили жестоких хозяев, и не дикари, что узнали секреты магического и военного мастерства айлейдов. Нет, их главным врагом была высокомерная гордость за их достижения, их чопорная уверенность в том, что их империя вечна. Именно это обрекло их на поражение и забвение.

2920, Последний год Первой эры

Карловак Таунвей

Книга I:

месяц Утренней звезды

1, месяц Утренней звезды, год 2920-й

Морнхолд, Морровинд

Альмалексия лежала на мехах в своей кровати и грезилась. Она не открывала глаза, пока солнечный свет, пробившийся в комнату, не озарил деревянные и телесные цвета ее комнаты молочным сиянием. Было тихо и безмятежно. Уютный облик ее комнаты разительно отличался от ее видений, полных крови и пиршеств. Некоторое время она просто смотрела в потолок, пытаясь разобраться в своих видениях.

Во внутреннем дворе ее замка находился бурлящий пруд, от которого в это прохладное зимнее утро шел пар. Она махнула рукой, пруд очистился, и она увидела лицо своего возлюбленного, Вивека, который находился в своем рабочем кабинете на севере. Некоторое время ей не хотелось ничего ему говорить: он был так красив в своем красном одеянии, Вивек писал стихи, он занимался этим каждое утро.

«Вивек, – сказала она, и он поднял голову и улыбнулся, глядя на ее лицо, находившееся за тысячу миль. – У меня было видение о конце войны».

«Не думаю, что кто-нибудь сможет себе представить конец войны, ведь она уже длится восемьдесят лет, – сказал Вивек улыбнувшись, но тут же стал серьезным, он всегда доверял пророчествам Альмалексии. – Кто победит? Морровинд или Империя Сиродила?»

«Если Сота Сила не будет в Морровинде, мы проиграем», – ответила она.

«Разведка доложила мне, что Империя собирается напасть с севера, ранней весной, самое позднее, в месяц Первого зерна. Ты сможешь отправиться в Артейум и убедить его вернуться?»

«Я выезжаю сегодня», – просто ответила она.

4, месяц Утренней звезды, год 2920-й

Гидеон, Чернотопье

Императрица мерила шагами свою камеру. Зима давала ей массу бесполезной энергии, летом она, скорее всего, будет сидеть у окна и благодарить богов за каждое дуновение затхлого ветра с болот. В другом углу комнаты лежал незаконченный гобелен, на котором был изображен танец в Имперском дворце. Ей показалось, что гобелен издевается над ней. Она сняла его с рамы, порвала на кусочки и разбросала по всей комнате.

Потом она рассмеялась над своим бесполезным актом сопротивления. У нее будет достаточно времени, чтобы восстановить этот гобелен и сделать еще сотню других. Император заточил ее в Замке Джиовез семь лет назад, и вряд ли он выпустит императрицу отсюда до самой ее или его смерти.

Вздыхнув, она дернула за шнур, чтобы позвать своего рыцаря Зуука. Он появился в дверях в считанные минуты, в полной униформе, как и подобает Имперскому Стражу. Большинство мужчин в племени Котринги, находившемся в Чернотопье, предпочитало ходить совсем без одежды, но Зуук носил одежду, и поэтому выгодно отличался от остальных. Его серебристая, отражающая свет кожа была видна только на лице, шее и руках.

«Ваше императорское величество», – сказал он, поклонившись.

«Зуук, – сказала императрица Тавия. – Мне скучно. Давай сегодня обсудим с тобой способы убийства моего мужа».

14, месяц Утренней звезды, год 2920-й

Имперский Город, Сиродил

Колокольный звон, провозглашающий молитву Южного Ветра, пронесся эхом по широким бульварам и садам Имперского Города, созывая всех в храмы. Император Реман III всегда посещал службы в Храме Единого, а его сын и наследник принц Джуйлек, напротив, считал политически верным в каждый религиозный праздник отправляться в разные храмы. В этом году он выбрал собор Милости Мары.

Службы собора Милости были на счастье короткими, но император мог вернуться во дворец только во второй половине дня. К тому времени сражающиеся на арене уже с нетерпением ожидали начала церемонии. Толпа поумерила свой пыл, когда потентат Версидью-Шайе вызвал на арену труппу акробатов-каджитов.

«Ваша религия куда более удобна, чем моя, – сказал император своему потентату, как бы извиняясь. – Какая игра будет сегодня

первой?»

«Битва один на один между двумя умелыми воинами, – сказал потентат, его чешуйчатая кожа поблескивала на солнце, когда он вставал. – Вооруженными в соответствии со своими традициями».

«Звучит хорошо, – сказал император и захлопал в ладоши. – Путь соревнование начнется!»

Как только он увидел двух воинов, выходящих на арену под рев толпы, император Реман III вспомнил, что дал согласие на этот поединок несколько месяцев назад, но совершенно забыл об этом. Одним из состязающихся был сын потентата, Савириен-Чорак, блестящий и скользкий, как угорь, сжимающий катану и вакизаши в обманчиво слабых руках. Другим бойцом был сын императора Джуйлек в эбонитовой броне, с варварским орочьим шлемом на голове, щитом и длинным мечом на боку.

«Это будет захватывающее зрелище, – прошипел потентат, у него на лице была широкая ухмылка. – Я не знаю, видел ли я такие битвы между Сиродилом и Акавиром. Обычно армия против армии. В конечном итоге, мы сможем выяснить, что лучше – создавать броню, чтобы побеждать оружие, как делаете вы, люди, или создавать мечи, чтобы побеждать броню, как делаем мы».

Никто в толпе, не считая нескольких советников из Акавира и самого потентата, не хотел, чтобы Савириен-Чорак выиграл, но все затаили дыхание, глядя на его грациозные движения. Его мечи, казалось, были вторым хвостом акавирица и составляли со своим владельцем единое целое. Противовес позволил молодой рептилии свернуться в клубок и перекатиться в центр круга, где он и занял наступательную позицию. Выход принца произвел намного меньше впечатления на зрителей. Когда они набросились друг на друга, толпа заревела от восторга. Акавирец был подобен луне на орбите вокруг принца, он без усилий оказывался у него за плечом, пытаясь нанести удар сзади, но принц молниеносно разворачивался в сторону противника и блокировал удар щитом. Но и его контрудары попадали исключительно по воздуху, а его противник падал на

землю и проскальзывал у него между ног, от чего принц спотыкался. Наконец, принц упал на землю с оглушительным грохотом.

Металл и воздух сплелись воедино, когда Савириен-Чорак начал наносить удар за ударом, а принц по-прежнему блокировал их своим щитом.

«В нашей культуре нет щитов, – пробормотал Версидью-Шайе императору. – Моему мальчику это кажется странным, могу себе представить. В нашей стране, если ты не хочешь, чтобы тебя ударили, ты убираешься с пути».

Когда Савириен-Чорак наклонился назад, чтобы нанести очередную серию ударов, принц вдруг ударил его по хвосту, от чего тот немедленно упал. Он тут же поднялся, но к тому времени принц уже встал на ноги. Они начали кружить на месте, и занимались этим до тех пор, пока Савириен-Чорак не рванулся вперед, вытащив катану. Принц увидел, что собирается сделать его противник, и блокировал катану мечом, а вакизаши – щитом. Короткое лезвие застряло в щите, и Савириен-Чорак потерял равновесие.

Клинок принца чиркнул по груди акавирца, и неожиданная острая боль заставила его бросить оружие. Через мгновение все было кончено. Савириен-Чорак распластался в пыли, а клинок принца находился у его горла.

«Игра окончена!» – провозгласил император, голос которого тут же заглушили аплодисменты.

Принц усмехнулся и помог Савириен-Чораку встать и дойти до целителя. Император снисходительно похлопал своего потентата по спине, чувствуя невероятное облегчение. Когда битва началась, он и не осознал, что почти не надеялся на победу сына.

«Он будет хорошим воином, – сказал Версидью-Шайе. – И великим императором».

«Помни об одном, – рассмеялся император. – У акавирцев много красивых движений, но если хоть один наш удар достигнет цели, вам придет конец».

«Ох, я запомню это», – закивал потентат.

Реман думал об этом комментарии все время, пока продолжались игры, и почему-то не мог в полной мере насладиться собственным остроумием. Мог ли потентат оказаться еще одним врагом, таким же, как императрица? На это стоит обратить внимание.

21, месяц Утренней звезды, год 2920-й

Морнхолд, Морровинд

«Почему ты не носишь зеленое платье, которое я тебе подарил?» – спросил герцог Морнхолда, глядя, как одевается молодая женщина.

«Оно мне не подходит, – улыбнулась Турала. – К тому же, я люблю красный цвет, ты же знаешь».

«Оно тебе не подходит, потому что ты толстеешь», – засмеялся герцог, повалив ее на кровать и покрывая поцелуями ее грудь и живот. Она тоже рассмеялась, но потом встала и натянула свое красное платье.

«Я пухленькая, как и положено быть женщине, – сказала Турала. – Я увижу тебя завтра?»

«Нет, – сказал герцог. – Завтра мне надо развлекать Вивека, а на следующий день приезжает герцог Эбонхарта. Ты знаешь, я не особо

любил Альмалексию и ее методы правления до тех пор, пока она не уехала».

«И со мной тоже самое, – улыбнулась Турала. – Я тебе понравлюсь только, когда уйду».

«Это неправда, – фыркнул герцог. – Ты и сейчас мне очень нравишься».

Турала позволила герцогу один поцелуй на прощание и выскользнула за дверь. Она продолжала думать о его словах. Будет ли герцог ее любить, когда узнает, что она толстеет потому, что носит его ребенка? Будет ли он ее любить так, что он захочется жениться на ней? Год продолжается, наступает месяц Восхода солнца.

Книга II:

Месяц Восхода Солнца

3, месяц Восхода солнца, год 2920-й

Последний год Первой эры

Остров Артейум, Саммерсет

Сота Сил наблюдал, как послушники один за другим доплывали до дерева оассом, срывали плод или цветок с его высоких ветвей прежде, чем упасть на землю с различной степенью изящества. Он улучил момент и одобрительно покачал головой, выражая восхищение днем. Побеленная статуя Сирабана, для которой, по слухам, великий маг сам позировал в незапамятные времена, высилась на краю утеса, словно обозревая бухту. Бледно-лиловые цветы проскато покачивались в такт мягкому ветерку. А внизу – океан и туманная граница между Артейумом и главным островом Саммерсет.

«В целом, приемлемо», – объявил он, когда последняя ученица бросила ему добытый плод. Взмах руки – и плоды с цветами вновь очутились на дереве. Еще один взмах – и ученики образовали около чародея полукруг. Он достал из-под своих белых одеяний небольшой волокнистый шар, около фута в диаметре.

«Что это?»

Ученики поняли это задание. Им предстояло применить чары определения на этом загадочном предмете. Каждый послушник приблизил взор и вообразил этот шар в стихии вселенской Истины.

Его энергия имела уникальные резонанс, как и у всех физических и духовных сущностей, отрицательную сторону, двойника, связанные пути, истинное значение, песнь в космосе, структуру ткани пространства, грань бытия, которая всегда существовала и будет существовать.

«Это шар», – сказал молодой норд по имени Веллег, что вызвало смехи у некоторых послушников помоложе, но большинство, и сам Сота Сил, нахмурились.

«Если уж ты дурак, то будь хотя бы забавным дураком, – проворчал чародей, а затем посмотрел на юную темноволосую альтмерскую девчушку, казавшуюся смущенной. – Лилата, а ты знаешь?»

«Это гром, – неуверенно предположила Лилата. – То, что дреуги меффуют, когда они испытывают к-к-кр-кревиназим».

«Карвиназим, но все равно очень неплохо, – похвалил Сота Сил. – А теперь скажи мне, что это значит?»

«Не знаю», – призналась Лилата. Остальные ученики тоже покачали головами.

«Есть несколько уровней понимания всего сущего, – сказал Сота Сил. – Простой человек смотрит на предмет и находит для него место в соответствии со своим образом мышления. Те, кто искушен в Старом пути, в пути Псиджиков, мистицизме, способны видеть предмет и определять его надлежащее предназначение. Но чтобы достичь понимания и отделить зерна от плевел требуется еще более глубокий уровень. Вы должны определить предмет по его роли и поистине в нем и истолковать его значение. В данном случае, этот предмет действительно называется гром. Он представляет собой субстанцию, образованную дреугами, подводной расой, обитающей в северной и западной частях континента. Один год в жизни они испытывают карвиназим, в это время они выбираются на сушу и ходят по ней. А потом они возвращаются в воду и меффуют, то есть переваривают кожу и органы, необходимые для жизни на суше. А

потом они выбрасывают все это, эта субстанция имеет форму шара. Гром. Выделения дреугов».

Ученики смотрели на шар, борясь с тошнотой. Сота Сил всегда любил этот урок.

4, месяц Восхода солнца, год 2920-й

Имперский Город, Сиродил

«Шпионы, – пробормотал император, сидя в ванной и уставившись на свои мозоли на ногах. – Все вокруг меня предатели и шпионы».

Его любовница Риджа мыла ему спину, обхватив ногами за талию. После стольких лет она знала, когда нужно быть просто чувственной, а когда страстной. Когда император пребывал в настроении, подобном нынешнему, требовалась успокоительная, умиротворяющая чувственность. И нельзя было сказать и слова, пока он сам не задаст прямого вопроса.

Что он и сделал: «Как тебе это нравится: какой-то олух наступает на ногу его императорскому величеству и бормочет: „Сожалю, ваше императорское величество“? Не думаешь ли ты, что „Простите меня, ваше императорское величество“ было бы более уместно? „Сожалю!“ – да это прозвучало почти так, словно этот аргонианский выродок сожалеет, что я его императорское величество. Будто надеется на наше поражение в войне с Морровиндом – вот как это прозвучало».

«Что бы вас утешило? – спросила Риджа. – Почему бы вам не приказать его высечь? Он всего лишь, как вы говорите, воевода Соулреста. Это научило бы его смотреть, куда ступает».

«Мой отец выпорол бы его. А мой дед убил бы, – проворчал император. – Мне же все равно: пусть хоть все ноги оттопчут, только бы уважали. И не плели против меня заговоров».

«Вам нужно кому-то доверять».

«Тебе одной, – император улыбнулся, слегка обернувшись, чтобы поцеловать Риджу. – И моему сыну Джуйлеку, хотя ему не помешало бы чуть больше осмотрительности».

«А вашему совету, а потентату?» – спросила Риджа.

«Шайка шпионов и гадюк», – засмеялся император, снова поцеловав служанку. Когда они предались любовным утехам, он прошептал: «Пока ты мне верна, я справлюсь с целым миром».

13, месяц Восхода солнца, год 2920-й

Морнхолд, Морровинд

Турала стояла перед черными, украшенными драгоценными камнями воротами. Ветер завывал вокруг, но она ничего не

чувствовала.

Герцог пришел в ярость, узнав, что его любовница забеременела, и прогнал ее с глаз долой. Она вновь и вновь пыталась встретиться с ним, но его стражи прогоняли ее. Наконец, она вернулась в семью и поведала им правду. Если бы только она солгала и сказала, будто не знает, кто отец ребенка! Солдат, бродячий актер – да кто угодно. Но она призналась, что отец – герцог, член Дома Индорил. И они поступили так, как и полагалось гордым членам Дома Редоран.

На ее руке был выжжен знак Изгнания – родной отец заклеил ее, проливая слезы. Но гораздо больше ее ранила жестокость герцога. Она смотрела то на ворота, то на обширные зимние равнины. Корявые, спящие деревья и небо без птиц. Никто теперь не возьмет ее во всем Морровинде. Нужно уходить отсюда подальше.

И она отправилась в свой путь – медленной, грустной поступью.

16, месяц Восхода солнца, год 2920-й

Сеншаль, Анеквина (в наши дни Эльсвейр)

«Что тебя беспокоит?» – спросила королева Хасаама, заметив кислую мину супруга. В конце Дней Влюбленных он пребывал в отличном настроении, танцевал на балу с гостями, но сегодня ушел необычно рано. Когда она его нашла, он лежал, свернувшись, в постели, насупленный.

«Этот проклятая песнь барда про Полидора и Элоизу, совершенно расстроила меня, – пожаловался он. – Зачем сочинять такие печальные песни?»

«Но разве она не правдива, мой дорогой? Разве они не были обречены в силу жестокой природы этого мира?»

«Да неважно, в чем правда – он испортил мне настроение своей мерзкой песней, и я не хочу, чтобы он делал это и впредь, – король

Дро-Зел соскочил с кровати. В глазах его были слезы. – Так откуда, говорят, он пришел?»

«Кажется, из Гильвердейла, что на самом востоке Валенвуда, – сказала королева, растерявшись. – Муж мой, что ты собираешься сделать?»

Дро-Зел выскочил из комнаты одним прыжком и побежал по ступеням вверх, в свою башню. Если бы королева Хасаама знала, что собирается сделать ее муж, то не пыталась бы его остановить. В последнее время его настроение сделалось переменчивым, он стал подвержен вспышкам гнева и даже припадкам. Однако она не представляла себе всей глубины его безумия, равно как и ненависти к этому барду и его песне о злобе и порочности смертных.

19, месяц Восхода солнца, год 2920-й

Гильвердейл, Валенвуд

«Послушай меня еще раз, – сказал старый плотник. – Если в третьем ящике лежит ничего не стоящая медь, то во втором ящике – золотой ключ. Если в первом ящике лежит золотой ключ, то в третьем ящике – медь. Если во втором ящике медь, то в первом ящике – золотой ключ».

«Я поняла, – сказал дама. – Вы мне объяснили. Итак, золотой ключ – в первом ящике, верно?»

«Нет, – ответил плотник. – Начнем сначала».

«Мама?» – позвал маленький мальчик, дергая мать за рукав.

«Потерпи минутку, дорогой. Мама разговаривает, – сказала она, поглощенная головоломкой. – Вы сказали, что в третьем ящике лежит золотой ключ, если во втором ящике – медь, верно?»

«Нет, – терпеливо возразил плотник. – В третьем ящике – медь, если во втором ящике...»

«Мама!» – закричал мальчик. Его мать, наконец, оглянулась.

Яркая красная дымка накатывала на город волной, поглощая дом за домом. А перед ней шагал краснокожий великан. Даэдра Молаг Бал. Он улыбался.

29, месяц Восхода солнца, год 2920-й

Гильвердейл, Валенвуд

Альмалексия остановила своего скакуна посреди огромного болота, чтобы дать ему напиться из реки. Тот не стал пить, будто отшатнулся от воды. Это показалось ей странным: они скакали от самого Морнхолда, и его наверняка мучила жажда. Она спешила и присоединилась к своей свите.

«Где мы сейчас?» – спросила она.

Одна из дам ткнула в карту: «Думаю, мы приближаемся к городу под названием Гильвердейл».

Альмалексия закрыла глаза, но тут же вновь открыла их. Видение было невыносимо ярким. На глазах у спутников, она подобрала осколки кирпича и обломки кости и прижала их к сердцу.

«Мы должны скакать в Артейум», – тихо приказала она.

Год продолжается, наступает месяц Первого зерна.

Книга III:

Месяц Первого зерна

15, месяц Первого зерна, год 2920-й

Кейр Сувио, Сиродил

С отличной позиции высоко в горах император Реман III все еще мог видеть шпили Имперского города, но он знал, что находится уже далеко от домашнего очага. Лорд Главиус обладал роскошной виллой, но все же недостаточной для того, чтобы целая армия нашла приют в ее стенах. Палатки располагались по холмам, и солдаты теснились толпой, чтобы насладиться знаменитыми горячими источниками. Немного чудно – ведь воздух еще был по-зимнему холодным.

«Ваш сын, принц Джуйлек, чувствует себя нехорошо».

Когда потентат Версидью-Шайе заговорил, император подпрыгнул от неожиданности. Как этот акавирец мог скользить по траве, не издавая ни звука, – императору было непонятно.

«Могу поспорить, что он отравлен, – проворчал Реман. – Проследите за тем, чтобы ему послали целителя. Я говорил ему, чтобы завел себе дегустатора, вроде того, что есть у меня, но этот мальчишка так своеволен. Кругом сплошные лазутчики, я ведь знаю».

«Я полагаю, что вы правы, ваше императорское величество, – сказал Версидью-Шайе. – Настали времена, когда предательство царит вокруг, и обязательно нужно не допустить победы Морровинда в войне, ни на поле битвы, ни другими коварными способами. Вот почему я крайне не советую вам вести авангард в

битву. Я понимаю, что таково ваше желание, так поступал и ваш знаменитый предок и тезка Реман I, Бразоллус Дор и Реман II, но я боюсь, что это будет безрассудным поступком. Надеюсь, вы не разгневаетесь на меня за прямоту».

«Нет, – кивнул Реман. – Я полагаю, что вы правы. Но кто в таком случае поведет авангард?»

«Я бы предложил принца Джуйлека, чувствуй он себя получше, – ответил акавирец. – Но так как это невозможно, то я предлагаю поставить Сторига из Фарруна во главе авангарда, королеву Нагею из Риверхолда – на левом фланге, а на правом – воеводу Улакта из Лилмота».

«Каджиты на левом фланге и аргониане на правом, – нахмурился император. – Никогда не доверял зверолюдям».

Потентат не обиделся. Он знал, что выражение «зверолюди» относится к исконно тамриэльским расам, но не к цаэски или акавирицам. «Я вполне согласен с вашим величеством, но и вы должны понимать, что они ненавидят данмеров. Улакт затаил на них злобу с тех пор, как начались эти набеги на его земли за рабами, инициатором которых был герцог Морнхолда», – возразил потентат.

Император признал, что это так, и потентат ушел. Странно, впрямые подумал Реман, но этот потентат вызывает доверие. Хорошо, что он на нашей стороне.

18, месяц Первого зерна, год 2920-й

Альд Эрфуд, Морровинд

«Как далеко находится имперская армия?» – спросил Вивек.

«В двух днях пути, – ответил его лейтенант. – Если мы будем идти всю ночь, то достигнем доминирующей позиции у Приай завтра с утра. Наша разведка докладывает, что император командует арьергардом, Сториг из Фарруна руководит авангардом, Нагея из Риверхолда на левом фланге, а на правом – воевода Улакт из Лилмота».

«Улакт, – прошептал Вивек, думая о чем-то. – Разведка надежна? Кто принес новость?»

«Бретонец – наш шпион в стане врага», – сказал лейтенант и показал рукой на моложавого человека с песочными волосами, который тут же вышел и поклонился Вивеку.

«Назови свое имя. Почему же ты, бретонец, помогаешь нам в войне против сиродильцев?» – спросил Вивек, улыбаясь.

«Мое имя – Кассир Уитни из Двиннена, – ответил человек. – Я работаю на вас потому, что не каждый сможет похвастаться, что шпионил для бога. И я еще полагаю, что это выгодное предприятие».

Вивек рассмеялся: «Так и есть, если, конечно, твои сведения верны».

19, месяц Первого зерна, год 2920-й

Бодрум, Морровинд

Тихое село Бодрум возвышалось над извилистой рекой Приай. Это было умиротворенное местечко, слегка заросшее деревцами там,

где вода образовывала изгиб вокруг крутого обрыва на востоке, на западе расстился прекрасный луг с дикими цветами. Странные растения Морровинда встречались здесь со странными растениями Сиродила, этот пейзаж был по истине потрясающим.

«Будет время поспать, как только закончишь!»

Солдаты слышали это уже все утро. Не хватало того, что они маршировали всю ночь, теперь они рубили деревья на обрыве, проклиная внезапный разлив реки. Многие из них находились в том состоянии, когда слишком устаешь, чтобы жаловаться.

«Я должен удостовериться, что все правильно понял, милорд, – произнес лейтенант Вивек. – Мы займем обрыв, и будем атаковать их стрелами и заклинаниями. Вот почему нужно, чтобы деревья были расчищены. Плотины на реке необходима для того, чтобы они шли по грязи, и это замедлит их продвижение».

«Это ровно половина плана, – одобительно произнес Вивек. Он схватил за плечо одного из солдат, который руководил перетаскиванием деревьев. – погоди, мне нужно, чтобы вы взяли самые большие ветви деревьев и сделали из них копья. Возьми в подчинение сотню солдат, если понадобится – бери остальных, тогда за несколько часов вы должны справиться».

Солдат побежал выполнять приказ немедленно. Мужчины и женщины приступили к работе, обтачивая ветви.

«Милорд, – замялся лейтенант, – я думаю, солдатам больше не нужно оружия. Они измождены работой настолько, что даже не могут нести свое собственное».

«Эти копья не для солдат, – заметил Вивек и прошептал. – Чем больше они устанут, тем больше у них шансов хорошо выспаться сегодня ночью». После чего он отправился наблюдать за работой солдат.

Необходимо, чтобы копья были острыми, но еще важнее – чтобы они были правильно обточены и сбалансированы. Идеальная форма острия – пирамидальная, а не коническая. Поэтому он заставлял солдат бросать изготовленные копья, чтобы проверить их

балансировку, остроту и прочность. Если копье ломалось, то солдату приходилось делать новое. Довольно быстро, несмотря на всеобщую усталость, они научились делать безупречные деревянные копья. Как только они закончили, он поведал им план дальнейших действий.

В эту ночь не было ни прощальных попоек перед боем, ни нервных молодых солдат, боящихся завтрашней битвы. На восходе солнца все спали так крепко, как только могли, за исключением, конечно, часовых.

20, месяц Первого зерна, год 2920-й

Бодрум, Морровинд

Мирамор был истощен. Последние шесть дней он играл в кости и распутничал по ночам, а днем маршировал. Он хотел, чтобы битва поскорее началась – по крайней мере, после нее можно будет передохнуть. Он находился в арьергарде, под командованием императора, что было просто отлично, так как давало шанс выжить в бою. С другой стороны, приходилось тащиться среди грязи и отбросов, которые армия оставляла за собой.

Пересекая цветущее поле, Мирамор и его соратники начали вязнуть в холодной грязи. Было трудно просто идти вперед, о быстром передвижении не могло быть и речи. Далеко впереди он видел авангард, ведомый лордом Сторигом, выходящий к подножью обрыва.

Вот тогда-то все и началось.

На вершине обрыва появилась армия данмеров, возникшая, казалось, ниоткуда, как даэдра, и обрушила огонь и тысячи стрел на авангард имперцев. Внезапно группа всадников с флагом герцога Морнхолда проскакала по берегу реки и скрылась в роще на

востоке за речной отмелью. Воевода Улакт, оказавшийся неподалеку, зарычал, требуя отмщения, и устремился в погоню. Королева Нагея направила свое войско через брод, чтобы перехватить армию, стоящую на обрыве.

Император ничего не мог поделаться. Его отряды слишком увязли в грязи, чтобы стремительно прорваться к месту событий. Он приказал развернуться к лесу, чтобы отразить возможную атаку людей герцога Морнхолда из засады. Они так и не появились, а большая часть императорских войск так и простояла лицом к лесу всю битву, попросту потеряв время. Взгляд Мирамора был прикован к обрыву.

Высокий данмер, предположительно Вивек, подал знак, и боевые маги данмерского войска обрушили свои заклинания на что-то, находившееся на западе. Из того, что произошло потом, Мирамор заключил, что это была дамба. Огромный водный вал вырвался на волю, смешав авангард и левый фланг Нагеи, и унес их всех вниз по течению, к востоку.

Император промешкал, как будто ожидал, что исчезнувшая армия вдруг вернется, и отдал приказ об отступлении. Мирамору пришлось прятаться в тростниках, пока они не ушли, и тогда он тихо перебрался на сторону обрыва.

Армия Морровинда тоже отступала к лагерю. Он мог ясно слышать их восторженные голоса, пока пробирался вдоль берега. К востоку он увидел имперскую армию. Огромный поток воды, хлынувший из разрушенной дамбы, смыл имперскую армию. Левый фланг Нагеи, авангард Сторига и правый фланг Улагта – они все попали в западню из расставленных поперек реки копей. Сотни тел солдат, развешенные на копьях, как бусы.

Мирамор собрал с тел все ценное, что мог найти, и пошел вниз по реке. Ему пришлось пройти несколько миль, пока вода не стала снова прозрачной, не загрязненной кровью.

29, месяц Первого зерна, год 2920-й

Хегат, Хаммерфелл

«Вам письмо из Имперского города», – сказала главная жрица, передавая пергамент Корде. Все молодые жрицы улыбались. Они делали вид, что удивлены, но правда состояла в том, что сестра Корды, Риджа, писала очень часто, по крайней мере, раз в месяц.

Корда вышла с письмом в сад, любимое ее место, оазис посреди одноцветно-песочного мира консерваториума. Письмо само по себе не содержало ничего необычного: дворцовые сплетни, сведения о последней моде на темно-виноградного цвета бархат, и рассказы об усиливающейся паранойе императора.

«Тебе так повезло, что ты находишься вдали от всего этого, – писала Риджа. – Император приписал свои последние неудачи на поле брани работе шпионов при дворе. Он даже меня допрашивал. Сохрани тебя Руптга от такой жизни, как у меня».

Корда прислушалась к шуму пустыни и попросила у Руптги как раз обратного.

Год продолжается, наступает месяц Руки дождя.

Книга IV:

Месяц Руки Дождя

3, месяц Руки дождя, год 2920-й

Холодная Гавань, Обливион

Сота Сил шел так быстро, как только мог по почерневшим залам дворца, наполовину заполненным солоноватой водой. Повсюду вокруг него, мерзкие студенистые существа сновали в тростниках, вспышки белого огня освещали верхние своды зала, прежде чем исчезнуть. Запахи, нахлынувшие на него, постоянно менялись: сначала он почувствовал вонь гнили и смерти, но через мгновение зал наполнился ароматом цветов. Несколько раз Сота посещал принцев даэдра в Обливионе, но он никогда не мог предугадать, что его ожидает.

Он знал свою цель, и ничто не могло отвлечь его.

Восемь наиболее выдающихся принцев даэдра ожидали его в наполовину растаявшей, куполообразной комнате. Азура, Принц Рассвета и Заката; Боэтия, Принц Интриг, Херма-Мора, Даэдра Знания; Хирсин, Охотник; Малакат, Бог Проклятий; Мерунес Дагон, Принц Разрушения; Молаг Бал, Принц Гнева; Шеогорат, Безумный.

Сверху небо отбрасывало измученные тени на их собрание.

5, месяц Руки дождя, год 2920-й

Остров Артейум, Саммерсет

Голос Сота Сила прозвучал из пещеры: «Сдвиньте камень!»

Ему немедленно подчинились, откатывая огромный валун, закрывающий вход в Пещеру Грез. Сота Сил вошел, его усталое лицо было измазано пеплом. Ему казалось, что он отсутствовал месяцы, годы, но прошло только несколько дней. Лилата взяла его за руку, чтобы помочь ему идти, но он отказался от ее помощи, с доброй улыбкой покачивая головой.

«У вас... получилось?» – спросила она.

«Принцы даэдра, с которыми я говорил, согласились на наши условия, – сказал он. – Бедствия, подобные тем, что выпали Гильвердейлу, должны быть предотвращены. Только через некоторых посредников вроде ведьм или колдунов они ответят на воззвания людей и меров».

«А что вы пообещали им взамен?» – спросил Веллег, мальчик-норд.

«Сделки, которые мы заключаем с даэдра, – сказал Сота Сил, направляясь ко дворцу Яхезиса, чтобы встретиться с главой ордена псиджиков. – Не должны обсуждаться с невинными».

8, месяц Руки дождя, год 2920-й

Имперский Город, Сиродил

Гроза врывалась в окна спальни принца, принося запах влажного воздуха, который смешивался с ароматами ладана и трав от курильниц.

«Прибыло письмо от императрицы, вашей матери, – сказал курьер. – Она с тревогой расспрашивает о вашем здоровье».

«До чего же у меня беспокойные родители!» – засмеялся принц Джуйлек.

«Матери всегда беспокоятся за своих детей», – промолвил Савириен-Чорак, сын потентата.

«В моей семье все необычно, акавирец. Моя мать-изгнанница боится, что отец подумает, будто я – предатель, рвущийся к власти, и отравит меня, – принц в раздражении откинулся на подушки. – Император настаивает, чтобы у меня был дегустатор, как и у него».

«Повсюду интриги, – согласился акавирец. – Вы пролежали в постели почти три недели, и все лекари Империи ухаживали за вами. По крайней мере, все видят, что вы поправляетесь».

«Я надеюсь, достаточно поправлюсь, чтобы вскоре возглавить армию в походе против Морровинда», – сказал Джуйлек.

11, месяц Руки дождя, год 2920-й

Остров Артейум, Саммерсет

Посвященные стояли в ряд вдоль деревянной лоджии, наблюдая как длинный, глубокий, отделанный мрамором ров перед ними вспыхнул огнем. Воздух над ним колыхался жаркими волнами. Хотя каждый держал себя в руках, на их лицах не было и следа эмоций, как и должно быть у истинных псиджиков, их ужас был почти так же осязаем, как и жара. Сота Сил закрыл глаза и произнес чары сопротивляемости огню. Медленно, он перешел через ров, наполненный пламенем, и вскарабкался на другую сторону, невредимый. Даже его белые одежды не были обожжены.

«Чары усиливаются энергией, которая зависит от ваших умений, так же происходит и со всеми остальными заклинаниями, – сказал он. – Все зависит от вашего воображения и вашей воли. Вам не нужны заклинания сопротивляемости воздуху, или цветам, и после того, как вы произнесли его, вы должны забыть о том, что вам вообще нужно заклинание, чтобы огонь не причинил вам вреда. Но не думайте: сопротивляемость не значит отрицание самой сущности огня. Вы почувствуете пламя, его природу, его голод, и даже его жар, но будете знать, что оно не может вам повредить». Ученики один за другим произносили заклинание и проходили сквозь огонь. Некоторые даже брали пламя в руки и давали ему воздуха, и оно увеличивалось как пузырь, а потом стекало по их пальцам. Сота Сил улыбнулся. Они побеждали свой страх.

Главный поверенный Таргаллит выбежал из арки: «Сота Сил! Альмалексия прибыла на Артейум. Яхезис послал меня за вами».

Сота Сил повернулся к Таргаллиту только на мгновение, но немедленно понял, что случилось, услышав крики. Норд Веллег неправильно прочел заклинание и загорелся. Запах паленой плоти напугал остальных учеников, которые старались выбраться из рва,

и тащили его с собой, но склон был слишком крутым, чтобы вылезти. Взмахом руки Сота Сил погасил пламя.

Веллег и несколько других учеников были обожжены, но не слишком сильно. Чародей прочитал исцеляющее заклинание, прежде чем повернуться к Таргаллиту.

«Я скоро приду, а пока у Альмалексии будет время привести себя в порядок после дороги, – Сота Сил повернулся к ученикам и ровным голосом сказал. – Страх не разбивает заклинание, но сомнения и неловкость – величайшие враги любого волшебника. Господин Веллег, упакуйте свои вещи. Я договорюсь, чтобы вас отвезли на материк завтра утром».

Чародей встретил Альмалексию и Яхезиса в кабинете, они пили горячий чай и смеялись. Она выглядела еще красивее, чем тот образ, который остался в его воспоминаниях, хотя никогда прежде Сота не видел ее такой растрепанной: завернувшись в одеяло, она сушила свои длинные черные локоны перед огнем. Когда Сота Сил подошел, она вскочила на ноги и обняла его.

«Ты проплыла весь путь от Морровинда?» – улыбнулся он.

«В Скайвотче и на всем побережье идет ужасный ливень», – объяснила она, улыбнувшись в ответ.

«Всего пол-лиги пути, и дождя как будто никогда и не было, – гордо заявил Яхезис. – Конечно, я порой скучаю по Саммерсету, и даже по материку. Все же я восхищаюсь теми, кто добивается успеха в своем деле, особенно, если они живут там. Слишком много отвлекающего. Кстати об отвлекающем, мне все время говорят о войне...»

«Вы имеете в виду ту, которая заливает кровью континент уже последние восемьдесят лет, учитель?» – спросил Сота Сил с усмешкой.

«Полагаю, именно о ней я и говорил, – сказал Яхезис, пожав плечами. – Как идет война?»

«Мы проиграем ее, если я не смогу убедить Сота Сила покинуть Артейум, – сказала Альмалексия, сбрасывая улыбку. Она хотела

подождать и поговорить со своим другом наедине, но старик альтмер подтолкнул ее к началу разговора. – У меня были видения, я знаю, что так и случится».

Сота Сил помолчал немного, и посмотрел на Яхезиса: «Я должен вернуться в Морровинд».

«Если уж ты должен что-то сделать, ты так и сделаешь, – вздохнул старый учитель. – Псиджики не должны отвлекаться. Бушуют войны, империи появляются и исчезают. Ты должен идти, и мы тоже».

«О чем вы, Яхезис? Вы покидаете остров?»

«Нет, остров покидает море, – проговорил Яхезис с мечтательными интонациями. – Через несколько лет, туманы нахлынут на Артейум, и мы исчезнем. Мы по природе советники, а в Тамриэле много советников. Мы уйдем, и вернемся, когда снова понадобится земле, быть может, в следующей эре».

Старый альтмер с трудом поднялся на ноги и допил чай, прежде чем оставил Сота Сила и Альмалексию одних: «Не пропусти последний корабль».

Год продолжается, наступает месяц Второго зерна.

Книга V:

Месяц Второго зерна

10, месяц Второго зерна, год 2920-й

Имперский Город, Сиродил

«Ваше императорское величество, – начал потентат Версидью-Шайе, открывая дверь в свою комнату с улыбкой на устах. – Я Вас в последнее время не видел. Я полагал, что вы... вероятно, занемогли вместе с прекрасной Риджей».

«Она принимает грязевые ванны в Мир Коррупе», – с тоской ответил император Реман III.

«Пожалуйста, входите».

«Я уже дошел до того, что могу доверять только трем людям на свете: тебе, моему сыну и Ридже, – с раздражением заметил император. – Весь мой совет – это шайка шпионов».

«Что привело вас сюда?» – спросил потентат Версидью-Шайе с сочувствием, задерживая плотные шторы в своих покоях. Все звуки, доносившиеся снаружи, немедленно исчезли: и шаги по мраморному полу, и пение птиц в садах.

«Мне удалось узнать, что печально известная отравительница, женщина из племени Орма Чернотопья по имени Катчика была вместе с армией в Кэйр Сувио, где мы разместили лагерь, когда мой сын был отравлен, до битвы при Бодруме. Я абсолютно уверен, что она собиралась убить меня, но, вероятно, ей не представилась возможность, – император был вне себя. – А совет требует доказательств ее участия в этом деле, до того, как мы вынесем приговор».

«Не удивительно, что они требуют доказательств, – задумчиво произнес потентат. – Особенно, если кто-то из них замешан. У меня есть одна идея, ваше императорское величество».

«Да? – нетерпеливо прервал его Реман. – Говори!»

«Скажите Совету, что Вы закрываете это дело, и я вышлю гвардейца, чтобы он нашел Катчику и проследил за ней. Так мы сможем понять, кто ее союзники, и быть может, осознаем истинные масштабы заговора против вашего величества».

«Да, – произнес Реман, его лицо выражало удовлетворение. – Таков и будет общий план. Этот метод поможет нам вычислить настоящего заговорщика».

«Несомненно, ваше императорское величество», – улыбнулся потентат, раздвигая шторы, чтобы император мог выйти. В холле снаружи оказался сын Версидью-Шайе, Савириен-Чорак. Парень поклонился императору, перед тем, как войти в покои отца.

«У тебя неприятности, отец? – прошептал акавирец. – Я слышал, что императору стало известно про эту, забыл, как зовут, отравительницу».

«Величие ораторского искусства, мальчик мой, – сказал Версидью-Шайе сыну, – состоит в том, чтобы говорить людям то, что они хотят слышать, и тогда они будут поступать так, как ты этого хочешь. Отнеси письмо Катчике и доведи до ее сведения, что если она в точности не последует указаниям, она будет рисковать своей жизнью значительно больше, чем мы».

13, месяц Второго зерна, год 2920-й

Мир Корруп, Сиродил

Риджа опустилась в горячий, пузырящийся источник, чувствуя, как покалывает кожу, как будто ее касаются тысячи маленьких угольков.

Каменный уступ над головой укрывал ее от моросящего дождя, но солнечный свет, падающий под углом, свободно проникал через ветви и листья деревьев. Это был один из самых приятных моментов ее жизни, и когда она закончила, она точно знала, что ее красота полностью восстановится. Все, что ей было нужно – несколько глотков воды. Вода из купальни, хотя и пахла превосходно, но на вкус отдавала мелом.

«Воды! – закричала она своим слугам. – Воды, пожалуйста!»

Мрачная женщина с повязкой на глазах подбежала к ней и протянула бурдюк с водой. Риджа чуть не расхохоталась от осознания ханжества этой женщины – сама она нисколько не стеснялась своей наготы – но потом заметила через щель в повязке, что у женщины вовсе нет глаз. Она, должно быть, была похожа на жителей племени Орма, о котором Ридже рассказывали, но сама она никогда их не видела. Рожденные без глаз, они превосходили прочих остротой других своих чувств. Она подумала, что повелитель Мир Коррупа держит при себе очень экзотических слуг. Но через минуту женщина уже скрылась из виду и была забыта. Риджа обнаружила, что ей очень сложно сконцентрировать свое внимание на чем-либо, кроме воды и солнца. Она вскрыла пробку, но почуяла, что жидкость внутри имеет очень странный металлический запах. Внезапно, она почувствовала, что рядом с ней стоит еще кто-то.

«Леди Риджа, – сказал капитан Имперской гвардии. – Я вижу, вы уже познакомились с Катчикой?»

«Никогда о ней раньше не слышала, – пробормотала Риджа, еще до того, как начала возмущаться. – Что вы делаете здесь? Мое тело не предназначено, чтобы его пожирали таким жадным взглядом».

«Никогда не слышали о ней, но мы видели вас не одну минуту с ней наедине, – произнес капитан, поднимая бурдюк, и нюхая содержимое. – Она принесла вам белесый ихор, не так ли? Чтобы отравить императора?»

«Капитан, – сказал подбежавший гвардеец. – Мы не смогли найти аргонианку. Она как будто растворилась в лесу».

«Да, это им неплохо удастся, – заметил капитан. – Но это уже неважно. Мы узнали, с кем она связана при дворе. Его императорское величество будет доволен. Взять ее».

Когда стражники поволокли извивающуюся голую женщину из бассейна, она закричала: «Я невиновна! Я не знаю о чем вы, я ничего не сделала! Император отрубит вам головы!»

«Да, наверное, – улыбнулся капитан. – Но только в том случае, если он вам поверит».

21, месяц Второго зерна, год 2920-й

Гидеон, Чернотопье

Таверна «Свинья и стервятник» была одним из тех удаленных местечек, которые Зуук предпочитал для деловых встреч. Кроме него и его компаньона, в таверне были только несколько старых морских волков в темной комнате, они уже почти отключились от избытка алкоголя и не обращали ни на что внимания. Ощущение грязи и запущенности не покидало это помещение. Облака пыли повисли в воздухе, неподвижно выделяемые солнечными лучами.

«Вы опытный боец? – спросил Зуук. – За выполнение задания ты получишь хорошую награду, но риск также высок».

«Конечно, у меня есть боевой опыт, – надменно ответил Мирамор. – Я дрался в битве при Бодруме всего два месяца назад. Если вы сделаете все как надо, и император поедет через Перевал Дожда в назначенный день и при минимальном эскорте, я все устрою. Только нужно быть уверенным, что он не маскируется ни под кого. Я не собираюсь убивать всех караванщиков в округе просто на тот случай, что один из них окажется императором Реманом».

Зуук улыбнулся, и Мирамор увидел отражение самого себя в широком лице котринги. Ему понравилось, как он выглядит: высококвалифицированный, уверенный в себе профессионал.

«Пойдет, – коротко сказал Зуук. – И тогда ты получишь остальное золото».

Зуук поставил большую шкатулку на стол. И встал.

«Подожди несколько минут перед выходом, – произнес он. – Я не хочу, чтобы ты следовал за мной. Твои наниматели хотят сохранить анонимность на тот случай, если ты попадешься, и тебя станут пытаться».

«Прекрасно», – сказал Мирамор, заказывая еще грога.

Зуук проскакал по искривленным и узеньким улочкам Гидеона, и был рад выбраться за город. Главная дорога в замок Джиовез была заполнена народом, как и всегда весной, но Зуук знал, как срезать путь по холмам. Быстро проскакав под деревьями, с веток которых свисал мох и, миновав предательски скользкие камни, он прибыл в

замок всего через два часа. Не теряя времени, он взлетел по ступенькам в комнату Тавии, на самый верх высокой башни.

«Ну, так что ты думаешь о нем?» – спросила императрица.

«Он дурак, – ответил Зуук. – Но для этого поручения он как раз подойдет».

30, месяц Второго зерна, год 2920-й

Крепость Тюрзо, Сиродил

Риджа все кричала. В ее камере никого не было – только тяжелые каменные глыбы, поросшие мхом, но еще крепкие. Стража снаружи была глуха к ее мольбам, как глуха она бывает ко всем заключенным. Император, находившийся за много миль в Имперском городе, был тоже глух к ее заверениям в собственной невинности.

Но она все равно кричала, хотя и знала, что ее никто не услышит.

31, месяц Второго зерна, год 2920-й

Перевал Кавас Рим, Сиродил

Уже прошло много дней, если не недель, с тех пор, как Турала видела лицо человека – сиродильца или же данмера. Пока она шла по дороге, она размышляла – как странно, что такое необжитое место, как Сиродил, стало самым сердцем Империи – Имперской Провинцией. Даже леса босмеров в Валенвуде были более населены, чем леса в сердце материка.

Она пыталась вспомнить. Было ли это месяц назад или даже два, когда она пересекла границу Морровинда и вошла в Сиродил? Тогда

было очень холодно, холоднее, чем сейчас, но больше она ничего не помнила и не чувствовала ход времени. Стражи на границе были бесцеремонны, но когда при ней не нашли оружия, они согласились ее отпустить. С тех пор, она встречала несколько караванов, даже несколько раз ужинала со странниками на их привалах, но не встретила никого, кто мог бы довезти ее до города.

Турала сняла шаль, а потом закуталась поплотнее. В какой-то момент ей показалось, что кто-то стоит позади нее, она обернулась. Никого. Только какая-то птица сидела на ветке, производя звуки, напоминающие смех.

Она прошла еще немного, потом остановилась. Что-то происходило. Ребенок в ее животе вел себя беспокойно уже несколько дней, но этот спазм чем-то отличался от предыдущих. Со стоном она повалилась на край дороги, сжавшись на траве бесформенным комком. Она чувствовала, что скоро наступят роды.

Она лежала на спине и тужилась, но почти ничего не видела из-за слез боли и обиды. Как дошла она до этого? Она рожает здесь, в глуши, беспомощная, рождает ребенка, отцом которого является герцог Морнхолда? Ее крик боли и ярости согнал птиц с окрестных деревьев. Птица, которая смеялась на ветке, слетела на дорогу. Она моргнула, и птица пропала. На ее месте стоял обнаженный эльф, не такой темный, как данмер, но и не такой светлый, как альтмер. Она поняла, что это – айлейд, дикий эльф. Турала закричала, но он держал ее крепко. После нескольких минут борьбы она почувствовала облегчение и потеряла сознание.

Когда она проснулась, первое, что она услышала, был крик ребенка. Он оказался вымыт и лежал рядом с ней. Турала подняла новорожденную девочку, и в первый раз за этот год слезы радости побежали по ее лицу.

Она подняла глаза к деревьям и прошептала: «Спасибо». Турала взяла ребенка на руки и побрела по дороге на запад.

Год продолжается, наступает месяц Середины года.

Книга VI:

Месяц Середины года

2, месяц Середины года, год 2920-й

Балмора, Морровинд

«Императорская армия собралась на юге, – сказал Кассир. – Они на расстоянии двухнедельного перехода до Альд Ювала и озера Коронати. Они хорошо вооружены».

Вивек кивнул. У Альд Ювал есть город побратим на другой стороне озера Альд Малак. Эти два города были очень важными стратегическими крепостями. Он ожидал, что враг двинется на них. Его капитан развернул карту юго-западного Морровинда и придержал ее рукой, заслоняя от порыва легкого летнего ветерка, ворвавшегося в открытое окно.

«Хорошо вооружены, говоришь?» – спросил капитан.

«Да, сэр, – сказал Кассир. – Они разбили лагерь рядом с Бетал Греем в Хартленде, на имперцах были надеты эбонитовые доспехи, двумерская броня и доспехи даэдра, у них отличное вооружение, также я увидел осадные орудия».

«А маги и корабли?» – спросил Вивек.

«Целая орда боевых магов, – ответил Кассир. – Но кораблей нет».

«Раз они так тяжело вооружены, то им потребуется примерно две недели, как ты и сказал, чтобы добраться от Бетал Грея до озера Коронати, – Вивек внимательно изучал карту. – Они утонут в болотах, если попытаются обойти Альд Марак с севера, поэтому они планируют пройти по проливу вот здесь и захватить Альд Ювал.

Потом они обогнут озеро с восточной стороны и атакуют Альд Марак с юга».

«Они будут уязвимы в проливе, – сказал капитан. – Особенно если мы ударим, когда они пройдут уже больше половины пути и не смогут отступить в Средиземье».

«Данные разведки еще раз помогли нам, – сказал Вивек, улыбаясь Кассиру. – Мы снова отобьем нашествие имперских агрессоров».

3, месяц Середины года, год 2920-й

Бетал Грей, Сиродил

«После победы назад вы пойдете тем же путем?» – спросил лорд Бетал.

Принц Джуйлек не обратил на него внимания. Он наблюдал за сворачиванием лагеря. Сегодня утром в лесу было прохладно, но облаков не было. Все признаки того, что переход будет очень трудным, особенно в таких тяжелых доспехах.

«Если мы вернемся быстро, это будет значить, что мы проиграли», – сказал принц. Он видел, как потентат Версидью-Шайе расплачивается за деревенскую еду, вино и девушек. Армия требовала много денег.

«Мой принц, – сказал лорд Бетал. – Ваша армия собирается двигаться на восток? Это выведет вас прямо к берегам озера Коронати. Чтобы попасть к проливу, вы должны пойти на юго-восток».

«Побеспокойтесь о том, чтобы с торговцами честно расплатились, – ухмыльнулся принц. – Предоставьте мне беспокоиться о том, куда идет моя армия».

16, месяц Середины Года, год 2920-й

Озеро Коронати, Морровинд

Вивек смотрел на голубую поверхность озера, видя в ней свое отражение и отражение своей армии. Но он не видел отражения императорской армии. Они уже должны были бы добраться до пролива, пройдя через густые леса. Высокие деревья на озере загораживали ему вид на пролив, но армия, да и даже один отряд в тяжелых доспехах, не может двигаться тихо и незаметно.

«Дай мне еще раз взглянуть на карту, – сказал он своему капитану. – Неужели они больше нигде не могут пройти?»

«У нас посты по болотам на случай, если у них хватит глупости сунуться туда и утонуть, – сказал капитан. – Мы бы узнали об этом. Через озеро можно перейти только по проливу или болотам».

Вивек снова посмотрел на свое отражение. Оно смеялось над ним. Затем он снова посмотрел на карту.

«Шпион, – позвал Вивек Кассира. – Когда ты сказал, что с ними орда боевых магов, почему ты был уверен, что это именно боевые маги?»

«На них были серые одежды с таинственными знаками, – объяснил Кассир. – Я подумал, что это маги, а зачем еще такой ораве путешествовать с армией? Не могли же они все быть лекарями».

«Ты идиот! – заорал Вивек. – Это же мистики из школы изменения. Они произнесли заклинание, которое позволяет дышать под водой!»

Вивек побежал к обзорному пункту, где он мог осмотреть все происходящее на севере. На другой стороне озера, хоть и тенью на горизонте, но можно было различить огни сражения, идущего в Альд Мараке. Вивек взревел от гнева, и его капитану пришлось немедленно приказать армии обогнуть озеро и направляться к крепости.

«Возвращайся в Двиннен, – сказал Вивек Кассиру, прежде чем отправиться на битву, – твои услуги уже не будут меня интересовать».

Когда армия Морровинда подошла к Альд Мараку, было уже слишком поздно. Город был занят императорской армией.

19, месяц Середины года, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

Потентат въехал в Имперский Город под звук труб, люди на улицах приветствовали его как символ взятия Альд Марака. По правде говоря, собралась бы гораздо большая толпа, если бы приехал принц, и Версидью-Шайе знал это. Но все равно было очень приятно. Никогда еще раньше жители Тамриэля не приветствовали акавирца при въезде в город.

Император Реман III тепло приветствовал его, а затем углубился в чтение письма, которое он привез от принца.

«Я не понимаю, – сказал император, все еще радуясь, но смущенно. – Вы прошли под озером?»

«Альд Марак – очень хорошо защищенная крепость, – объяснил потентат. – Армия Морровинда осознала, что совершила тактическую ошибку. Чтобы захватить эту крепость, мы должны были атаковать внезапно и при этом быть одетыми в самую прочную броню. Наложив на армию заклинание, которое позволяет дышать под водой, мы смогли передвигаться гораздо быстрее, чем думал Вивек. Под водой вес доспехов уменьшается. Мы напали со стороны озера, с запада, именно там крепость защищена хуже всего».

«Великолепно! – воскликнул император. – Ты гениальный тактик, Версидью-Шайе! Если бы твои отцы были такими же, как ты, Тамриэль был бы провинцией акавирцев!»

Потентат не хотел, чтобы его хвалили за план, который на самом деле придумал принц Джуйлек, но во время речи императора, когда он упомянул о неудачной попытке вторжения, которая состоялась двести шестьдесят лет назад, он передумал. Он скромно улыбался и принимал благодарности.

21, месяц Середины года, год 2920-й

Альд Марак, Морровинд

Савириен-Чорак подошел к стене и смотрел в бойницу на то, как армия Морровинда подходит к лесам, которые находились между болотами и крепостью. Сейчас был идеальный момент для атаки. Можно было сжечь леса, а вместе с ними и всю армию. Если захватить Вивека, может быть, враг без боя сдаст и Альд Ювал. Он сказал об этом принцу.

«Кажется, ты забываешь, – рассмеялся принц Джуйлек. – Я дал свое слово, что никто из армии противника не пострадает во время переговоров. Неужели вы, акавиры, забываете о чести во время ведения войны?»

«Мой принц, я родился в Тамриэле и никогда не был у себя на родине, – ответил змеечеловек. – Но все равно, мне вас не понять. Вы не ждали от меня пощады, когда мы сражались на Арене пять месяцев назад, и я вас не щадил».

«Ну, это была игра», – ответил принц, прежде чем кивнуть слуге, чтобы он пропустил военачальника данмеров.

Джуйлек никогда не видел Вивека, но слышал, что это бог во плоти. Однако перед ним появился обычный человек. Красивый, сильный, с умным лицом, но все же человек. Принц был доволен, с человеком он мог разговаривать, а с богом – вряд ли.

«Приветствую тебя, мой достойный противник, – сказал Вивек. – Похоже, мы зашли в тупик».

«Не обязательно, – сказал принц. – Вы не хотите отдавать нам Морровинд, и я не могу винить вас за это. Но побережье должно быть моим, чтобы защитить Империю от нападения с моря. Также нам нужны несколько ключевых пограничных крепостей, таких как эта, а также Альд Умбейл, Тель Арун, Альд Ламбази и Тель Мотривра».

«А что взамен?» – спросил Вивек.

«Взамен? – рассмеялся Савириен-Чорак. – Вы забываете, что мы победители, а не вы».

«Взамен, – спокойно сказал принц Джуйлек. – Империя никогда не будет нападать на Морровинд, если только и вы в свою очередь не будете нападать на Империю. От постороннего вторжения вас будет защищать императорский флот. Вы можете расширить свои владения, присоединив часть Чернотопья, если только на них не распространяются интересы Империи».

«Разумное предложение, – сказал Вивек после небольшого раздумья. – Прошу меня простить, я не привык, когда сиродильцы

предлагают что-то взамен того, что они берут. Можно мне подумать несколько дней?»

«Встретимся через неделю, – сказал принц, улыбаясь. – А пока, если вы на нас не нападете, будем жить в мире».

Вивек покинул принца с ощущением того, что Альмалексия была права. Война заканчивалась. Принц будет замечательным императором.

Год продолжается, наступает месяц Высокого солнца.

Книга VII:

Месяц Высокого солнца

4, месяц Высокого солнца, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

Император Реман III и его потентат Версидью-Шайе совершали прогулку в Имперских Кущах. Северные сады, украшенные изваяниями и фонтанами, нравятся императору, потому что они – прохладнейшее укрытие в городе посреди летнего зноя. Незатейливые, выстроенные ярусами клумбы с серо-голубыми цветами и зеленью окружали их со всех сторон.

«Вивек принял условия мира от принца, – сказал Реман. – Мой сын возвратится, не минет и двух недель».

«Превосходная весть, – осторожно заметил потентат. – Надеюсь, данмеры будут чтить условия. Мы могли бы попросить и большего. Крепость у Черных Врат, к примеру. Но, полагаю, принц знает, что разумно. Он не станет вредить Империи всего лишь ради мира».

«Намедни я думал о Ридже и о том, что побудило ее участвовать в заговоре против меня, – сказал император, остановившись, чтобы полюбоваться статуей Королевы Рабов Алессии, а затем продолжил. – И единственная причина, которая приходит мне на ум, в том, что она тоже чрезмерно обожала моего сына. Она могла любить меня за власть и силу, но все же он юн, красив и когда-нибудь наследует мой трон. Должно быть, она решила, что когда смерть настигнет меня, ей достанется император, обладающий и властью, и молодостью».

«Принц... был ли он вовлечен в этот заговор?» – спросил Версидью-Шайе. Непросто было играть в эту игру, ибо никто не знал, кто падет следующей жертвой мнительности императора.

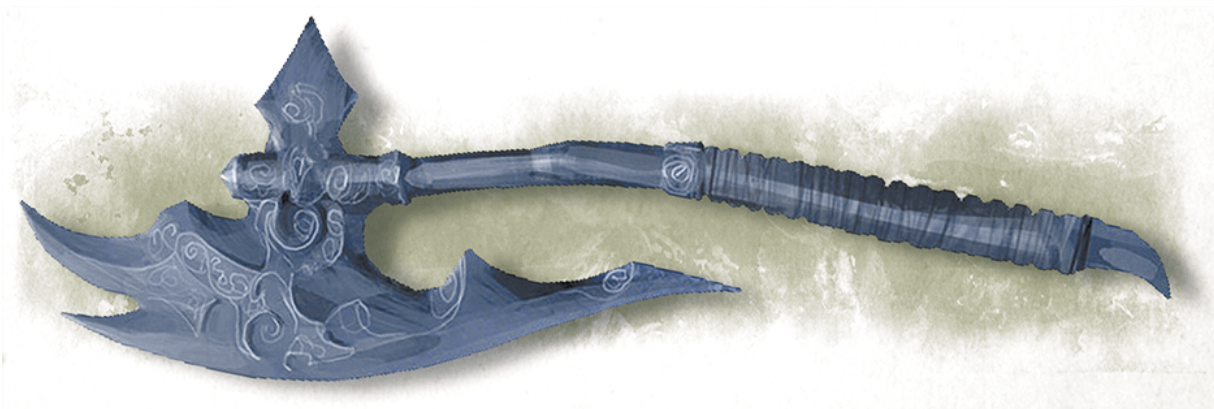
«О нет, не думаю, – молвил Реман с улыбкой. – Нет, его сыновняя любовь весьма крепка».

«А известно ли вам, что Корда, сестра Раджи, состоит послушницей в консерваториуме Морвы, что в Хегате?» – спросил потентат.

«Морва? – озадачился император. – Я забыл, а что это за божество?»

«Страстная богиня плодородия йокуданцев, – ответил потентат. – Но не чересчур страстная, в отличие от Дибеллы. Скромна, но, безусловно, чувственна».

«Я устал от страстных женщин. И императрица, и Риджа – все они слишком страстны, а жаждущие любви потом жаждут власти, – император пожал плечами. – Но жрица-послушница, которой не чужды плотские влечения, – это мне по сердцу. А что ты говорил о Черных Вратах?»

6, месяц Высокого солнца, год 2920-й

Крепость Турзо, Сиродил

Риджа стояла безмолвно и смотрела в холодный каменный пол, пока император говорил. Никогда прежде не видел он ее столь бледной и безрадостной. Она лишь могла тешиться тем, что обрела свободу и возвращалась в родные земли. Что ж, если она отправится в путь тотчас, то еще успеет в Хаммерфелл к Празднику Торговли. Казалось, ничто из сказанного им не находило отклика в ее душе. Казалось, полтора месяца заточения в крепости Турзо сломили ее дух.

«Я подумывал о том, – сказал, наконец, император, – чтобы взять твою младшую сестру Корду во дворец на время. Полагаю, она предпочла бы двор консерваториуму в Хегате, а ты как считаешь?»

Наконец-то хоть какое-то движение души. Риджа глянула на императора со звериной ненавистью и в ярости бросилась на него. За время заточения ее ногти отросли изрядно, и сейчас она вонзила их в его лицо, целя в глаза. Он вскричал от боли, и стражи оттащили ее, избивая рукоятями своих мечей, покуда она не лишилась чувств. Целителя позвали немедленно, но император Реман III все же лишился правого глаза..

23, месяц Высокого солнца, год 2920-й

Балмора, Морровинд

Вивек вынырнул из воды, ощутив, как влага смыла летний зной с его кожи, и принял полотенце от одного из слуг. Сота Сил наблюдал за старинным приятелем с балкона.

«Похоже, ты заработал еще несколько шрамов с тех пор, как я видел тебя в последний раз», – заметил чародей.

«Хвала Азуре, новых нет, – засмеялся Вивек. – Когда ты прибыл?»

«Чуть более часа назад, – сказал Сота Сил, спускаясь по ступенькам к краю водоема. – Я думал, что явлюсь положить конец

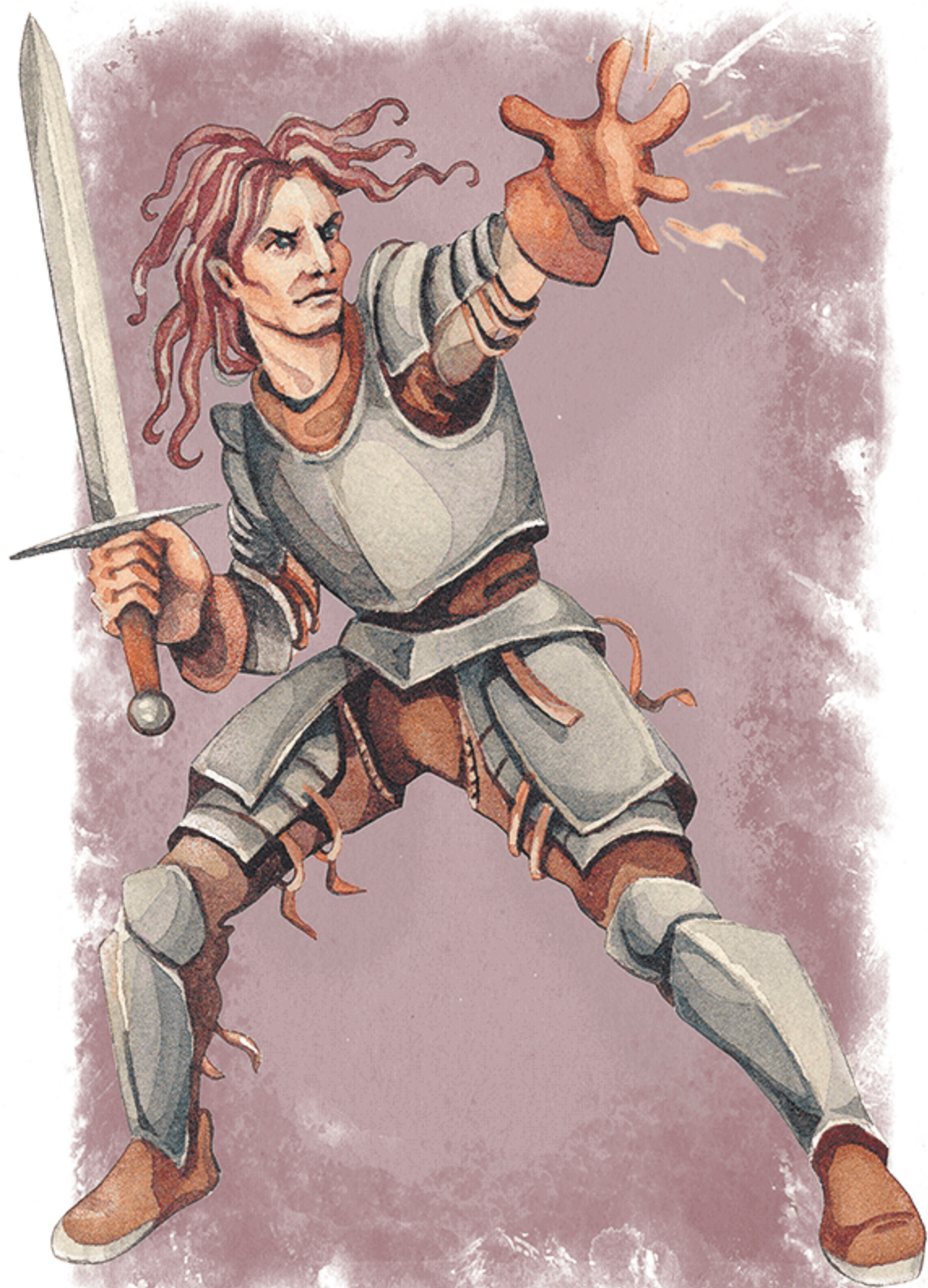
войне, однако ты справился и без меня».

«Да, довольно и восьмидесяти лет беспрестанных битв, – ответил Вивек, обнимая Соту Сила. – Мы пошли на уступки, но и они тоже. Когда старый император почиет, может наступить золотой век для нас. Принц Джуйлек мудр не по годам. А где Альмалексия?»

«Отправилась за герцогом Морнхолда. Они будут здесь завтра пополудни».

Тут друзей отвлекло зрелище, открывшееся за углом дворца – всадница ехала по городу, держа путь к ступеням парадного входа. Было очевидно, что женщина скакала во весь опор. Они приняли ее в кабинете, куда она ворвалась, тяжело дыша.

«Нас предали, – выдохнула она. – Имперская армия осадила Черные Врата».

24, месяц Высокого Солнца, год 2920-й

Балмора, Морровинд

Впервые за семнадцать лет с тех пор, как Сота Сил отбыл в Артейум, три члена Трибунала Морровинда встречались в одном месте. И все трое предпочли бы встретиться при иных обстоятельствах, чем нынешние.

«Насколько я знаю, когда принц возвращался на юг в Сиродил, вторая имперская армия пришла с севера, – сообщил Вивек своим соотечественникам, хранившим каменное выражение на лицах. – Разумно предположить, что Джуйлек не знал о предстоящей атаке».

«Но нельзя исключать и того, что он заранее задумал отвлечь нас, пока император готовил поход на Черные Врата, – заметил Сота Сил. – Случившееся следует считать нарушением перемирия».

«Где герцог Морнхолда? – спросил Вивек. – Мне хотелось бы выслушать его соображения».

«Он встречается с Матерью Ночи в Тель Аруне, – тихо молвила Альмалексия. – Я убеждала его прежде переговорить с тобой, но он сказал, что дело нельзя более откладывать».

«И он призовет Мораг Тонг? Для внешних дел?» – Вивек покачал головой и обратился к Сота Силу: «Пожалуйста, сделай, что сможешь. Убийство лишь все усугубит. Это дело следует решить дипломатией или битвой».

25, месяц Высокого солнца, год 2920-й

Тель Арун, Морровинд

Мать Ночи приняла Сота Сила в своей зале, освещенной лишь луной. Она была смертоносно прекрасна в своем простом платье черного шелка, ниспадавшим на диван. Жестом она отпустила стражей в красных одеждах и предложила чародею вина.

«Ты лишь немного разминулся со своим другом, с герцогом, – прошептала она. – Он был очень несчастен, но я думаю, что мы в

силах помочь его горю».

«Он нанял Мораг Тонга для убийства императора?» – спросил Сота Сил.

«А ты прямолинеен в речах, не так ли? Это хорошо. Люблю людей, говорящих прямо: они не тратят время зря. Но, конечно, я не стану обсуждать с тобой наш разговор с герцогом, – она улыбнулась. – Ведь это повредит моим делам».

«А что, если я предложу тебе равную плату золотом за то, чтобы император остался жив?»

«Мораг Тонг убивает во славу Мефалы и корысти ради, – сказала она задумчиво, словно обращаясь к своему бокалу вина. – Мы не убиваем просто так. Это было бы опошлением идеи. И если герцог доставит свое золото в трехдневный срок, мы доведем до конца наше дело. Боюсь, мы и помыслить не можем о принятии встречного предложения. Хотя мы и дельцы в той же мере, что и религиозный орден, мы не подчиняемся закону предложения и спроса, Сота Сил».

27, месяц Высокого солнца, год 2920-й

Внутреннее море, Морровинд

Сота Сил смотрел на воды уже два дня кряду, ожидая известного ему судна, и, наконец, увидел его. Большой корабль под флагом Морнхолда. Чародей взлетел и перехватил корабль прежде, чем тот вошел в гавань. Из пальца его вырвался сноп пламени, скрыв его голос и внешность под обликом даэдра.

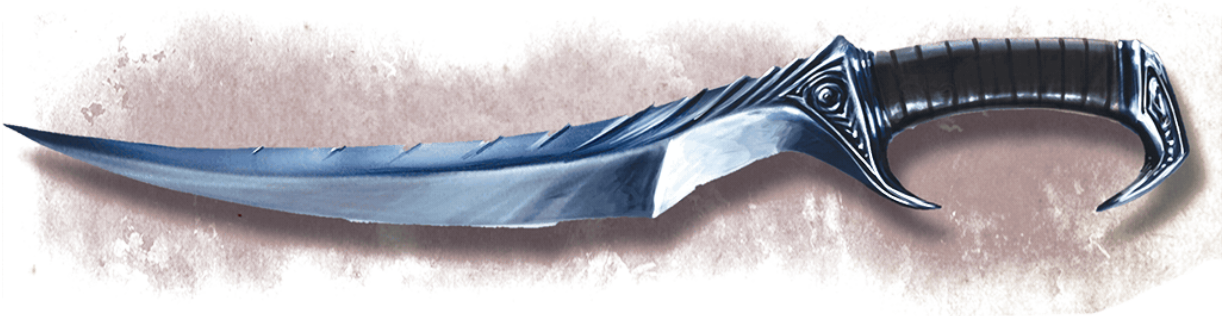
«Покиньте корабль! – проревел он. – Или вы все потонете вместе с ним!»

В действительности Сота Сил мог бы спалить судно единым огненным шаром, но он предпочел выждать, покуда моряки не попрыгают с палубы в теплую воду. Когда он удостоверился, что на

борту не осталось ни души, он собрал свою силу в разрушительную волну, сотрясшую воздух и воду. Корабль вместе с герцогской платой Мораг Тонг пошел ко дну Внутреннего моря.

«Мать Ночи, – подумал Сота Сил, направляясь к берегу, чтобы известить начальника порта о морях, требующих спасения. – Все подчиняются предложению и спросу – такова правда жизни!»

Год продолжается, наступает месяц Последнего зерна.

Книга VIII:

Месяц Последнего зерна

1, месяц Последнего зерна, год 2920-й

Морнхолд, Морровинд

Они собрались на дворе герцога в сумерках, наслаждаясь запахом и теплом от огня, в котором сгорали сухие ветви с листьями горчичного цвета. Искры взлетали в небо, на мгновение замирая, перед тем как потухнуть.

«Я был неосторожен, – признал герцог с горечью в голосе. – Но Лорхан посмеялся и теперь все хорошо. Мораг Тонг не убьет императора, ведь плата для них теперь покоится на дне внутреннего моря. Я полагал, что вы заключили что-то вроде пакта с принцами даэдра».

«То, что ваши моряки называют даэдра, могло им и не являться, – заметил Сота Сил. – Может статься, это был странствующий боевой маг, или же молния уничтожила корабль».

«Принц и император находятся в пути, чтобы взять Альд Ламбази, в духе заключенного пакта. Для Сиродила характерно полагать, что их уступки можно обговаривать, тогда как наши – нет. – Вивек вытащил карту. – Мы можем встретиться с ними тут, в этой деревне, к северо-западу от Альд Ламбази, в Фервинтиле».

«Но мы встретимся с ними для переговоров? – спросила Альмалексия. – Или для войны?»

На этот вопрос ни у кого не было ответа.

15, месяц Последнего зерна, год 2920-й

Фервинтил, Морровинд

Буря, обычная для позднего лета, налетела на маленькую деревню, затемняя небеса, и местность освещалась только редкими сполохами молний, которые летали от облака к облаку, подобно акробатам. На узких улочках налило воды по лодыжку – ручьи струились везде, а принцу приходилось кричать, чтобы капитаны, стоявшие в паре шагов, слышали его.

«Там впереди – гостиница! Мы переждем, пока погода переменится, чтобы двинуться дальше в Альд Ламбази!»

В гостинице было сухо и тепло, и потому царила страшная суматоха. Служанки сбивались с ног, бегая туда-сюда, таская закуски и вина, страшно возбужденные присутствием известной личности. Кого-то, кто привлекал даже больше внимания, чем простой наследник трона тамриэльской империи. С изумлением прислушиваясь к голосам, Джуйлек услышал имя Вивека.

«Лорд Вивек, – заговорил он, врываясь в комнату. – Вы должны поверить мне, я ничего не знал об атаке на Черные Врата, пока она не началась. Мы, конечно же, вернем вам эту крепость. Я написал вам письмо обо всем этом, адресовав его в ваш дворец в Балморе, но очевидно, что вас там нет, – он прервался, заметив, что в комнате есть люди, которые ему незнакомы. – О, простите мою невежливость – я не представился. Я Джуйлек Сиродил».

«Меня зовут Альмалексия, – сказала самая потрясающая женщина, которую принц когда-либо видел. – Вы не присоединитесь к нам?»

«Сота Сил», – представился данмер в белом плаще с серьезным выражением лица, пожимая руку принца и указывая ему на свободное место.

«Индорил Бриндизи Дорум, герцог-принц Морнхолда», – произнес коренастый человек, сидящий рядом, как только принц присел.

«Я так понимаю, исходя из событий последнего месяца, что имперская армия в лучшем случае неподконтрольна мне, – заметил принц, попросив принести вина. – Увы, это так. Армия принадлежит отцу».

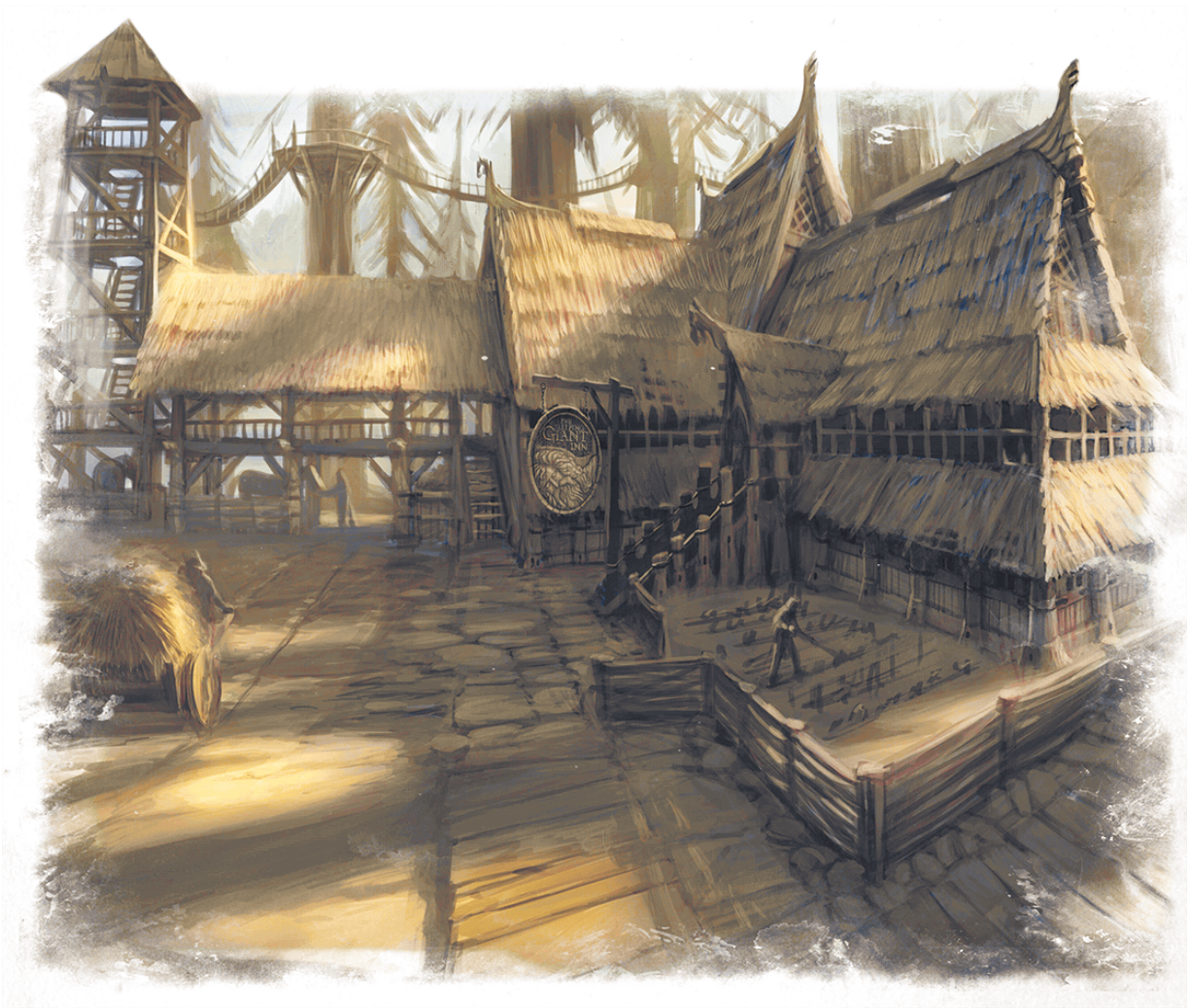
«Я так поняла, что император тоже намерен прибыть в Альд Ламбази», – сказала Альмалексия.

«Официально – да, – осторожно согласился принц. – Если неофициально рассмотреть вопрос – то он все еще находится в Имперском городе. У него произошел один неприятный инцидент...»

Вивек быстро взглянул на герцога, потом на принца: «Инцидент?»

«С ним все в порядке, – быстро сказал принц. – Он будет жить, но похоже, что потеряет глаз. Просто небольшая потасовка, никак с войной не связанная. Единственная хорошая новость – пока он поправляется, я могу пользоваться его печатью. Любые соглашения, которые мы здесь заключим, будут законом для всей Империи, как во время его правления, так и во время моего».

«Тогда – стоит приступить к переговорам», – улыбнулась Альмалексия.

15, месяц Последнего зерна, год 2920-й

Рот Нага, Сиродил

Маленькое село Рот Нага встретило Кассира прекрасным видом на разноцветные домики, разбросанные там и сям по большому утесу, глядющему на отрог горы Ротгариан, и каменистое плато, за которым располагался Хай Рок. Будь он в лучшем настроении, от открывающейся перспективы захватило бы дыхание. Но в его

состоянии он не мог думать об этом селе иначе как о пункте, где он и его лошадь получат шанс скромно поесть и отдохнуть.

Он выехал на главную площадь, на которой стояла небольшая гостиница, которая называлась «Плач орла». Отдав распоряжение мальчику-конюху насчет стойла и корма для лошади, Кассир прошел в гостиницу и был поражен царившей там атмосферой. Менестрель, которого он как-то раз слышал в Гильдердейле, наигрывал лихую старую мелодию под прихлопывание горцев. Такие разудалые развлечения не входили в планы Кассира. Данмерская женщина с мрачным лицом сидела за единственным столом, который стоял подальше от источника шума. Он взял свой стакан и присел за тот же стол без приглашения. И сразу же заметил, что она держит на руках новорожденного ребенка.

«Я только что прибыл из Морровинда, – заметил он, и понял, что это не лучшее начало для разговора. – Я сражался за Вивека и герцога Морнхолда против армии императора. Я предатель своего народа, как вы, несомненно, уже подумали».

«Я тоже предала свой народ, – заметила женщина, поднимая руку, но которой красовалось уродливое клеймо. – Это означает, что я никогда не смогу вернуться на родину».

«Ну ведь вы не подумываете о том, чтобы остаться здесь? – рассмеялся Кассир. – Это старомодное местечко и довольно милое, но зимой здесь выпадет столько снега, что невозможно будет даже ходить по дорогам. Определенно неподходящее место для того, чтобы растить ребенка, Как ее зовут?»

«Босриэль. „Красота леса“ – вот что это значит. Куда вы идете?»

«В Двиннен, в гавань Хай Рока. Можете присоединиться ко мне, я не против путешествий в компании. – Он протянул ей руку для пожатия. – Кассир Уитни».

«Турала – произнесла женщина после неловкой паузы. Она собиралась сперва назвать имя своего рода, как велит традиция, но внезапно поняла, что это больше не ее имя. – Я была бы рада составить вам компанию, благодарю вас».

19, месяц Последнего зерна, год 2920-й

Альд Ламбази, Морровинд

Пять мужчин и две женщины стояли в давящий тишине большого зала замка, единственные звуки – только скрип пера и нежное постукивание капель дождя за огромным витражным окном. Как только принц поставил печать Сиродила на документе, мирный договор обрел силу. Герцог Морнхолда довольно рыкнул, приказывая принести вина, чтобы выпить на поминках восьмидесятилетней войны.

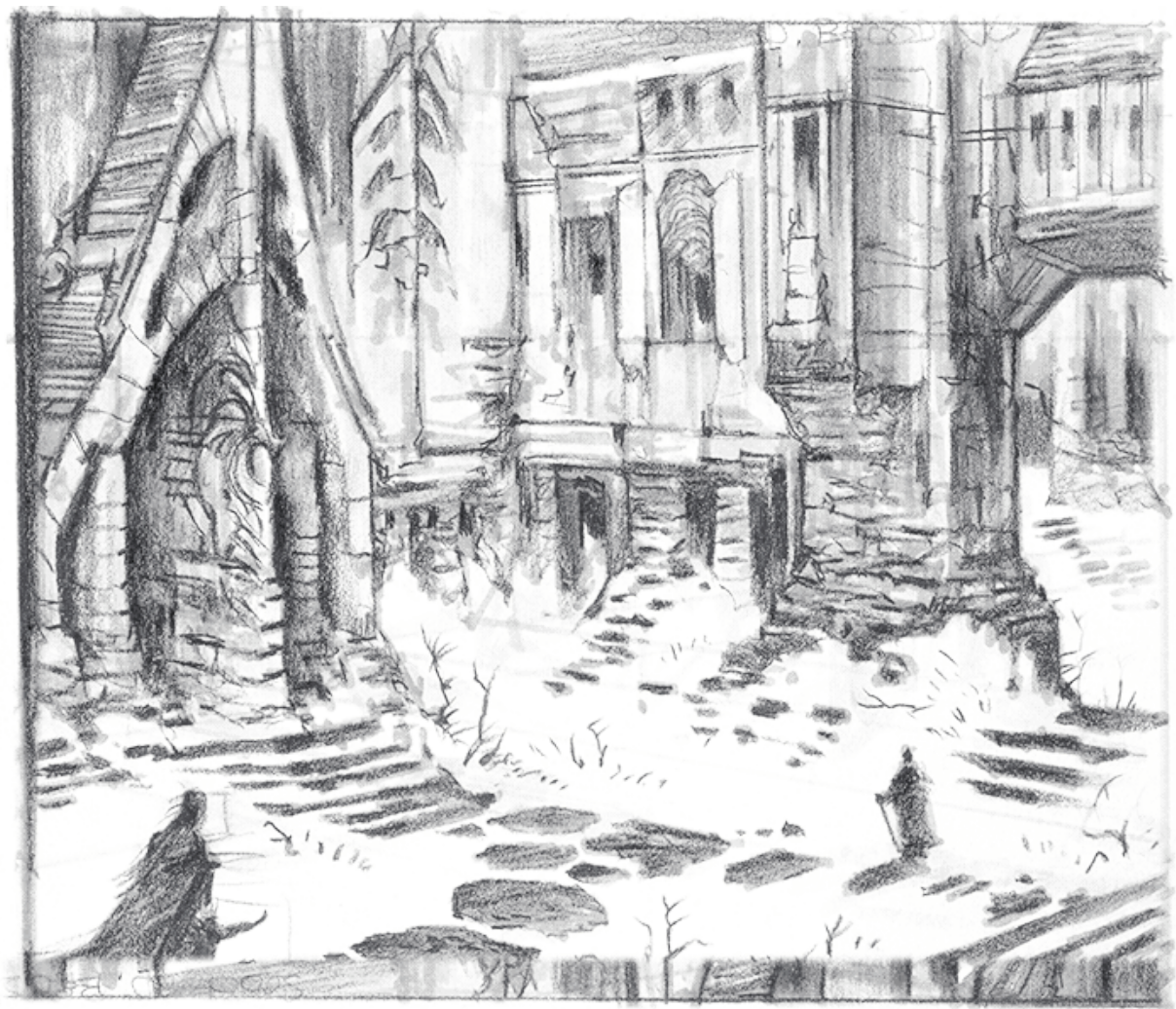
Только Сота Сил стоял поодаль от остальных. Его лицо не выдавало ни одной эмоции. Те, кто знал его хорошо, могли догадаться, что он не верит ни в начало ни в конец, но верит в непрерывный цикл, малой частью которого стали произошедшие события.

«Мой принц, – произнес дворецкий замка, неохотно прерывая празднование. – Вас ожидает посланник от вашей матушки, императрицы. Он хотел видеть вашего отца, но раз его здесь нет...»

Джуйлек извинился и вышел переговорить с посланником.

«Императрица не живет в Имперском городе?» – осведомился Вивек.

«Нет, – заметила Альмалексия, грустно качая головой. – Ее муж заточил ее в Чернотопье, боясь, что она поднимет восстание против него. Она очень богата и у нее есть могущественные союзники в западных Коловианских Землях, так что он не мог жениться на другой женщине, или предать ее казни. Это безвыходное положение сохраняется уже лет семнадцать, с тех пор, как Джуйлек был еще ребенком».

Принц вернулся через несколько минут. На его лице ясно выражалось беспокойство, хотя он и прилагал усилия, чтобы скрыть его.

«Я нужен своей матери, – просто заметил он. – Боюсь, что буду вынужден покинуть вас немедленно. Если у меня будет копия нашего мирного договора, то я смогу показать ее императрице, чтобы она увидела благо, совершенное нами сегодня, а уже потом я привезу бумагу в Имперский город, чтобы она обрела официальное значение».

Принц Джуйлек уехал, получив сердечные прощания от троицы из Морровинда. Когда они увидели его, вскакивающего на лошадь, чтобы унести в дождливую ночь на юг к Чернотопью, Вивек сказал: «Благословен будет Тамриэль, когда он взойдет на трон».

31, месяц Последнего зерна, год 2920-й

Проход Доржза, Чернотопье

Луна поднималась над отдаленным ущельем, которое дымилось болотным газом этой жаркой летней ночью, когда принц и его двое телохранителей въехали в лес.

Искривленные черные деревья росли на преграде, отбрасывая странные тени, похожие на плетение паука. Мысль принца была сосредоточена на таинственном письме его матери, намекавшем на возможное вторжение. Конечно, он не мог поведать об этом данмерам, до того, как он поймет больше о происходящем и доложится отцу. В конце концов, письмо предназначалось ему. Оно было срочное, и именно оно заставило направиться его прямо в Гидеон.

Императрица также предупредила его о банде беглых рабов, которая нападала на караваны, входящие в Проход Доржза. Она посоветовала ему сделать так, чтобы герб империи был хорошо виден, чтобы они не приняли его за одного из данмерских рабовладельцев. Как только они въехали в бурьян, заполнивший проход, как отравленная река, вышедшая из берегов, принц приказал, чтобы обнажили его щит.

«Ясно, почему этим рабам тут нравится, – сказал капитан принца. – Превосходное место для засад».

Джуйлек покивал головой, но его мысли были направлены не на это. Какого рода готовящееся вторжение обнаружила императрица? Неужели акавирцы снова вышли в море? Если даже так, то как императрица, сидящая в замке Джиовез, обнаружила это? Треск бурьяна и человеческий крик прервали его размышления. Повернувшись, принц понял, что остался один. Его эскорт исчез.

Принц приподнялся над морем травы, которое колыхалось в магнетическом ритме, покоряясь порывам ветра, дувшего через

проход. Сильный свистящий ветер скрыл любые намеки на то, где могли бы располагаться жертвы, попавшие в засаду.

Джуйлек обнажил свой меч, и задумался над тем, что делать, из всех сил стараясь не паниковать. Он был уже ближе к выходу из прохода, чем к входу. Что бы ни напало на его спутников, оно должно было находиться позади. Пустив лошадь в галоп, он устремился к холмам впереди, состоящим из грязи.

Когда он слетел на землю, все произошло так неожиданно, что он еще стремился вперед, не осознавая происходящего. Он приземлился в нескольких ярдах позади своей павшей кобылы, повредив спину и плечо. Он онемел и просто смотрел на то, как умирает его бедная лошадь, с брюхом, разодранным колючими, торчащими из травы.

Принц Джуйлек не смог даже повернуться и увидеть фигуру, встающую рядом из травы, а уж тем более защититься. Горло его было моментально рассечено надвое.

Мирамор начал свирепо ругаться, когда ясно разглядел лицо своей жертвы при лунном свете. Он видел императора в битве при Бодруме, где сражался под командованием его императорского величества, и это был точно не император. Обшаривая тело, он нашел пакт, подписанный Вивеком, Альмалексией, Сота Силом и герцогом Морнхолда со стороны Морровинда, и принцем со стороны Империи Сиродилов.

«Эх, что за неудачный день, – пробормотал про себя Мирамор по звук шепчущейся травы. – Я убил принца. Только лишь принца. Разве теперь я получу награду?»

Мирамор сжег письмо, как научил его Зуук, и прибрал себе договор. В конце концов, такая вещь должна что-то стоить. Он разобрал свои ловушки, обдумывая, что же делать дальше. Вернуться в Гиденон и просить у нанимателя меньшей награды за жизнь принца? Скрыться в другом месте? Да, в конце концов, битва при Бодруме научила его двум полезным вещам. У данмеров он

научился делать западни из кольев. А когда он дезертировал из армии, ему пришлось научиться прятаться в траве.

Год продолжается, наступает месяц Огня очага.

Книга IX:

Месяц Огня очага

2, месяц Огня очага, год 2920-й

Гидеон, Чернотопье

Императрица Тавия лежала на кровати, теплый ветер бился о ставни ее камеры, прикрывающие железные прутья. В горле у нее горело, но она все еще рыдала, сжимая в руках свой последний гобелен. Ее рыдания эхом разносились по залам замка Джиовез: никто в замке был не в силах заниматься чем-либо еще, кроме как слушать плач несчастной женщины. Одна из ее служанок спустилась по прямой лестнице, чтобы зайти к своей госпоже, но глава стражи Зуук, стоявший в дверях, покачал головой.

«Она только что узнала о смерти сына», – тихо произнес он.

5, месяц Огня очага, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

«Ваше императорское величество, – сказал потентат Версидью-Шайе через дверь. – Вы можете открыть дверь. Уверяю вас. Вы в полной безопасности. Никто не собирается убивать вас».

«Кровь Мары! – это был голос императора Ремана III, приглушенный, истеричный, даже безумный. – Кто-то убил принца, а у него был мой щит! Они наверняка думали, что это я!»

«Вы безусловно правы, ваше императорское величество, – ответил потентат, старательно изгоняя из голоса всякую иронию, хотя его черные блестящие глаза были полны презрения. – Мы должны найти и покарать негодяя, ответственного за смерть вашего сына. Но мы не можем сделать это без вас. Вы должны сохранять присутствие духа ради Империи».

Ответа не последовало.

«В конце концов, вы должны подписать приказ о казни леди Риджи, – крикнул потентат. – Давайте покончим с изменницей и убийцей, о которой мы все знаем».

Короткая пауза, потом звук отодвигаемой от двери мебели. Реман открыл лишь узенькую щелку, но потентат видел его испуганное, сердитое лицо, и ужасную красную опухоль, которая когда-то была его правым глазом. Несмотря на усилия лучших лекарей Империи, она оставалась напоминанием о работе леди Риджи в крепости Турзо.

«Дайте мне приказ, – прорычал император. – Я с удовольствием подпишу его».

6, месяц Огня очага, год 2920-й

Гидеон, Сиродил

Странное голубое сияние блуждающих огоньков, как ей говорили, комбинация болотного газа и спиритической энергии, всегда пугало Тавию, когда она выглядывала из своего окна. Сейчас оно казалось странно успокаивающим. За болотом был город Гидеон. Как смешно, подумала она, что ей никогда не приходилось бродить по его улицам, хотя она видит их каждый день вот уже семнадцать лет.

«Может быть я о чем-то забыла?» – спросила она, поворачиваясь, чтобы взглянуть на преданного котринги Зуука.

«Я точно знаю, что делать», – уверенно сказал он. Казалось, стражник улыбнулся, но императрица поняла, что это лишь отражение ее лица на его серебристой коже. Она улыбалась, даже не осознавая этого.

«Убедись в том, что за тобой нет слежки, – предупредила она. – Я не хочу, чтобы мой муж узнал, где все эти годы хранились мои деньги. И возьми свою долю. Ты был хорошим другом».

Императрица Тавия шагнула вперед и упала в туман. Зуук вставил на место прутья в окне башни, и укрыл одеялом несколько подушек на ее кровати. Если ему повезет, они не найдут ее тела до утра, а к тому времени он уже проедет половину пути в Морровинд.

9, месяц Огня очага, год 2920-й

Фригиас, Хай Рок

Странные деревья всех размеров были похожи на погребальные костры, увенчанные вспышками красного, желтого и оранжевого. На Ротгарианские горы спустился туманный вечер. Турала дивилась этому зрелищу, такому чужому, такому непохожему на Морровинд, направляя лошадь вперед, к открытому лугу. У нее за спиной, свесив голову на грудь, спал Кассир, укачивая Босриэль. На мгновение Турале захотелось заставить лошадь перепрыгнуть через низкую крашеную ограду, пересекавшую поле, но она удержалась. Пусть Кассир поспит еще несколько часов, прежде чем править.

Пока лошадь шла через поле, Турала увидела маленький зеленый домик у следующего холма, наполовину спрятавшийся в лесу. Вид был такой живописный, что она чувствовала, что сама находится в полусонном состоянии. Звук рога вывел ее из сонного забытья. Кассир открыл глаза.

«Где мы?» – прошипел он.

«Я не знаю, – запинаясь Турала, широко раскрыв глаза. – Что это за звук?»

«Орки, -прошептал он. – Охотничий отряд. Быстрее в укрытие».

Турала направила лошадь к небольшой группе деревьев. Кассир передал ей ребенка и спешил. Потом начал снимать седельные сумки и бросать их в кусты. Звук раздался снова, далекий топот шагов, становящийся все ближе и все громче. Турала осторожно подошла и помогла Кассиру разгрузить лошадь. Все это время Босриэль следила за ними непонимающими глазами. Иногда Туралу беспокоило то, что ее малыш никогда не плачет. Сейчас она была благодарна за это. Сняв последнюю сумку, Кассир шлепнул лошадь по крупу, и она галопом вылетела на поле. Он взял Туралу за руку и потянул в кусты.

«Если повезет, – прошептал он. – Они подумают, что она дикая или сбежала с фермы, и не станут искать седока».

Пока он говорил, под громкие звуки рога на поле появилась толпа орков. Турале уже случалось видеть их, но никогда в таких количествах, и по-звериному уверенных в своих силах. Заорав от радости при виде удивленной лошади, они промчались мимо зарослей, где притаились Кассир, Турала и Босриэль. Из под ног у них разлетались семена диких цветов. Турала изо всех сил старалась не чихнуть и думала, что ей это удалось. Однако один из орков что-то услышал, и позвал еще одного выяснить, в чем дело.

Кассир тихо вытащил меч, стараясь выглядеть как можно увереннее. Он был разведчиком, не бойцом, но он поклялся

защищать Туралу и ее ребенка до последней капли крови. Возможно, ему удастся убить этих двоих, но вряд ли он сделает это настолько бесшумно, чтобы не привлечь внимание остальных.

Внезапно что-то невидимое словно ветер пронеслось через заросли. Орки бросились назад, но поздно – метвые, они рухнули на землю. Турала повернулась и увидела морщинистую старуху с ярко рыжими волосами, выглядывающую из ближайшего куста.

«Я думала, вы собираетесь привести их прямо ко мне, – прошептала она, улыбаясь. – Лучше пойдете со мной».

Троица последовала за старой женщиной по проходу в кустах, который вел через поле прямо к дому на холме. Когда они оказались на другой стороне, женщина повернулась, чтобы взглянуть на орков, пирующих над останками лошади, кровавая оргия под звуки охотничьих рогов.

«Это ваша лошадь? – спросила она. Когда Кассир кивнул, она громко рассмеялась. – Мяса в ней много, что есть – то есть. Утром у этих тварей здорово животы разболят. Хорошую службу она им сослужит».

«Может, мы пойдём дальше?» – прошептала Турала, испуганная смехом старухи.

«Они наверх не пойдут, – улыбнулась она, взглянув на Босриэль, а та улыбнулась ей в ответ. – Они слишком боятся нас».

Турала повернулась к Кассиру, он покачал головой: «Ведьмы. Если я не ошибаюсь, это ферма старой Барбин, место Skeffingtonского ковена?»

«Точно, цыпленочек, – старая женщина хихикнула, радуясь своей известности. – Я Министа Skeffington».

«Что вы сделали с этими орками? – спросила Турала. – Там, в зарослях?»

«Призрачный кулак прямо по башке, – ответила Министа, продолжая взбираться вверх по холму. Перед ними был двор фермы, колодец, курятник, пруд. Женщины всех возрастов работали по хозяйству, смеялись играющие дети. Старая женщина повернулась и

заметила недоумение Туралы. – Разве там, откуда вы приехали, нет ведьм, детка?»

«По крайней мере, я о них не слышала», – сказала она.

«В Тамриэле множество людей, владеющих магией, – объяснила старуха. – Псиджики изучают магию, как будто это их неприятная обязанность. Для боевых магов в армии заклинания – то же самое, что и стрелы. Мы же, ведьмы, объединяемся, колдуем и празднуем. Чтобы справиться с орками, я просто воззвала к духам воздуха, Амаро, Пине, Таллате, пальцам Кинарет и дыханию мира, с которыми я близко знакома, чтобы они убили этих ублюдков. Видишь ли, колдовство не похоже на власть, или разгадывание загадок, или возню со старыми пыльными свитками. Это просто связи. Главное быть дружелюбным, можно сказать».

«Что ж, по отношению к нам вы очень дружелюбны», – сказал Кассир.

«Вы тоже, – согласилась Министа. – Ваш род уничтожил родину орков две тысячи лет назад. До того они никогда нас не беспокоили. А сейчас вам надо помыться и поесть».

С этими словами Министа отвела их на ферму, где Турала познакомилась с семьей Skeffingtonского ковена.

11, месяц Огня очага, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

Риджа даже не пыталась спать в прошедшую ночь, и мрачная музыка, игравшая во время ее казни, усыпляла ее. Было похоже, что она потеряет сознание еще до удара топора. Глаза ей завязали, так что она не могла видеть своего бывшего любовника, императора, сидевшего перед ней и пожиравшего ее здоровым глазом. Она не могла видеть потентата Версидью-Шайе, завернувшегося в мантию,

и выражение триумфа на его золотом лице. Она почувствовала, как рука палача коснулась ее спины, она вздрогнула, словно человек, пытающийся проснуться.

Первый удар пришелся по затылку и она закричала. Вторым разрубил шею. Она была мертва.

Император устало повернулся к потентату: «Итак, с этим покончено. Вы говорили, что у нее есть хорошенькая сестра в Хаммерфелле, Корда, кажется?»

18, месяц Огня очага, год 2920-й

Двиннен, Хай Рок

Кассир решил, что лошадь, которую ему продали ведьмы, не так хороша, как прежняя. Поклонение духам, жертвы и сестринство очень хороши для вызова духов, но вьючных животных они не балуют. Впрочем, жаловаться было не на что. Теперь, когда с ним больше нет женщины и ребенка, он отлично проведет время. Впереди виднелись стены, окружавшие его родной город. Вскоре он оказался в кругу семьи и старых друзей.

«Как идет война? – закричала его кузина. Выбегая на дорогу. – Правда, что Вивек подписал мир с принцем, но император отказался утвердить его?»

«Все было не так, верно? – спросил друг, присоединяясь к ним. – Я слышал, что данмеры убили принца, а потом выдумали историю про договор, но доказательств никаких нет».

«Разве тут не происходит ничего интересного? – засмеялся Кассир. – Мне совершенно не хочется обсуждать войну или Вивека».

«Ты пропустил процессию леди Корды, – сказал его друг. – Она приехала через залив и направилась на восток, в Имперский город».

«Глупости все это. Как же выглядит Вивек? – спросила кузина с нескрываемым любопытством. – Говорят, он – живой бог».

«Если Шеогорат подаст в отставку и им нужен будет новый Бог Безумия, Вивек как раз подойдет», – сказал Кассир.

«А женщина?» – спросил парень, которому редко случалось видеть данмерских женщин.

Кассир просто улыбнулся. На мгновение в его памяти возник образ Туралы Скеффингтон, потом он испарился. Она будет счастлива с ведьмами, за ее ребенком будут хорошо ухаживать. Но теперь они часть его прошлого, а он хочет навсегда забыть о том месте и о войне. Спешившись, он пошел к городу, болтая о последних новостях у залива Илиак.

Книга X:

Месяц Начала морозов

10, месяц Начала морозов, год 2920-й

Фригиас, Хай Рок

Существо перед ними мерцало, его взгляд казался безжизненным, рот открывался и закрывался, словно существо вспоминало, как это делать. Капля слюны показалась из-за его клыков и повисла. Турала никогда не видела ничего подобного. Существо было огромно и похоже на рептилию, но опиралось на ноги, как человек. Министера радостно зааплодировала.

«Дитя мое, – прокаркала она. – Ты проделала такой большой путь за такое короткое время. О чем ты думала, призывая этого даэдрота?»

Турале понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить, что она, собственно, вообще ни о чем не думала. Она была потрясена тем, что проникла из материи реальности в царство Обливиона, и выдернула оттуда это отвратительное существо, призвав его в мир силой своего сознания.

«Я думала о красном цвете, – сказала Турала, сосредотачиваясь. – О его простоте и ясности. А потом – я пожелала и произнесла чары. И вот что я наколдовала».

«Желание – могущественная сила для молодой ведьмы, – сказала Министера. – И оно хорошо сработало. Потому что этот даэдрот – суть простая сила духов. А можешь ли ты так же легко освободить свое желание?»

Турала закрыла глаза и произнесла освобождающее заклинание. Чудовище побледнело, как картина на солнце, все еще смущенно моргая. Министера обняла свою ученицу, темного эльфа, и радостно засмеялась.

«Мне до сих пор не верится, ты с ковенем всего месяц и один день, а уже превзошла большинство здешних женщин. В тебе могущественная кровь, Турала, ты касаешься духов, как будто ты касаешься любовника. В один прекрасный день ты возглавишь этот ковен – я видела это!»

Турала улыбнулась. Приятно, когда тебя хвалят. Герцогу Морнхолда нравилось ее красивое лицо; а ее семья, до того, как она обесчестила их, превозносила ее манеры. Кассир был просто товарищем: его комплименты ничего не значили. Но с Министерой она чувствовала себя дома.

«Ты будешь возглавлять этот ковен еще много лет, старшая сестра», – сказала Турала.

«Мне бы этого хотелось. Но духи – изумительные товарищи и большие правдолюбцы, они часто туманно отвечают на вопросы „когда“ и „как“. Их нельзя винить. Вопросы „когда“ и „как“ очень мало значат для них, – Министера открыла дверь хижины, позволяя свежему осеннему ветру развеять горький и зловонный запах даэдрота. – А теперь, мне нужно отправить тебя с поручением в Вэйрест. Это всего неделя пути в один конец. Возьмешь с собой Дориату и Целефину. Как мы ни стараемся быть самодостаточными, есть травы, которых мы вырастить не можем, и похоже, придется нам потратить целую кучу драгоценных камней. Важно, чтобы люди в городе считали тебя одной из мудрых женщин Скеффингтонского ковена. Ты увидишь, что от дурной славы гораздо больше пользы, чем неприятностей».

Турала сделала то, о чем ее просили. Когда она и ее сестры садились на лошади, Министера принесла ее дочку, маленькую пятимесячную Босриэль. Чтобы она поцеловала маму на прощанье. Ведьмы полюбили маленькую девочку, дочь злобного герцога,

рожденную у диких айлейдских эльфов в лесу в самом сердце Империи. Турала знала, что женщины будут защищать ее ребенка даже ценой собственной жизни. После долгих прощаний и поцелуев, три молодые ведьмы ускакали в лес, под покров красного и золотого и оранжевого.

12, месяц Начала морозов, год 2920-й

Двиннен, Хай Рок

К вечеру миддаса в таверне «Обиженный Дикобраз» было полно народа. Огонь в яме в центре комнаты освещал собравшихся завсегдатаев почти зловещим светом, и делал скопище тел похожим на сюжет гобелена о наказании Арктурианских Еретиков. Кассир уселся на свое обычное место и заказал кувшин эля.

«Ты виделся с бароном?» – спросил Палит.

«Да, у него вроде есть работа для меня во дворце Урвейус, – гордо сказал Кассир. – Но большего я тебе сказать не могу. Сам понимаешь, государственная тайна и тому подобное. Почему тут сегодня столько проклятого народа?»

«В гавань только что пришел корабль темных эльфов. Они только что вернулись с войны. Я только ждал твоего прихода, чтобы представить тебя другим ветеранам».

Кассир покраснел, но сумел набраться сил, чтобы спросить: «Что они тут делают? У нас что, перемирие?»

«Я точно не знаю, – сказал Палит. – Но говорят, император и Вивек снова начали переговоры. А эти ребята хотят вложить деньги, и считают, что у нас в Заливе достаточно тихо. Но мы все узнаем точно, если поговорим с ними».

С этими словами Палит схватил брата за руку и потащил его в другой угол бара. Это произошло так внезапно, что Кассиру, чтобы вырваться пришлось бы приложить немалые усилия. Путешественники-данмеры сидели у четырех столов, болтали с местными жителями и смеялись. Это были хорошо одетые молодые люди, на вид торговцы, вели они себя немного развязно, хотя это было неудивительно, учитывая количество выпитого.

«Извините, – сказал Палит, вмешиваясь в беседу, – мой двоюродный брат Кассир немного застенчив, но он тоже был на войне, сражался за живого бога Вивека».

«Единственный Кассир, о котором я слышал, – сказал один из данмеров с широкой, пьяной улыбкой, пожимая Кассиру руку. – Был Кассир Уайтли, по словам Вивека худший шпион в истории. Он был ужасным разведчиком, именно из-за него мы потеряли Альд Марак. Надеюсь, ребята, я вас ничем не обидел».

Кассир улыбался и слушал громкий рассказ о его неудаче с такими увлекательными подробностями, что собравшиеся за столом то и дело заходились от смеха. Кто-то смотрел в его сторону, но никто из местных не думал, что дурак, о котором рассказывают, стоит рядом и слушает. Лицо его двоюродного брата выражало боль и разочарование, ведь он считал, что Кассир вернулся в Двиннен великим героем. И уж конечно обо всем узнает барон, а с каждым пересказом этой истории поведение в ней Кассира казалось слушателям еще более глупым.

Каждой частичкой своей души Кассир ненавидел живого бога Вивека.

21, месяц Начала морозов, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

Корда в ослепляющей белой мантии, форме жриц консерватории Хигат Морвы, прибыла в город вскоре после того, как закончилась первая зимняя буря. Сквозь облака пробилось солнце, и на улицах появилась красивая молодая девушка-редгард с сопровождением, направлявшаяся к дворцу. Сестра ее была высокой, худенькой, угловатой и высокомерной, а Корда, наоборот, маленькой круглолицей девушкой с большими карими глазами. Горожане сразу же начали сравнивать сестер.

«И месяца не прошло с казни леди Риджи», – пробормотала горничная, выглядывая из окошка и подмигивая своей соседке.

«И меньше месяца, как сестру забрали из монастыря, – согласилась другая женщина, наслаждаясь обсуждением интриги. – Эта красотка не просто так сюда приехала. Риджа была невиновна, а посмотрите, чем она кончила».

24, месяц Начала морозов, 2920

Двиннен, Хай Рок

Кассир стоял на пристани и смотрел, как в воду падает ранний снег. Какая жалость, думал он, что он подвержен морской болезни. Теперь он никому не нужен был во всем Тамриэле, от востока до запада. Историю Вивека о его разведческих талантах мусолили во всех тавернах. Барон Двиннена разорвал контракт с ним. Нет сомнений, что в Даггерфолле над ним тоже смеются, и в Даунстаре, Лилмате, Риммене, Гринхарте, а может, еще и в Акавире, и в Йокуде. Может быть, лучше всего прыгнуть в воду и утонуть. Впрочем, эта мысль недолго занимала его: Кассира терзало не отчаяние, а ярость. Бессильный гнев, с которым он никак не мог справиться.

«Простите, сэр, – сказал чей-то голос у него за спиной, заставив его подпрыгнуть. – Простите, что побеспокоил вас, но не могли бы вы порекомендовать дешевую таверну, где можно провести ночь».

Это был молодой человек, норд, за плечами у него висел мешок. Очевидно, он только что сошел с корабля. В первый раз за последние несколько недель кто-то смотрел на Кассира как на человека, а не как на величайшего идиота. Хотя у него было ужасное настроение и он не мог помочь юноше, но Кассир отнесся к нему по-дружески внимательно.

«Вы только что прибыли из Скайрима?» – спросил Кассир.

«Нет, сэр, я туда направляюсь, – сказал парень. – Я еду домой. Я приехал из Сентинеля, а туда из Строс М'кая, а туда из Вудхарта в Валенвуде, а туда из Артейума в Саммерсете. Меня зовут Веллег».

Кассир представился и пожал Веллегу руку: «Вы сказали, что приехали из Артейума? Вы псиджик?»

«Нет, сэр, больше нет, – пожал плечами парень. – Я был изгнан».

«Вы что-нибудь знаете о том, как призывать даэдра? Видите ли, я хочу наложить проклятие на одну очень известную личность, можно

даже сказать на живого бога, и у меня ничего не получается. Барон даже видеть меня не хочет, но баронесса мне симпатизирует, и даже допустила меня в Залы призывания. – Кассир сплюнул. – Я провел все ритуалы, принес жертвы, и у меня ничего не вышло».

«Это все из-за Сота Сила, моего бывшего наставника, – с некоторой горечью ответил Веллег. – Принцы даэдра не будут приходить на зов простых людей до самого конца войны. Только псиджики могут советоваться с даэдра, да еще кочевые колдуны и ведьмы».

«Ведьмы, говорите?»

29, месяц Начала морозов, год 2920-й

Фригиас, Хай Рок

Бледные лучи солнца с трудом пробивались сквозь затянувший лес туман. Турала, Дориата и Целефина подгоняли своих лошадей. Почва была влажной от тонкого слоя инея, они были нагружены, и идти по горам было нелегко. Турала пыталась справиться с возбуждением из-за возвращения в ковен. В Вэйресте было очень интересно, и ей понравилось, с каким страхом и уважением на нее

поглядывали люди. Но в последние несколько дней она могла думать только о возвращении к своим сестрам и ребенку.

Горький ветер сдувал ей волосы на лицо, так что она не видела ничего, кроме тропы перед собой. Она не слышала приближения всадника, пока он не появился прямо перед ней. Повернувшись и увидев Кассира, она вскрикнула от радости при виде старого друга. Его лицо было бледным и усталым, но она отнесла это за счет путешествия.

«Что привело тебя назад во Фригиас? – улыбнулась она. – Тебя плохо приняли в Двиннене?»

«Сносно, – сказал Кассир. – Но мне нужна помощь Скеффингтонского ковена».

«Поехали с нами, – сказала Турала. – Я отведу тебя к Министере».

Четверка продолжила свой путь, ведьмы развлекали Кассира рассказами о Вэйресте. Было очевидно, что Дориате и Целефине редко предоставлялся случай покинуть ферму Старой Барбин. Они родились там и были дочерьми и внучками скеффингтонских ведьм. Жизнь обычного города в Хай Роке была для них экзотикой, как и для Туралы. Кассир говорил мало, но улыбался и кивал головой, поощряя их рассказы. К счастью, они не слышали историю о его «подвигах» на службе в армии Вивек. А если слышали, то хотя бы ничего об этом не говорили.

Дориата дошла до самой середины слышанной ею в таверне истории о воре, который оказался запертым на ночь в ломбарде, когда они добрались до знакомого холма. Внезапно, она замерла на полуслове. Дом уже должен был показаться, но его не было. Они пришпорили лошадей и помчались к тому месту, где раньше находился Скеффингтонский ковен.

Огонь уже давно погас. Не осталось ничего, кроме пепла, останков и поломанного оружия. Кассир сразу же распознал следы орочьего набега.

Ведьмы соскочили с лошадей, разглядывая останки. Целефина нашла оборванный, окровавленный кусок ткани, из которой был

некогда сшит плащ Министеры. Она прижимала его к покрытому золой лицу и рыдала. Турала звала Босриэль, но единственным ответом ей был ветер, разгоняющий пепел.

«Кто это сделал? – кричала она, слезы катились по ее лицу. – Клянусь, что призову само пламя Обливиона! Что они сделали с моим ребенком?»

«Я знаю, кто это сделал, – тихо сказал Кассир, слезая с лошади и подходя к ней. – Я уже видел это оружие раньше. Это работа убийц, нанятых герцогом Морнхолда. Я боялся, что встречу с ними в Двиннене, но не думал, что они найдут тебя здесь.»

Он помолчал. Солгать было легко. Прекрасная импровизация. Больше того, он сразу же понял, что она поверила его словам. Ее ненависть к герцогу из-за жестокости, которую он проявил к ней, стихла, но не исчезла. Один взгляд на ее пылающие глаза сказал ему, что она призовет даэдра и обрушит их общую месть на Морровинд. А что самое главное, даэдра прислушаются к ней.

И они прислушались. Ибо сильнее желания только ярость. Даже ошибочная ярость.

Книга XI:

Месяц Заката солнца

2, месяц Заката солнца, год 2920-й

Тель-Арун, Морровинд

«К тебе посетитель, Мать Ночи, – сказал стражник. – Аргонианин из племени Котринги с верительными грамотами, удостоверяющими его как лорда Зуука из Чернотопья, Имперского гарнизона Гидеона».

«Почему ты посчитал, что он представляет хоть малейший интерес для меня?» – спросила Мать Ночи приторно-ядовитым голосом.

«Он принес письмо от покойной императрицы Сиродильской Империи».

«У нас и в самом деле занятой день, – улыбнулась она, восторженно хлопая в ладоши. – Пригласи его».

Зуук вошел в палату. Металлическая кожа его лица и рук отражала огонь из камина и мерцание молний за окном. Мать Ночи заметила свое отражение на его коже, понимала, какое впечатление производит на него: она была спокойна и прекрасна, но, в то же время, во всем ее облике чувствовалось что-то устрашающее. Он без слов передал ей письмо от императрицы. Она читала его, потягивая вино.

«Герцог Морровинда также предложил мне изрядную сумму, чтобы императора убили в этом году, – сказала она, складывая письмо. – Корабль с платой затонул, я ее не получила. Это было очень некстати, ибо к тому времени один из моих людей уже проник во дворец. Как я могу быть уверена, что это более чем щедрое вознаграждение от покойницы я все же получу?»

«Я принес его с собой, – сказал Зуук. – Оно в повозке снаружи».

«Тогда принесите его, и наша сделка заключена, – улыбнулась Мать Ночи. – К концу года император будет мертв. Вы можете оставить золото с Апаладитом. Не хотите ли немного вина?»

Зуук отклонил предложение и вышел. В то же мгновение из-за темного гобелена бесшумно выскользнул Мирамор. Мать Ночи предложила ему бокал вина, и он принял его.

«Я знаю этого Зуука, – осторожно проговорил Мирамор. – Правда, я не подозревал, что он работает на старую императрицу».

«Давай еще поговорим о тебе, если ты не против», – предложила она, зная, что возражений не будет.

«Позвольте мне показать вам, на что я способен, – сказал Мирамор. – Я убью императора. Я уже убил его сына, и вы уже могли убедиться в том, насколько хорошо я заметаю следы».

Мать Ночи улыбнулась. Все устраивалось весьма хорошо.

«Если ты умеешь обращаться с кинжалом, ты найдешь его в Бодруме», – сказала она и описала ему, что он должен будет сделать.

3, месяц Заката солнца, год 2920-й

Морнхолд, Морровинд

Герцог смотрел в окно. Было раннее утро, и уже четвертый день над городом нависал красный туман, поблескивавший молниями. Станный ветер гулял по городу, срывал флаги с зубцов замка, заставляя всех жителей плотнее закрывать ставни. Нечто ужасное надвигалось на его земли. Он не обладал превосходным образованием, но признаки знал. Как и его подданные.

«Когда мой посланник достигнет Троих?» – прорычал он, поворачиваясь к управляющему замка.

«Вивек далеко на севере, оговаривает соглашение с императором, – тот отвечал ему, дрожа от страха. – Альмалексия и Сота Сил в Некроме. Возможно, с ними можно будет встретиться через несколько дней».

Герцог кивнул. Он знал, что его посланники быстры, но не быстрее, чем рука Обливиона.

6, месяц Заката солнца, год 2920-й

Бодрум, Морровинд

Свет факелов в непрекращающемся снегопаде придавал этому месту нечто неземное. Солдаты из обоих лагерей собирались вокруг огромных костров: зима сблизила врагов. Хотя только некоторые данмеры могли говорить на сиродильском, они нашли общий язык, пытаясь найти, где бы согреться. Когда хорошенькая девушка-редгард появилась среди них, чтобы согреться, прежде чем возвратиться в шатер переговоров, многие солдаты из разных армий одобрительно подняли глаза.

Император Реман III хотел уйти с переговоров еще до того, как они начались. В прошлом месяце он полагал, что встреча на месте его поражения армией Вивека будет добрым знаком, но это место навеяло больше горьких воспоминаний, чем он ожидал. Несмотря на возражения потентата Версидью-Шайе о том, что камни у реки всегда были красными, он мог поклясться, что видел кровь своих солдат.

«Мы знаем все подробности соглашения, – сказал он, принимая бокал горячего юэлла из рук Корды, своей возлюбленной. – Но здесь не место для его подписания. Мы должны сделать это в Имперском дворце, со всей помпезностью и роскошью, как того требует такое

историческое событие. Вы должны взять с собой и Альмалексию. И того волшебника».

«Сота Сила», – прошептал потентат.

«Когда?» – спросил Вивек терпеливо.

«Ровно через месяц, – сказал император, широко улыбаясь и неуклюже вставая на ноги. – Мы устроим грандиозный праздничный бал. А теперь я должен погулять. Мои ноги совсем свело от такой погоды. Корда, дорогая, ты погуляешь со мной?»

«Конечно, ваше императорское величество», – сказала она, поддерживая его на пути к выходу из шатра.

«Ваше императорское величество, хотите, я тоже пойду с вами?» – спросил Версидью-Шайе.

«Или я?» – спросил король Дро Зел из Сенчала, новый советник.

«Этого не нужно, я недолго», – ответил Реман.

Мирамор затаился в тех же тростниках, где он скрывался уже почти восемь месяцев назад. Теперь земля была твердой и покрытой снегом, а тростники обледенели. Малейшее движение вызывало хруст. Если бы не хриплые песни армий Морровинда и Империи, собравшихся у костров, он бы не отважился подобраться так близко к императору и его любовнице. Они стояли у излучины замерзшего ручья под утесом, окруженным сверкавшими льдом деревьями.

Мирамор осторожно вытащил кинжал из ножен. Он слегка преувеличил свои способности в обращении с этим оружием в разговоре с Матерью Ночи. Да, он использовал кинжал, чтобы перерезать горло принцу Джуйлеку, но тот тогда не мог сопротивляться. Но все же, разве трудно будет убить этого одноглазого старика? Для такого простого задания не нужно большого мастерства.

Идеальный момент наконец настал. Женщина что-то увидела в лесу необычную сосульку, как она сказала, и побежала за ней. Император остался, смеясь. Он повернулся спиной к убийце, чтобы посмотреть на утес, где его солдаты пели припев своей песни.

Мирамор знал, что уже пора. Осторожно шагая по заледенелой земле, он подошел ближе и нанес удар. Почти нанес.

Почти в то же мгновение он почувствовал, как сильные пальцы держат его руку, а другая всадила кинжал ему в горло. Он не мог закричать. Император все так же смотрел на солдат и не заметил, как Мирамора затянули обратно в кусты и рука, гораздо более умелая, нанесла удар, парализовавший его.

Его кровь мгновенно замерзла на обледенелой земле, и, умирая, Мирамор смотрел как император и его куртизанка возвращались в лагерь на утесе.

12, месяц Заката солнца, год 2920-й

Морнхолд, Морровинд

Только пламя полыхало теперь там, где раньше был внутренний двор Морнхолда, полыхало и вздымалось к облакам. Густой, смолистый дым клубился по улицам, поджигая все деревянные или бумажные изделия. Крылатые существа, подобные летучим мышам, выгоняли горожан из укрытий на открытые места, где их уже ждала

настоящая армия. Единственное, что не давало всему Морнхолду сгореть дотла, была кровь его людей.

Мехрунес Дагон улыбался, видя развалины замка.

«Я ведь мог и не придти, – сказал он, и его голос прогремел над хаосом. – Даже представить сложно, как можно пропустить такое событие».

Его внимание привлек тоненький, будто волосок, лучик света, пронзивший его черно-красное небо. Он увидел его источник, две фигуры – мужчина и женщина, стоявшие на холме над городом. Человека в белых одеждах он мгновенно узнал – Сота Сил, чародей, который уговорил всех принцев Обливиона заключить это бессмысленное перемирие.

«Если вы пришли за герцогом Морнхолда, его здесь нет, – засмеялся Мехрунес Дагон. – Но когда в следующий раз пойдет дождь, вы сможете обнаружить его останки».

«Даэдра, мы не можем убить тебя, – сказала Альмалексия твердым решительным голосом. – Но для тебя это даже к худшему».

И с этим, началась битва двух живых богов и принца Обливиона на руинах Морнхолда.

17, месяц Заката солнца, год 2920-й

Тель-Арун, Морровинд

«Мать Ночи, – сказал стражник. – Письмо от вашего человека в Имперском дворце».

Мать Ночи внимательно прочла записку. Испытание прошло успешно: Мирамора успешно обнаружили и убили. Император был в очень ненадежных руках. Мать Ночи немедленно написала ответ.

18, месяц Заката Солнца, год 2920-й

Балмора, Морровинд

Сота Сил с непроницаемым лицом приветствовал Вивека на большой площади перед его дворцом. Вивек скакал день и ночь, после того как узнал о битве, одолевая милю за милей, пересекая опасные земли Дагот Ура с ужасающей быстротой. На юге в течение всей своей скачки он видел клубящиеся красные тучи, и знал что битва все еще продолжается, день за днем. В Гнисисе он встретил посланника от Сота Сила, который призывал его в Балмору.

«Где Альмалексия?»

«Внутри, – устало молвил Сота Сил. Его подбородок пересекала длинная уродливая рана. – Она серьезно ранена, но Мехрунес Дагон не вернется из Обливион в течение многих лун».

Альмалексия лежала на шелковом ложе, под опекой личных лекарей Вивека. Ее лицо, даже губы, было серым как камень, и кровь просачивалась сквозь повязки. Вивек взял ее холодную руку. Губы Альмалексии беззвучно двигались. Она спала.

Она снова сражалась с Мехрунесом Дагоном в огненной буре. Вокруг нее рушились оставшиеся башни замка. Когти даэдра вонзились в ее живот, наполняя ядом ее вены, пока она душила его. Когда она упала на землю рядом со своим поверженным врагом, она увидела, что горящий замок не был замком Морнхолда. Это был Имперский дворец.

24, месяц Заката солнца, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

Зимняя буря бушевала над городом, обрушиваясь на окна и стеклянные купола Имперского дворца. Колеблющиеся лучи света освещали фигуры.

Император выкрикивал приказания прислуге, продолжалась подготовка к банкету и балу. Это нравилось ему гораздо больше битв. Король Дро Зел занимался подготовкой развлечений, и у него была своя непоколебимая точка зрения на то, как это следует сделать. Сам император занимался деталями обеда. Жареная небрыба, кабачки, супы-пюре, гелерак в масле, кодскрамб, заливной язык. Потентат Версидью-Шайе тоже сделал несколько предложений, но вкус акавирца был весьма специфичен.

Леди Корда проводила императора в его палаты с наступлением ночи.

Год завершается месяцем Вечерней звезды.

Книга XII:

Месяц Вечерней звезды

1, месяц Вечерней звезды, год 2920-й

Балмора, Морровинд

Зимнее утреннее солнце мерцало сквозь изморозь на окне, и Альмалексия открыла глаза. Старый лекарь провел по ее лбу влажной тканью, облегченно улыбаясь. Рядом с ее кроватью в кресле спал Вивек. Лекарь поспешил к шкафу сбоку и вернулся с кувшином воды.

«Как вы себя чувствуете, богиня?» – спросил лекарь.

«Как будто я очень долго спала», – ответила Альмалексия.

«Так и было. Прошло пятнадцать дней, – сказал лекарь и коснулся руки Вивека. – Господин, проснитесь. Она заговорила».

Вивек удивленно поднялся, и, увидев Альмалексию живой и в сознании, широко улыбнулся. Он поцеловал ее в лоб и взял за руку. Наконец-то она начала согреваться.

Внезапно окончился ее мирный отдых: «Сота Сил...»

«Он жив и невредим, – ответил Вивек. – Снова занялся какой-то своей машиной. Сота бы тоже остался здесь, но понял, что поможет тебе больше, занимаясь своим волшебством».

В дверях появился управляющий замком: «Простите, что прерываю вас, господин, но я хотел сообщить вам, что ваш самый быстрый гонец прошлой ночью отправился в Имперский город».

«Посланник? – спросила Альмалексия. – Вивек, что случилось?»

«Я должен был подписать соглашение с императором шестого числа, так что я предупредил его, что это событие надо отложить».

«Ты мне здесь не поможешь, – проговорила Альмалексия, приподнимаясь с трудом. – Но если ты не подпишешь это соглашение, Морровинд снова может быть втянут в войну, на еще восемьдесят лет. Если сегодня ты выедешь с эскортом и поторопишься, ты можешь опоздать в Имперский город только на день или два».

«Ты уверена, что я тебе не понадобится здесь?» – спросил Вивек.

«Я уверена, что Морровинду ты нужен больше».

6, месяц Вечерней звезды, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

Император Реман III восседал на троне, осматривая приемную залу. Вид был захватывающий: серебряные ленты свисали со стропил, подогреваемые котлы сладких трав стояли в каждом углу, пяндонские ласточки кружили в воздухе, распевая песни. Когда зажгут факелы и слуги будут ходить повсюду, вся зала будет казаться сказочной страной. Он уже чувствовал ароматы с кухни, запах специй и жаркого.

Потентат Версидью-Шайе и его сын Савириен-Чорак проскользнули в залу, оба в головных уборах и драгоценностях цаэски. Их золотистые лица не улыбались, по правде говоря, они вообще редко улыбались. Все же император с энтузиазмом приветствовал своего доверенного советника.

«Это должно произвести впечатлений на этих дикарей, темных эльфов, – рассмеялся он. – Когда они придут?»

«Только что прибыл посланник от Вивека, – важно сказал потентат. – Я полагаю, вашему императорскому величеству лучше встретиться с ним наедине».

Император перестал смеяться и кивком отпустил своих слуг. Дверь открылась и в залу вошла леди Корда, неся с собой пергамент. Она закрыла за собой дверь, но не смотрела императору в глаза.

«Посланник отдал письмо моей любовнице? – недоверчиво спросил Реман, поднимаясь, чтобы взять письмо. – Весьма необычный способ доставить послание».

«Само послание тоже весьма необычно», – сказала Корда, посмотрев в его здоровый глаз. Одним быстрым движением она сунула письмо прямо к лицу императора. Его глаза расширились и кровь хлынула на чистый пергамент. Чистый, за исключением маленького черного знака, подписи Мораг Тонг. Пергамент упал на пол, открыв скрытый за ним небольшой кинжал, который женщина повернула, разрезав горло до кости. Император свалился на пол.

«Сколько времени тебе нужно?» – спросил Савириен-Чорак.

«Пять минут, – ответила Корда, вытирая кровь с рук. – Если вы сможете дать мне десять, я буду вдвойне благодарна».

«Хорошо, – сказал потентат в спину Корде, пока она уходила из приемной залы. – Ей бы следовало быть акавиркой, она замечательно управляется с клинком».

«Я должен позаботиться о нашем алиби», – промолвил Савириен-Чорак, исчезая в одном из тайных проходов, о которых знали только доверенные императора.

«Помните, почти год назад, ваше императорское величество, – улыбнулся потентат, глядя вниз на умирающего. – Вы наказали мне запомнить ваши слова: „У вас, акавирцев, множество эффектных приемов, но стоит пройти одному нашему удару, и для вас все кончено“. Я это запомнил, как видите».

Император сплюнул кровь и кое-как пробормотал: «Ты змей».

«Я и есть змей, ваше императорское величество, и внутри, и снаружи. Но я не солгал. И в самом деле прибыл посланник от Вивека. Правда, он несколько запоздал, – пожал плечами потентат, прежде чем исчезнуть в тайном проходе. – Не беспокойтесь, я уверен, что яства не пропадут впустую».

Император Тамриэля умер в луже собственной крови в пустой зале, украшенной к большому празднику. Его нашел один из его телохранителей пятнадцатью минутами позже. Корду нигде не удалось отыскать.

8, месяц Вечерней звезды, год 2920-й

Кейр Сувио, Сиродил

Лорд Главиус, рассыпающийся в извинениях из-за плохого состояния дороги, проходящей через лес, был первым эмиссаром, приветствовавшим Вивека и его сопровождающих. Горящие шары украшали безлистые деревья, окружавшие виллу, покачиваясь от легкого, но прохладного ветерка. До Вивека доносились запахи простой еды и грустная мелодия. Это было традиционное зимнее песнопение акавирцев.

Версидью-Шайе встретил Вивека у входа.

«Я рад, что вы получили известия прежде, чем проделали весь путь до города, – сказал потентат, провожая своего гостя в большую, согретую комнату. – У нас сейчас сложный переходный период, и лучше не заниматься нашими делами в столице».

«Наследника нет?» – спросил Вивек.

«Прямого – нет, но есть дальние, соперничающие из-за трона. Пока мы с этим разбираемся, по крайней мере временно, дворяне решили, что я могу действовать от имени своего покойного повелителя, – Версидью-Шайе сделал знак слугам придвинуть к огню два удобных кресла. – Вы хотите сейчас официально подписать соглашение, или сначала поедите?»

«Вы намереваетесь выполнить соглашение императора?»

«Я намереваюсь во всем поступать как император», – ответил потентат.

14, месяц Вечерней звезды, год 2920-й

Тель Арун, Морровинд

Корда, вся в пыли после дороги, бросилась в объятия Матери Ночи. Мгновенье, они стояли так, Мать Ночи поглаживала волосы

дочери, целовала ее в лоб. Потом, она достала письмо из рукава и отдала его Корде.

«Что это?» – спросила она.

«Письмо от потентата, выражающее восхищение твоим мастерством, – ответила ей Мать Ночи. – Он обещал прислать награду, но я уже написала ему ответ. Покойная императрица довольно заплатила нам за смерть ее мужа. Мефале бы не понравилась излишняя жадность. Двойной платы за одно убийство не надо, так и будет».

«Он убил Ридджу, мою сестру», – тихо сказала Корда.

«И потому именно ты должна была убить его».

«Куда мне теперь идти?»

«Когда любой из наших работников становится слишком знаменитым, чтобы продолжать работу, мы посылаем таких на остров, названный Воуноура. Путешествие на корабле займет около месяца, и я уже приготовила замечательную усадьбу, где ты укроешься, – Мать Ночи поцеловала девушку в щеку. – Ты встретишь там много друзей, и наконец обрешь спокойствие и счастье, дитя мое».

19, месяц Вечерней звезды, год 2920-й

Морнхолд, Морровинд

Альмалексия наблюдала за восстановлением города. Дух горожан поистине воодушевлял, подумала она, проходя мимо каркасов новых домов, вырастающих среди почерневших обломков старых. Растительность тоже оказалась очень живучей. Кусты комберри и рубраша, посаженные вдоль главной улицы, не погибли полностью, в них все еще чувствовалось дыхание жизни. Она чувствовала биение пульса. Приходи, весна, зелень пробьется сквозь угли пожарища.

Наследник герцога, обладающий большими знаниями и храбростью данмер, направлялся сюда с севера, чтобы занять место своего отца. Земли не только выживут: они усилятся и расширятся. Она чувствовала грядущее лучше, чем видела настоящее...

И она была уверена, что отныне и навсегда, Морнхолд будет домом для одной богини.

22, месяц Вечерней звезды, год 2920-й

Имперский город, Сиродил

«Линия рода Сиродил оборвалась, – объявил потентат толпе, собравшейся под Балконом объявлений Имперского дворца. – Но Империя жива. Дальние родственники нашего возлюбленного императора были признаны недостойными трона доверенным дворянством, дававшим советы императору на протяжении его долгого и славного правления. Было решено, что как беспристрастный и верный друг Ремана III, я буду править от его имени».

Акавирец помолчал, ожидая пока его слова раскатятся эхом и население поймет их. А они просто молча смотрели на него. Дождь омывал улицы города, но на миг из-за облаков выглянуло солнце.

«Я хочу прояснить, что не принимаю титула императора, – продолжил он. – Я был и продолжаю быть потентатом Версидью-Шайе, чужаком, которого милостиво приняли у вас. Моим долгом будет защищать приемную родину, и я обещаю неустанно трудиться над этим, пока кто-то более достойный не избавит меня от этого бремени. И моим первым действием, я объявляю, что в ознаменование этого исторического события, с первого числа Утренней звезды мы вступим в первый год Второй эры и время

будет отсчитываться заново. Таким образом, мы отдадим дань мертвому императору и займемся нашим будущим».

Только один человек заплотдировал этим словам. Король Дро Зел из Сеншала на самом деле верил, что это будет самое лучшее, что случилось в Тамриэле. Разумеется, он был несколько не в своем уме.

31, месяц Вечерней звезды, год 2920-й

Эбонхарт, Морровинд

В дымных катакомбах под городом, где Сота Сил создавал будущее своим мистическим часовым аппаратом, случилось нечто непредвиденное. Масляный пузырь просочился из прибора и лопнул. Немедленно, внимание волшебника было привлечено к нему, и к тому, что последовало за этим незначительным происшествием. Труба на полдюйма отклонилась влево. Соскочил протектор. Катушка размоталась, и начала вращаться в противоположном направлении. Поршень, тысячелетиями двигавшийся слева направо, внезапно стал двигаться справа налево. Ничто не сломалось, просто все изменилось.

«Теперь этого не исправить», – тихо проговорил чародей.

Он посмотрел сквозь трещину в потолке на ночное небо. Была полночь. Вторая эра, эпоха хаоса, началась.

Аэдра и даэдра

Аэдра и даэдра

Непосвященным свойственно путаться в таких понятиях, как боги, демоны, аэдра и даэдра. Их нередко используют как взаимозаменяемые.

«Аэдра» и «даэдра» – это не обобщенные термины. Они эльфийского происхождения и выражают точные понятия. Азуру относят к даэдра как в Скайриме, так и в Морровинде. «Аэдра» обычно переводят как «предки», и более точного перевода с эльфийского на сиродильский не существует. Приблизительное значение «даэдра» – «не наши предки». Это различие принципиально для данмеров, фундаментальный раскол в идеологии которых отражен в их мифической генеалогии.

Аэдра ассоциируются с застоем, даэдра же – с изменением.

Аэдра создали мир смертных и прикованы к Костям Земли. Даэдра, которые не могут создавать, обладают силой изменения.

Божественный договор создания предполагает, что аэдра можно убить. Свидетельства тому Лорхан и луны.

Изменчивых даэдра, к которым правило неприменимо, можно только изгнать.

Книга даэдра

Азура, чья сфера заря и закат, магия междуцарствия сумерек, известна как Лунная Тень, Мать Розы и Королева Ночного Неба.

Бозтия, чья сфера обман и тайные сговоры, планы убийств, покушений, предательства и свержения власти.

Клавикус Вайл, чья сфера дарование сил и исполнение желаний посредством ритуалов и соглашений.

Хермеус Мора, чья сфера чтение потоков Судьбы, прошлого и будущего, небес и звезд, он властелин сокровищ знаний и памяти.

Хирсин, в чьем ведении находятся Охота, спорт даэдра, Великая Игра, Погоня, известный как Охотник и Отец Зверолов

Малакат, чья сфера покровительство изгнанникам и презираемым, хранитель Верных Клятв и Кровавых Проклятий.

Мерунес Дагон, чья сфера разрушение, изменения, революции, энергия и амбиции.

Мефала, чья сфера смертными не познана; известна под именами Прядильщица Сетей, Прядильщица и Паучиха; известно лишь, что она вмешивается в дела смертных для собственного развлечения.

Меридия, чья сфера смертными не познана; связана с энергиями всего живущего.

Молаг Бал, чья сфера господство над смертными и порабощение их; более всего он жаждет пожинать души смертных и заманивать их в свои сети, сея семена споров и раздоров в царствах смертных.

Намира, чья сфера древняя Тьма; известная как Дух Даэдра, правитель разных духов тьмы и теней; ассоциируется с пауками, насекомыми, личинками, и прочими отталкивающими тварями,

внушающими смертным непреодолимое отвращение.

Ноктюрнал, чья сфера ночь и тьма; известна как Повелительница Ночи.

Периайт, чья сфера низшие уровни Обливиона, известен как Надзиратель.

Сангвин, чья сфера радость жизни и пирушки, а также снисходительность к темным натурам.

Шеогорат, чья сфера Безумие, и чьи мотивы неизвестны.

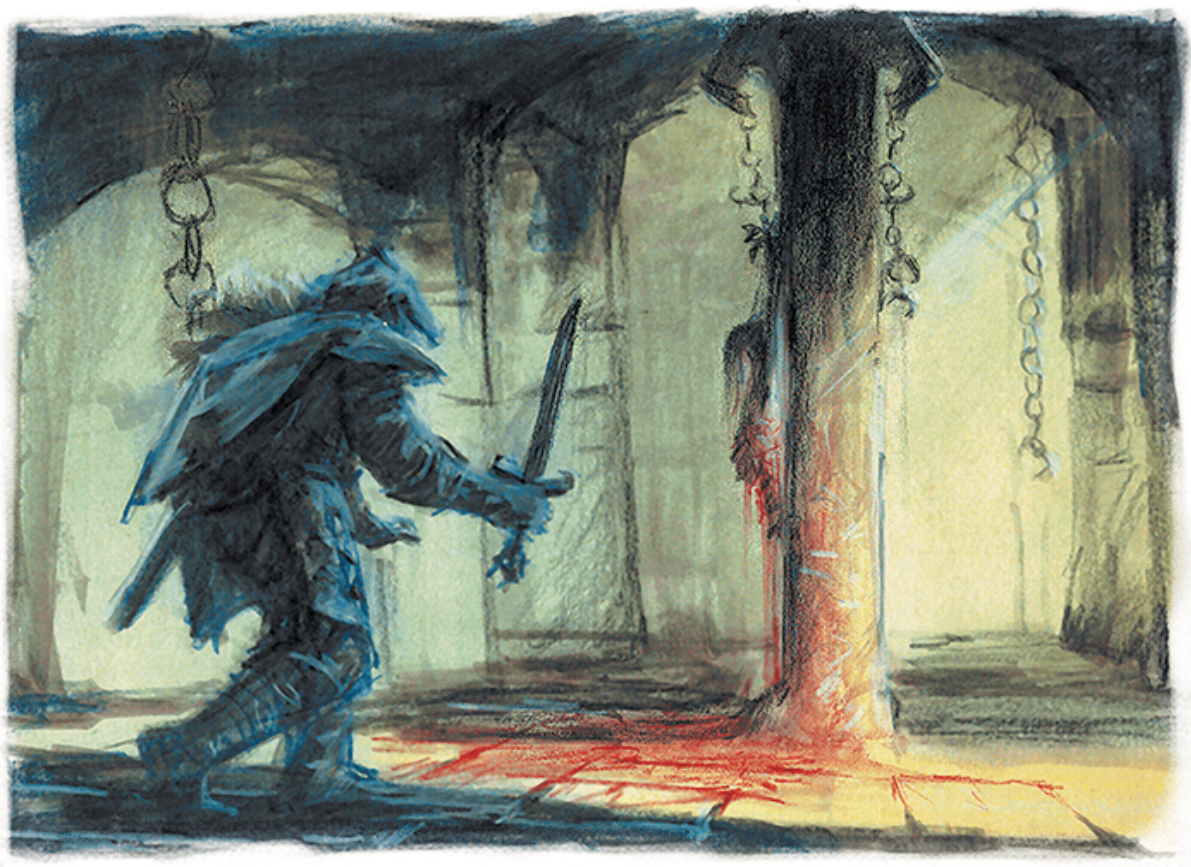

Вермина, чья сфера царство снов и ночных кошмаров, и из чьего царства исходят злые предзнаменования.

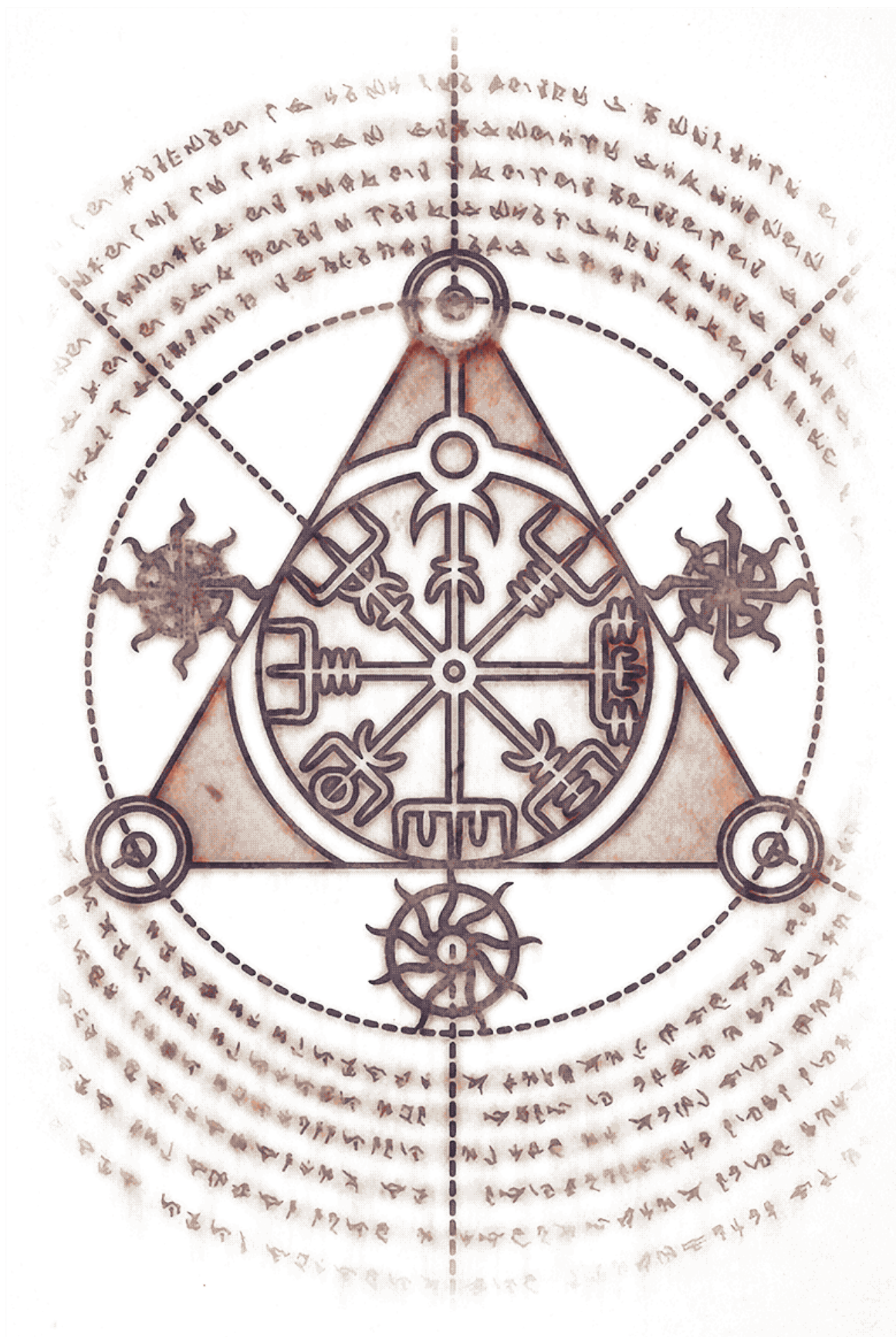
[Под заголовком «Малакат» вы обнаружите особо выделенную ссылку на БИЧ, благословенный Малакатом и предназначенный для смертных. Вкратце, там говорится о том, что всякий даэдра, пытающийся воззвать к силе этого оружия, будет изгнан в потоки Обливиона]

«Из легендарных артефактов даэдра многие хорошо известны, как например Звезда Азуры или Вабба Шеогората. Другие менее известны, как Бич, он же Молот Маккана и Погибель Даэдра...»

«...хотя Малакат благословил Бич для использования против даэдра, он не думал, что булава попадет в руки даэдра и будет служить инструментом в междоусобных войнах между кайтифами и проклятыми. Тогда Малакат проклял оружие так, что если кто-то из темных попытается воззвать к его силе, пустота откроется и захватит этого даэдра, и бросит его в потоки Обливиона, откуда невозможно выбраться в Реальный и Нереальный Миры.»

Handwritten text in a cursive script, likely a historical or religious document, located at the top of the page.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical or religious document, located below the top section.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical or religious document, located on the left side of the diagram.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical or religious document, located on the left side of the diagram.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical or religious document, located on the right side of the diagram.

Handwritten text in a cursive script, likely a historical or religious document, located at the bottom of the page.

Темнейшая Тьма

Неизвестный автор

В Морровинде и верующие, и колдуны призывают меньших даэдра и используют их в качестве слуг и инструментов.

Большинство слуг даэдра может быть призвано колдуном только на очень короткий период, на тонкой и хрупкой грани между принуждением и соединением. Это ограничивает возможность причинить вред, хотя всего за несколько минут большая часть этих слуг может нанести непоправимый урон как тем, кто призывал их, так и их врагам.

Верующие могут привязать к этому миру слуг даэдра при помощи договоров и ритуалов. В результате таких соглашений слуги даэдра остаются в нашем мире навсегда – или, по крайней мере, до тех пор, пока не будут уничтожены их телесные воплощения в нашем плане, тогда их сверхъестественная сущность будет отброшена в Обливион. Когда даэдра встречаются в гробницах или на развалинах зданий, некогда принадлежавших им, они могут оставаться в нашем плане почти сколь угодно долго.

Точно так же, меньшие существа, привязанные лордами даэдра к оружию или доспехам, могут быть вызваны на короткое время или на неопределенный период, пока их оболочки не уничтожат или они не будут изгнаны. Одушевленное оружие и доспехи, призванные верующими Храма или колдунами, являются образцами краткосрочных связей; артефакты даэдра, вроде Бритвы Мерунеса или Маски Клавикуса Вайла – образцы долгосрочных связей.

Трибунал Храма Морровинда разрешил поклонение даэдра, как младшим духам, подчиненным бессмертному АЛЬМСИВИ, триединому божеству Альмалексии, Сота Сила и Вивека. Эти подчиненные даэдра делятся на хороших и плохих даэдра. Хорошие

даэдра охотно уступают власти АЛЬМСИВИ; плохие даэдра – мятежники, отрицающие АЛЬМСИВИ – предательский род, представители которого чаще становятся противниками, чем союзниками.

К хорошим даэдра относятся Боэтия, Азура и Мефала. Алчущий является могущественным и сильным младшим даэдра, связанным с Боэтией, Отцом Интриг – извивающееся, длинноногое существо с длинным хвостом и головой животного, известное тем, что может парализовать одним касанием, а также заставить исчезнуть оружие и доспехи. Крылатый сумрак – посланник Азуры, Богини Рассвета и Заката. Крылатые сумраки напоминают жестоких гарпий Запада, хотя женская часть крылатых сумраков более опасна, а их длинные, острые, крючковатые хвосты куда более смертоносны. Пауки служат Мефале, принимая форму наполовину человека, наполовину паука, причем верхняя половина человеческая, а нижняя часть опирается на восемь ножек гигантского паука. К несчастью, эти даэдра очень свирепы и своенравны и могут отказаться выполнять команды Прядильщицы. Вследствие этого, немногие колдуны решаются призывать таких тварей в Морровинд.

К плохим даэдра относятся Мерунес Дагон, Малакат, Шеогорат и Молаг Бал. Три меньших даэдра связаны с Мерунесом Дагоном: быстрые и мерзкие скампы, злобные звероподобные кланфиры и благородные смертоносные дремора. Гуманоид с головой крокодила называется даэдрот и служит Молаг Балу, а гигантский, но туповатый огрим связан с Малакатом. Младший даэдра Шеогората, золотой святой, на вид полуодетая женщина, устойчив к магии и сам умеет читать очень сильные заклинания.

Другой тип меньших даэдра, часто встречающихся в Морровинде – это атронахи, или элементные даэдра. Атронахи не связаны с лордами даэдра, служат то одному царству, то другому, и меняют пристрастия, поддаваясь искушению, принуждению, или просто если предоставляется такая возможность.

Разновидности даэдра

**Сочинение Арани Дретана,
целителя и жреца-отступника**

Вряд ли нам когда-либо удастся описать иерархию, имеющуюся у даэдра, и понять, каковы их взаимоотношения с лордами даэдра. Несть числа разновидностям даэдра, которые появляются в нашем мире, и многообразию их связей с соплеменниками и лордами. Один раз покажется, что дела обстоят так, другой – совершенно иначе, а на третий раз увидишь какую-то смесь первого и второго, притом самую невероятную.

Какой даэдра служит этому принцу? Кто из даэдра отдает приказы, а кто исполняет? Кто кому подчиняется и при каких обстоятельствах? Какие даэдра дружны между собой, какие даэдра ненавидят друг друга? Какие даэдра всегда действуют в одиночку, какие создают общество, а какие делают то так, то так? Нет пределов разнообразию, наблюдения иногда приводят к одному выводу, иногда к другому, и получается, что все правила противоречивы и на самом деле есть не правила, но исключения.

Да и у кого нам узнать об этих закономерностях? У смертных, которые основывают свои знания лишь на наблюдении иномирных существ? У богов, которые говорят загадками и плетут паутину секретов, чтобы сохранить свое над нами владычество? Или у самих даэдра, которые отнюдь не отличаются прямоотой и правдолюбием, а наоборот, склонны ко лжи и обману?

А если даже даэдра скажут правду, то как мы узнаем, понимают ли они сами то, о чем говорят, и может ли вообще идти речь о каком-то

постоянстве или же все взаимоотношения между даэдра – субъект постоянных изменений?

Резюмируя, узнать мы можем немного, а доверять не можем ничему.

Сказав это, мне следует сравнить то, что я видел и слышал о взаимоотношениях слуг лорда Дагона на протяжении моей краткой службы волшебнику Телванни, Дивайту Фиру – когда пророчества о Нереварине сбылись, Дагот Ура уничтожили, а остров Вварденфелл избавился от Мора навсегда, я разыскал его и предложил умиротворить жертв корпруса в его корпрусариуме.

Дивайт Фир рассказал мне, что общается только с двумя владыками даэдра – Мерунесом Дагоном и Азурой.

Как он отметил, Азура знает и понимает все, но либо не желает говорить, либо говорит загадками.

В противоположность ей, Мерунес Дагон горд, твердолоб и не отличается изяществом мысли, не знает и не понимает ничего, но рассказывает охотно и говорит искренне.

Вошебник также сказал, что главные слуги Дагона, дремора, во всем похожи на своего владыку – горды, прямолинейны, не отличаются особым умом. Однако у них есть свои специфические представления о верности и чести как по отношению друг к другу, так и по отношению к лорду Дагону.

Еще Дивайт Фир сообщил, что дремора разделены на кланы и касты, и деление имеет весьма четкий характер. Каждый дремора может быть повышен и понижен в звании, может менять клан и возвращаться в первоначальный, но только после принесения сложных обетов и лишь по воле лорда Дагона.

Дремора называют себя «кин» («народ»), подчеркивая отличие от остальных даэдра, которых рассматривают как неспособных мыслить животных. Термин «киназ» означает представителя расы дремора («он из кин»). Младшая из каст «кин» – это керлы, чернь, непримечательная толпа дремора низшего ранга. Керлы

беспрекословно подчиняются своим повелителям, но исключительно жестоко относятся к людям и другим даэдра.

Следующими по званию являются кайтифы, простые вилланы, существа исключительного рвения и бездумной энергии. Кайтифы используются как ополчение в войнах даэдра. Это берсерки и налетчики, недисциплинированные и ненадежные, но целеустремленные и усердные.

Высший класс войск дремора – это кинвалы, воины-рыцари, которые зарекомендовали себя в боях и показали осмотрительность и твердость, необходимые боевым командирам.

Над кастами керлов, кайтифов и кинвалов стоят касты офицеров.

Кинривы – это офицеры клана и хранители порядка. Кинривы обычно возглавляют боевой отряд или выполняют административные функции в боевом порядке.

Кинмаршер – лорд и высший офицер даэдрической цитадели, заставы или ворот. Обычно кинмаршер не только возглавляет отряд, но и управляет феодалом или леном – территорией, за которую он отвечает.

Выше кинмаршеров стоят маркиназы, или «великие герцоги». Маркиназ – это владыка владык, и член Маркина, совета лордов Мерунеса Дагона.

Самый высокий ранг дремора – это валкиназ, или «принц». Это воин-герцог, член Валкина, персональной гвардии Мерунеса Дагона. Валкиназы редко заглядывают в Тамриэль; обычно они находятся при особе своего владыки, Мерунеса Дагона, или выполняют роль командующих в особенно важных для Дагона операциях.

О других разновидностях даэдра, что я встречал на службе в корпусарии Дивайта Фира – огримах и золотых святых, даэдротах и крылатых сумраках, скампах и кланфирах – я могу сказать многое, но, увы, не располагаю достоверными сведениями.

Следует лишь добавить, что когда Дивайт Фир искал некоего даэдра, по характеру сходного с дремора, но более могучего, инициативного, обладающего склонностью к независимости или даже властного, он призвал одного из зивилаи. Они напоминают дремора по характеру и темпераменту, но ненавидят подчинение и склонны к неповиновению и предательству, когда чувствуют, что к ним не относятся с должным уважением.

Дикие звероподобные даэдра, такие как кланфир или даэдроты служат многим даэдрическим силам и могут быть названы типичными обитателями диких пустошей Обливиона. Других диких полуразумных даэдра, такие как скампы и даэдра-пауки, также можно найти во владениях разных лордов даэдра.

Что касается элементных атронахов, здесь случай менее понятный. Так, огненные и ледяные атронахи, обладают высоким интеллектом, но не все разновидности элементных атронахов склонны к общению или вообще способны разговаривать. Дивайт Фир предпочитал не вызывать таких созданий и не иметь с ними дел, имел малый опыт общения с ними и не выражал желания беседовать об их природе, так что во время пребывания в Тель Фире мои знания о них не обогатились.

Дух даэдра

Что мы есть для вас

СМЕРТЬ, ПОРАЖЕНИЕ И СТРАХ

Мы не умираем. Мы не боимся смерти.

Убей тело, и анимус уйдет во Тьму. Но анимус вернется.

Однако мы не безрассудны.

Мы чувствуем боль и боимся ее. Мы чувствуем стыд и боимся его.

Мы чувствуем потери и боимся их. Мы ненавидим Тьму и боимся ее.

У скампов мысли мелки, и они не ведают большого страха.

У вермаи нет мыслей, и они не боятся.

У дремора мысли глубоки, и потому им приходится держать страх в узде, чтобы преодолевать его.

УЗЫ КЛАНА

Мы не рождены. У нас нет отцов и матерей, но есть семьи и кланы.

Клановая структура сильна, она формирует тело и мысли.

В клане – сила и предназначение.

УЗЫ ПРИСЯГИ

Мы служим по выбору. Мы служим сильному, чтобы его сила защищала нас.

Служить для кланов – в порядке вещей, но порядок может меняться.

Дремора давно служат Дагону, но так было не всегда.
Порядок цел, пока целы узы присяги, и взаимно доверие.
Когда разрываются узы присяги, приходят боль, стыд, потеря, Тьма
и великий страх.

ЧТО МЫ ДУМАЕМ О ЧЕЛОВЕКЕ

Возможно, вы сочтете скампов забавными, а вермаи – страшными.
И как вы думаете, мы представляем себе человека?
Вы – добыча, мы – охотники.
Скампы – загонщики, а вермаи – мясники.
Плоть ваша сладка, а погоня – веселье.
И как вы можете ценить лису или зайца, восхищаться их
хитростью или проворством и сострадать, когда свора рвет их плоть,
и мы иногда бываем восхищены добычей и втайне аплодируем ей,
когда она обманывает преследователей, или ускользает из силков.
Но как все вещи мира, со временем вы изнашиваетесь и
становитесь негодны. Вы стареете, становитесь уродливы, слабы и
глупы. Вы всегда проигрываете, раньше или позже.
Иногда добыча кусает охотника. Это не очень важно. Устав или
страдая от раны, мы уходим и восстанавливаемся. Иногда можно
потерять что-то ценное, но риск только подхлестывает азарт погони.

ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕКА

Человек смертен и приговорен поражению, потерям и забвению.
Но мы не можем понять – почему вы не отчаиваетесь?

Призыв Азуры

Сигилла Парат

Три сотни лет я остаюсь жрицей Азуры, даэдрической принцессы Лунной Тени, Матери Розы, Королевы Ночного Неба. Каждый Хогитум, 21-го Первого зерна, мы призываем ее, дабы получить от нее наставления и преподнести ее величеству ценные и красивые вещи. Это жестокая, но мудрая госпожа. Мы не призываем ее, если идет гроза, – эти ночи принадлежат Безумному Богу, Шеогорату, даже если приходится на Хогитум. Азура понимает, почему мы осторожны.

Призыв Азуры – событие глубоко личное. Мне довелось служить жрицей трем другим даэдрическим принцам, но с Азурой все иначе – она ценит достоинства своих последователей и искренность почитания. Когда я была юной темной эльфийкой шестнадцати лет от роду, то вступила в ковен моей бабушки, где поклонялись Молаг Бал, Принцессе Интриг. Шантаж, вымогательство и подкуп служат ведьмам Молаг Бал таким же оружием, что и темная магия. Призыв Молаг Бал совершают 20-го Вечерней звезды, если не стоит ненастная погода. Церемонию редко пропускают, однако Молаг Бал в облике смертной является своим последователям и в другие дни. Когда моя бабушка погибла при попытке отравить наследника трона Фаейрвотча, я пересмотрела свою приверженность этому культу.

Мой брат был магом и последователем культа Боэтии – и, по его словам, Темная Воительница была бы мне гораздо ближе по духу, чем злокозненная Молаг Бал. Боэтия – принцесса-воин, чьи действия куда более прямолинейны, чем у других даэдротов. После долгих лет уловок и интриг мне нравилось исполнять поручения госпожи, которые имели прямые и непосредственные последствия. Кроме того, мне импонировало, что Боэтия была даэдра темных эльфов. В

нашем культе ее призывали в день, который мы называли Перчаткой, – 2-го Заката солнца. В ее честь устраивались кровавые состязания, поединки и сражения продолжались до тех пор, пока девять членов культа не погибали от рук своих братьев. Боэтию мало волновали ее последователи – ее интересовала лишь наша кровь. Готова ручаться, что видела ее улыбку, когда я во время учебного боя случайно сразила своего брата насмерть. Мой ужас, похоже, доставил ей немало удовольствия.

Вскоре после этого я покинула культ. Боэтия была для меня слишком бесчувственной, слишком холодной. Мне нужна была госпожа, в которой было бы больше чувств и глубины. Следующие восемнадцать лет своей жизни я не служила никому. Вместо этого я читала и изучала. Наконец в старом богохульном фолианте я натолкнулась на имя Ноктюрнал – Ноктюрнал Повелительницы Ночи, Ноктюрнал Непостижимой. Следуя указаниям книги, я воззвала к ней в ее священный день, 3-е Огня очага. Наконец-то я нашла ту госпожу, о которой так долго мечтала. Я стремилась постигнуть ее запутанную философию, источник ее таинственной скорби. Все в ней было покрыто мраком и тайной, даже ее речь и повеления. Прошли годы, прежде чем я поняла простую истину – мне никогда не удастся понять Ноктюрнал. Загадочность была ее неотъемлемым свойством, как жестокость для Боэтии или коварство для Молаг Бал. Понять Ноктюрнал было бы тем же, что отрицать ее, сорвать покровы, которыми укрыт ее мир тьмы. Хотя я и любила ее, но поняла всю тщетность попыток распутать ее загадки. Вместо этого я обратилась к ее сестре, Азуре.

Из всех принцесс даэдра, которым я служила, лишь Азуре безразличны ее последователи. Молаг Бал был нужен лишь мой ум, Боэтии – мои руки, а Ноктюрнал – пожалуй, мое любопытство. Азура желает этого всего, но еще более – нашей любви. Не раболепия и пресмыкания, а честной и искренней заботы во всех ее проявлениях. Для нее важны чувства ее последователей. Нашу любовь мы также должны направлять и внутрь себя. Если мы будем

любить ее и ненавидеть себя, наша боль передастся ей. У меня не будет иной госпожи, кроме нее.

Ящик Азуры

Древние легенды двумеров

Маробар Сул

Часть XI

Нчильбар провел молодость, полную приключений, но, выросши, стал мудрым и старым двумером, проводящим жизнь в поисках истины и развеивании суеверий. Он многое изобрел и произвел на свет множество научных теорий и логических построений, которым было дано его имя. Но множество вещей в мире все же ставили его в тупик, и не было для него более сложной задачи, чем понимание истинной природы аэдра и даэдра. Исследуя мир, он также пришел к выводу, что множество богов были созданы людьми и мерами.

Был один неразрешимый для Нчильбара вопрос – границы божественной силы. Являются ли величайшие Существа полновластными владыками мира, или же меньшие создания имеют возможность определять собственную судьбу? И когда Нчильбар почувствовал, что жизнь его подходит к концу, он понял, что должен постичь эту последнюю истину.

Среди знакомых мудреца был жрец-каймер, по имени Азиник. Когда жрец был в Бзалаг-Жтурамц, Нчильбар рассказал ему, что намерен заняться природой божественной силы. Азиник пришел в ужас и умолял своего друга не касаться этой мистической загадки, но решимость Нчильбара перебороть было нельзя. В конце концов, жрец решился даже помочь ему в изысканиях во имя их дружбы, но втайне боялся последствий богохульства.

Азиник призвал Азуру. После свершения обычного ритуала, во время которого он провозгласил свою веру в ее божественную мощь, и Азура, явившись, согласилась не причинять ему вреда, Нчильбар и дюжина его учеников вошли в часовню и принесли с собой большую коробку.

«Ты пришла в нашу землю, Азура, Богиня Заката и Рассвета и тайн меж ними... – сказал Нчильбар, пытаюсь притвориться подобострастным и мягким из всех сил. – Говорят, что твое знание абсолютно».

«Это так», – улыбнулась даэдра.

«Ты ведь знаешь наверняка, что находится в этой коробке», – сказал Нчильбар.

Азура повернулась к Азинику, нахмутив брови. Священник немедленно начал объяснять: «Богиня, этот двумер – очень уважаем и мудр. Поверь мне, он не собирается высмеивать твое величие, но всего лишь продемонстрировать его ученым мужам своего народа, традиционно скептически настроенным. Я пытался рассказать ему о твоей силе, но его философия не принимает ничего на веру без демонстрации».

«Я могу продемонстрировать свою мощь народу двумеров, но смотрите, как бы эта демонстрация не оказалась большим, чем вы хотите видеть, – заворчала Азура, и посмотрела Нчильбару в глаза. – В коробке лежит цветок с красными лепестками».

Нчильбар не стал ни улыбаться, ни хмуриться. Он просто открыл коробку, и все увидели, что она пуста.

Когда глаза учеников повернулись к Азуре, ее уже не было на прежнем месте – она исчезла. Только Азиник увидел выражение на лице Азуры перед тем, как она пропала, и он не смог сказать ни слова, дрожа от страха. Он знал, что на них всех пало проклятие, но еще страшнее было осознание продемонстрированной божественной силы. Лицо Нчильбара тоже было бледным, и он нетвердо держался на ногах, но его лицо выражало не страх, а

блаженство. Улыбка двумера, который обнаружил истину, о которой только догадывался ранее.

Два его ученика поддержали его, препровождая к выходу, и еще два поддерживали Азиника.

«Я учился всю жизнь, произвел бесчисленное множество экспериментов, выучил тысячи языков, но то умение, которое открыло мне истину, я приобрел еще тогда, когда был бедным молодым человеком, пытающимся добыть кусок хлеба», – прошептал мудрец.

И когда его вели к постели, красный цветок выпал из рукава его объемистой робы. Нчильбар умер этой же ночью, и лицо его было исполнено удовлетворения, которое приходит только от постижения знания.

Комментарий издателя:

Это – еще один рассказ о мудром, никогда не ошибающемся двумере. Переводы на альдмерский могут разниться в интерпретациях, но суть рассказа всегда одна. У данмеров есть похожая легенда о Нчильбаре, но в данмерской версии Азура распознает обман и отказывается отвечать на вопрос. Она убивает всех двумеров, присутствующих при этом, и проклиняет род данмеров за скептицизм.

В альдмерской версии, Азура обманута не пустой коробкой, а коробкой, в которой находилась сфера, каким-то образом превратившаяся в плоский квадрат. Конечно же, альдмерская версия легенды ближе к двумерскому оригиналу, но и гораздо более сложна для понимания. Быть может, это объяснение в духе «сценической магии» было добавлено Гор Фелимом, поскольку сам Гор Фелим не был чужд подобных трюков, когда использование магии было недоступно.

«Маробар Сул» упоминает и о Нчильбаре, действующем в одиночку, и он в классической версии рассказа воплощает множество двумерских добродетелей. Его скептицизм, пусть даже и не такой абсолютный, как в альдмерской версии, прославляется

даже, несмотря на то, что он вызвал проклятие на род двумеров и безымянный Дом бедняги жреца.

Что бы не представляла собой истинная природа Богов, и ошибались ли на их счет двумеры, или были правы, этот рассказ может объяснить, из-за чего двумеры исчезли с лица Тамриэля. Хотя Нчильбар и подобные ему, быть может, и не ставили своей целью насмешки над аэдра и даэдра, их скептицизм определенно навлек на них гнев божеств.

Предтечи

Неизвестный автор

Даэдра – могущественные духи предков, подобные формой и сущностью Трибунам (да благословенны будут их имена), но более слабые, самоуправные и отдалённые от дел смертных. В старые времена каймеры поклонялись даэдра как богам. Но они не заслуживают такого почитания, ибо даэдра столь же часто вредят своим последователям, как и помогают им.

Пришествие Трибунала (да благословенны будут их имена) изменило сие несчастливое положение дел. По обожествлению Трибунал (да благословенны будут их имена) стал Защитниками и Высшими Духами Предков данмеров и обязал даэдра почитать себя и подчиняться. Три Хороших Даэдра – Боэтия, Азура и Мефала – признали Божественность Триединых Предков (да благословенны будут их имена). Мятежные Даэдра – Молаг Бал, Малакат, Шеогорат и Мерунес Дагон – отказались присягнуть на верность Трибуналу (да благословенны будут их имена), и их последователей изгнали.

Эти Мятежные Даэдра стали Четырьмя Столпами Дома Забот, они продолжают нарушать наше спокойствие и стремятся завлечь неосторожных в сети Ереси и Тёмного Поклонения. Жрецы Храма бдительно следят, не появятся ли признаки возвращения Врагов, и в этом им иногда помогают верные Три Хороших Даэдра, которым известны уловки их непокорных родичей.

Храм называет Хороших Даэдра Предтечами, ибо они есть древние предвестники полного любви покровительства Трибунала. Предтечи – это лорды даэдра Боэтия, Мефала и Азура.

Боэтия – Предтеча Альмалексии, но мужского рода против её женского. Боэтия был тем предком, что просветил эльфов задолго до наступления Мифической эры. Он рассказал им правду об

испытаниях Лорхана и одолел Тринимака, воителя Ауриэля. Боэтия проглотил Тринимака и опорожнился им. Последователи Боэтии и Тринимака намазались землей Тринимака и сменили кожу.

Мефала – Предтеча Вивека, но многоаспектный и андрогенный. Мефала обучил каймеров избегать врагов и убивать их тайно. В те дни каймеров окружало множество противников, поскольку сами они были малочисленны. Мефала основал систему кланов, которые в конце концов стали Великими Домами. Позже Мефала создал Мораг Тонг.

Азура – Предтеча Сота Сила, но женского рода против его мужского. Азура была тем предком, что научил каймеров отличаться от альтмеров. Её учения иногда приписываются Боэтии. В рассказах Азура часто предстает скорее как основательница расы в целом, чем как предок. Она ассоциируется с Рассветом и Закатом, иногда её называют Матерью Душой. Звезда Азуры или Сумеречная Звезда на короткое время появляется на небе под созвездием Коня, когда на рассвете или закате солнце висит низко над горизонтом. Азура также ассоциируется с тайной и магией, судьбой и предсказаниями.

Принц Нищих

История Хитрюги

и его подарков от даэдрического лорда Намиры

В каждом городе Империи мы сталкиваемся с нищими. Эти несчастные жалкие люди вызывают у нас сострадание. Многие из них так бедны, что едва имеют одежду, чтобы прикрыть наготу, и питаются отбросами. Порой мы кидаем им монетку, но редко думаем о том, кто они такие на самом деле.

Представьте мое удивление, когда я услышал рассказ о Принце Нищих. Это рассказ удивил меня донельзя, позвольте удивить им и вас. События относятся к Первой эре, времени, когда боги ходили среди людей, а даэдра безнаказанно охотились в дикоземье. Это случилось еще до того, как даэдра оказались заточены в Обливионе.

Жил как-то на свете мужчина по имени Хитрюга – хотя, быть может, это была женщина, ибо в истории об этом умалчивается. Это был 13-й ребенок короля Валенвудского, и Хитрюге не было суждено ни царствовать, ни унаследовать состояние отца.

Хитрюге пришлось покинуть дворец, чтобы попытаться самостоятельно добиться богатства и славы. Пройдя многими лесными дорогами и побывав во множестве крохотных деревенок, Хитрюга набрел на трех мужчин, которые окружили четвертого – нищего. Тот с головы до ног был закутан в тряпье, и разглядеть черты его лица было невозможно. Мужчины явно намеревались убить его.

С воплем негодования Хитрюга бросился на этих людей, обнажив меч. Поскольку то были обычные селяне, вооруженные вилами и косами, они бросились прочь от воина в доспехах, размахивающего сверкающим мечом.

«Благодарю за спасение», – прохрипел нищий из-под кучи своих мерзких лохмотьев. Хитрюга отшатнулся от удушающей вони.

«Как твое имя, несчастный?» – спросил Хитрюга.

«Я – Намира».

В отличие от селян, Хитрюга получил недурное образование, и это имя сказало ему о многом. Хитрюга понял, что судьба предоставила ему шанс.

«Но ты же лорд даэдра! – воскликнул Хитрюга. – Отчего же ты терпела преследования этих людей? Ты могла уничтожить их парой слов».

«Мне приятно, что ты узнал меня», – ответила Намира. – «Да, селяне часто оскорбляют меня. Однако меня радует, когда меня узнают по имени, если не по обличью».

Хитрюга знал, что Намира – лорд даэдра, в чьей власти находятся вещи отвратительные и гадкие. Проказа и гангрена были ее царством. Но там, где остальные видели опасность, Хитрюга увидел шанс для себя.

«О великая Намира, дозвожь мне стать твоим учеником. Я прошу тебя дать мне власть, которая обеспечила бы мне состояние, и имя, которое люди будут вспоминать через века».

«Нет. Я иду по свету в одиночестве. Ученики мне не нужны».

И Намира заковыляла прочь по дороге, но от Хитрюги было не так просто отделаться. Падая к ногам даэдра, Хитрюга умолял ее взять его в ученики. Целых тридцать три дня и тридцать три ночи пресмыкался Хитрюга. Намира молчала, но причитания Хитрюги не иссякали. И наконец на тридцать третий день Хитрюга совсем охрип.

Намира поглядела на внезапно замолчавшего спутника. Хитрюга стоял на коленях в грязи, в мольбе протянув к ней руки.

«Кажется, свой урок ты уже получил, ученик, – объявила Намира. – Я дам тебе то, чего ты просишь».

Хитрюга был вне себя от радости.

«Я дарую тебе силу болезни. Ты можешь выбрать любую болезнь для себя, из тех, что имеют внешние проявления, и сможешь менять

эти хвори по своей воле. Однако ты всегда будешь поражен хотя бы одной из них.

Я также даю тебе силу жалости. Ты будешь вызывать жалость в каждом, кто увидит тебя.

И, наконец, я дарю тебе силу презрения. Ты будешь возбуждать презрение во всех, кто бросит на тебя взгляд».

Хитрюга был ошеломлен. Это были вовсе не те дары, что вели к достижению богатства. Это были проклятия, ужасные по отдельности и просто сокрушительные вместе.

«И как же мне заработать состояние и сделать себе имя?»

«Ты пресмыкался тридцать три дня и тридцать три ночи. Ступай к людям и моли их о милостыне. Среди нищих Тамриэля твое имя войдет в легенду, а история о Хитрюге, Принце Нищих, до конца света будет передаваться из уст в уста».

И было так, как предсказала Намира. Хитрюга стал нищим. Никто не мог смотреть на бедолагу, не испытыв непреодолимого желания бросить ему монетку, и вскоре он понял, что сила презрения дает прекрасную возможность получить доступ к секретам мира сего. В присутствии Хитрюги люди не боялись разговаривать на любые темы и не обращали на его внимания. В каком бы городе Хитрюга ни находился, вскоре он узнавал все о его жителях.

И по сей день, если вы хотите узнать какую-то тайну, вам стоит попробовать расспросить нищих. У них глаза и уши во всех городах. Они знают гораздо больше, чем могут подумать те, кто с презрением проходит мимо них.

Изменившиеся

Изо всех Эт'Ада, блуждавших по Нирну, сильнейшим был Тринимак. Он долго дурачил алдмеров, заставляя их думать, что слёзы есть лучший ответ Разлуке. Они рыдали и стыдили наших предков, особенно женщин. Они даже поминали все имя Потерянного Бога, и сомневались в Его речах. И в один прекрасный день Боэта, Принц Интриг, полный сил юности, хитростью заманил Тринимака себе в рот. Тогда Боэта заговорил голосом Тринимака, и собрались люди слушать его. Боэта рассказал им о лжи Эт'Ада, даэдра, и сказал, что Тринимак был величайшим лжецом, и все это голосом Тринимака! Боэта раскрыл собравшейся толпе Истину с Тремя Углами. Вместе с Мефалой он показал им законы Целей Псиджик. Он научил их, как строить дома, и что следует закапывать в углах. Он показал, как правильно носить кожу. Он открыл путь к достижению Исхода. Потом на глазах у всех Боэта выплюнул Тринимака, чтобы доказать, что все его слова – истина. И было это легко, ибо его народ стал Изменившимися.

Ваббаджек

Маленьким мальчикам не стоит вызывать силы вечной тьмы, разве что под присмотром взрослых, я знаю, знаю. Но той солнечной ночью на пятое месяца Первого зерна мне не нужны были взрослые. Мне был нужен Хермеус Мора, даэдра знаний, учения, гранита и грызни. Видите ли, красивый широкогрудый человек, который жил под библиотекой в моем родном городе, сказал мне, что 5-го месяца Первого зерна наступает ночь Хермеуса Мору. И если я желаю получить Огма Инфиниум, книгу знания, мне следует вызвать его. Когда ты становишься новым королем Солитьюда, ни одна крупца знания не будет лишней.

Обычно для вызова принца Обливиона требуется ковен ведьм, или Гильдия магов, или хотя бы наволочка и простыни. Человек Под Библиотекой показал мне, как сделать это самому. Он сказал, что нужно дождаться разгара шторма, прежде чем брить кошку. Остальную часть церемонии я забыл. Но это не имеет значения.

Появился некто, кого я счел Хермеусом Морой. Меня немного смутило, что этот тип похож был на банкира в жилетке, а из прочитанного следовало, что Хермеус Мора – это большое бесформенное многоглазое чудище с клешнями. Еще он почему-то упорно называл себя Шеогоратом, а не Хермеусом Морой. Однако я был так рад, что успешно вызвал Хермеуса Мору, что эти несоответствия не беспокоили меня. Он заставил меня сделать несколько бессмысленных вещей (полагаю, лежащих за пределами знаний и понимания смертных), а затем его слуга со счастливой улыбкой вручил мне нечто, что он назвал Ваббаджек. Ваббаджек. Ваббаджек.

Ваббаджек.

Ваббаджек. Ваббаджек. Ваббаджек. Ваббаджек. Ваббаджек.
Ваббаджек.

Может быть, Ваббаджек – это Книга Знания. Может быть, я умнее прочих, потому что знаю, что кошки могут быть мошками, могут быть мышками, могут быть пышками, могут быть пешками, могут быть вешками, могут быть вашими, могут быть нашими. А ваши двери могут быть зверями, могут быть морями, могут быть моими, могут быть твоими. Эта система связей абсолютно ясна для меня, а значит,

я умен. Тогда почему и для чего люди продолжают называть меня сумасшедшим?

Ваббаджек. Ваббаджек. Ваббаджек.

Жена дровосека

Том 1

Рассказано Могеном, сыном Молага

В легенде говорится о дровосеке, что выстроил хижину в глубине соснового леса. Там он надеялся мирно зажить со своей семьей.

Некоторое время семья дровосека жила в достатке, но внезапно настал колючий мороз и погубил весь урожай. Вскоре их скромные запасы еды истощились, и семью постиг голод.

Однажды поздним снежным вечером в дверь хижины постучался странник, желая укрыться от колючей стужи. Добросердечный дровосек пригласил незнакомца войти, извиняясь, что ему нечем угостить гостя.

Улыбнувшись, странник сбросил свой плащ, и все увидели, что одет он был как настоящий маг. На глазах у дровосека и его семьи таинственный незнакомец запустил руку в сумку и извлек свиток, связанный серебристой лентой. Едва лишь волшебник раскрыл свиток и громко прочел слова, как пред ними из ниоткуда появились богатые яства. В ту ночь никто в хижине дровосека не лег голодным.

День за днем снег все валил и валил. Каждый вечер маг извлекал из своей сумки новый свиток и читал слова, и каждый раз являлись новые яства. На пятую ночь жена дровосека разбудила мужа и призналась ему, что не доверяет их магическому гостю. Наверняка, говорила она, за все волшебные трапезы, которыми они все угощались каждый вечер, придется заплатить какую-то цену.

Дровосек и слышать ничего не хотел. Еще недавно его семья чуть не умирала от голода, а теперь все были сыты. Это дар богов, заявил он, и глупо сомневаться в их мудрости.

Но жена дровосека не успокоилась. С каждой ночью она все более страшилась и все более отчаивалась. Она была убеждена, что они, сами того не зная, заключили негласный договор и скоро придет час, когда маг потребует за свои дары страшную цену.

Когда все в хижине спали, жена дровосека неслышно выбралась из кровати и схватилась за топор мужа. Она пробралась в комнату странника и одним ударом снесла ему голову.

Вдруг отрубленная голова волшебника очнулась. Его глаза широко раскрылись, и, когда тот увидел свое обезглавленное тело, он исторг жуткий крик.

Проснувшись от этого чудовищного крика, дровосек с детьми сбежали в комнату и остолбенели от ужаса, увидев обезглавленного мага.

На последнем издыхании маг наложил кошмарное проклятие на жену дровосека. Когда придет ее последний час, она будет обречена восстать из могилы и каждую ночь бродить по лесу, чтобы поутру сгорать в лучах восходящего солнца.

И до сих пор странствующие поздно ночью по сосновому лесу рассказывают, что видели меж деревьев плачущую женщину. Говорят, что в руке у нее окровавленный топор и вид ее ужасен.

Хижина в лесу

Том II

Рассказано Могеном, сыном Молага

Однажды поздней ночью, несколько лет назад, один солдат, одержав победу в череде кровавых битв, возвращался домой. Он решил, что сможет сэкономить пару монет и пройти сосновый бор пешком, не тратясь на повозку или лошадь.

Первый день его путешествия был весьма беден на события – солдат держался главной дороги и шел в быстром темпе. Когда начало смеркаться, он расстелил свой спальный мешок, развел небольшой костер и зажарил пойманного в пути кролика. «Да, денек выдался неплохой», – подумал он, засыпая.

Когда ночь уже вступала в свои права, солдат был разбужен тихими рыданиями, слышными вдалеке. Он схватил меч, полагая, что это может быть одной из приманок бандитов, но притворился спящим, чтобы напасть на них неожиданно в случае опасности. Через несколько минут звук рыданий стал удаляться и наконец стих совсем. Остаток ночи солдат спал урывками.

На второй день солдат очнулся от беспокойного сна и продолжил свой путь быстрее, намереваясь уйти подальше от источника рыданий, которые он слышал прошлой ночью. После полудня зарядил сильный дождь, и солдат построил себе небольшой шалаш, чтобы спокойно переночевать и не вымокнуть до нитки.

На этот раз он долго не мог заснуть, пытаясь забыть о событиях прошлой ночи, но в конце концов ему это удалось.

Он вновь был разбужен рыданиями, раздававшимися совсем близко от его шалаша. Солдат крепче сжал меч и выбрался из

своего хлипкого убежища. У костра он увидел призрачную женскую фигуру, склонившую голову на сложенные руки и плачущую навзрыд.

Солдат собрал все свое мужество и спросил, что произошло.

Ответа не последовало.

Он начал медленно приближаться к женщине, но прежде чем он успел подойти к ней, она обернулась и страшно закричала. Призрачная фигура подняла топор и побежала на солдата – и внезапно исчезла за несколько шагов до него.

Солдат бросился бежать в ночь, прихватив только свой меч. Он бежал, пока не забрезжил первый луч рассвета. Тогда он вернулся на главную дорогу и продолжал идти так быстро, как только мог.

Погода на третий день была солнечной и ясной, но солдат, утомленный быстрой ходьбой и бессонной ночью, этого даже не заметил. Он шел так быстро, как только мог, стремясь выбраться из леса до наступления темноты.

Когда солнце уже начало заходить за горизонт, он заметил прямо у дороги небольшую хижину и подумал, что в ней можно было бы укрыться на ночь. Войдя в хижину, он долго проверял засовы на двери и окнах, подпирал их имеющейся в доме мебелью, чтобы никто точно не смог проникнуть к нему ночью.

Несмотря на все старания, заснуть ему не удавалось. Он сидел в комнате, которая когда-то служила спальней, смотрел на заставленную мебелью дверь и никак не мог справиться с дрожью. Но усталость взяла свое, и солдат все-таки забылся тяжелым сном.

На этот раз его разбудил громкий смех за дверью. Смех был женским, но солдат отказывался поверить, что это та же самая женщина, что преследовала его уже три ночи.

Солдат лихорадочно отпихнул так и не пригодившуюся баррикаду из мебели и ворвался в гостиную, и увидел ту самую призрачную женскую фигуру. На это раз она стояла с топором в руках и смотрела в пол, истерически смеясь.

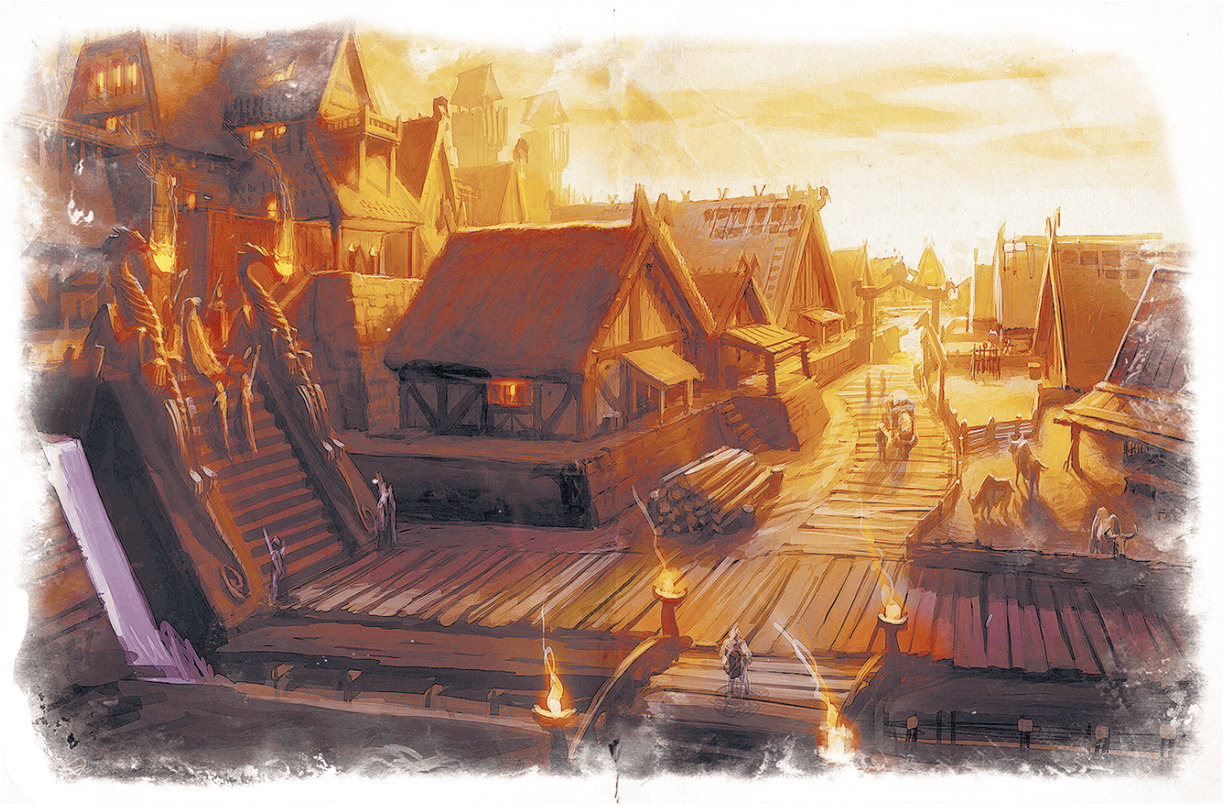
Солдат начал без устали атаковать призрака, но удары его меча не наносили ей никакого вреда. Он вытащил свиток огненной стрелы и дрожащими руками пустил его в ход. Сгусток огня пронзил женщину, и она, издав крик боли, взорвалась, не оставив после себя и следа.

Призрак был повержен, и суровое испытание солдата подошло к концу.

Той ночью солдат наконец-то выспался и на следующий день одним махом преодолел остаток пути. С последними лучами солнца он вышел из леса и обернулся, вспоминая о событиях прошлых ночей.

Когда он развернулся и пошел прочь от леса, он мог поклясться, что слышит за спиной приглушенные рыдания.

Дом забот

Среди древних духов, сопровождавших святого Велота и Кимера в землю обетованную Морроувинда, четыре лорда даэдры, Малакат, Мехрун Дагон, Молаг Бал и Шеогорат, известны под именами Четырёх Столпов Дома Забот. Эти лорды воспротивились указанию Трибунала, учинив великую бойню между кланами и Великими Домами.

Малакат, Мехрун Дагон, Молаг Бал и Шигорат священны в своей роли препятствий на Испытании. Со временем они стали иногда ассоциироваться с различными врагами, такими как Нордлиги, Акавири или горные орки.

Малакат – это оживлённые экскременты, которыми был заполнен Тринимак. Малакат слабый, но мстительный бог. Тёмные эльфы называют его Малак, и считают покровителем орков. Он испытывает силу Данмера.

Молаг Бал в Морроувинде считается Королём Насилия. Он пытается прервать Династии и по-всякому навредить роду Данмер. Раса монстров, живущая в Молаг Амуре, это результат совращения им Вивека во время предыдущей эры.

Шигорат – это Безумный Бог. Он постоянно проверяет Данмеров на духовную слабость. Во многих легендах один род Данмера вызывает его для борьбы с другим; в половине этих легенд он не предаёт тех, кто его вызвал, ещё более запутывая положение вещей (может он хочет помочь нам? Разве он не враг?). Его часто ассоциируют с тем ужасом, который испытывают другие расы по отношению к данмерам, особенно те, которые, как Империя, могут быть выгодными союзниками.

Мехрун Дагон – бог разрушений. Он ассоциируется с природными катастрофами, такими как пожары, землетрясения и наводнения. Для некоторых он олицетворяет собой Морроувинд. Он проверяет, хочет ли Данмер выжить и бороться дальше.

Поклонение этим четырём злым духам противоречит закону и догмату Церкви. Однако, четыре Столпа редко ошибаются, когда ищут жадных, жестоких и безумных людей. Они подчиняют таких людей и делают своими слугами. По древнему закону Церкви, а также по закону империи, за головы ведьм и ведьмаков назначается награда. Императорский гарнизон вместе с Ординаторами и Вечной Стражей Церкви охотится за этими преступниками, стараясь выследить их и уничтожить в любом уголке населённых или пустынных земель.

Опускулус Лами Бал та Меззаморти

Краткий рассказ о Лами Бал и неупокоении в смерти

Мабей Айвенил, летописец

Перевод

Издательство Университета Гвилима; 3Е 105

Чем ярче сияет свет, тем гуще тени. И взглянул даэдра Молаг Бал на Аркея и узрел, что гордится аэдра своей властью над смертью людей и меров, и была в том истина.

Бал, чьей сферой является притеснение и мучение душ смертных, искал возможности навредить Аркею. Уверен был Аэдра, что ни люди, ни эльфы, ни звериные народы Нирна не могут избежать смерти. И решил тогда Молаг Бал обмануть смерть.

Тамриэль был все еще юн, наполнен опасностями и чудесами магии, когда Бал принял обличье человека и взял деву, Лами Беолфег, из недийского народа. Жестоко и грубо Бал надругался над ней, и из криков ее родились Визжащие Ветры, что доселе гуляют по фьордам Скайрима. Уронив на чело ее одну каплю крови, Бал покинул Нирн, ибо ярость его была уже посеяна.

Лами, оскверненную и недвижимую, нашли кочевники и стали ухаживать за ней. Минули две недели, шаманка облачила Лами в саван, поскольку смерть пришла к той. По обычаю соорудили кочевники костер, дабы обратить бречное тело в пепел. Той ночью Лами поднялась со своего погребального ложа и бросилась на

племя, все еще объята пламенем. Она разрывала горло у женщин и выедала глаза у детей, а мужчин насиловала так же жестоко, как поступил с ней Бал.

Так Лами (которую знаем мы как кровавую матрону) распространила нечестивое проклятье на народ Тамриэля и породила породу бесчисленных мерзких тварей, из которых и произошли вампиры, наихитрейшие из созданий ночи. Так ударил бич не-смерти по Тамриэлю, злобно насмехаясь над циклом жизни и смерти Аркея на все будущие эры эт'Ада, и ко всей своей печали знал Аркей, что сотворенное нельзя исправить.

Среди драугров

Автор: Бернадетта Бантьен, Коллегия Винтерхолда

Только на седьмой месяц моей жизни рядом с ними они, кажется, приняли меня. Хотя вряд ли «приняли» в строгом смысле слова – скорее решили, что я не представляю для них угрозы, и постепенно прекратили нападения. Пусть мне и удавалось их сдерживать без особого труда (для этого обычно хватает сочетания огненной магии и заклинаний отпугивания нежити), признаюсь, что к тому времени я уже изрядно устала от необходимости постоянно быть начеку.

Возможно, они договорились оставить меня в покое – я так и не поняла, ибо звуки, которые они издают, происходят из такого непонятного и чуждого мне языка, что я не могу их воспроизвести, не то что записать. Их намерения выдают только глаза, и вынуждена признаться, что не одну ночь меня мучили кошмары о горящих во тьме двух точках неподалеку.

Меня всегда интересовало, почему древние жрецы драконьего культа настаивали на том, чтобы их последователей хоронили вместе с ними. На первый взгляд перед нами наивысшее проявление языческого тщеславия – утащить своих подданных за собой в могилу. Но, регулярно наблюдая за драуграми, я заметила нечто необычайное. Каждый день группа драугров – каждый раз новая – выбиралась из своих ниш, ковыляла до саркофага жреца и распластывалась перед ним. Пролежав так несколько часов без движения, драугры вставали и принимались за тщательную уборку. Как будто последователи жреца продолжают поклоняться ему даже после смерти – кстати, эта гипотеза объяснила бы и ту ярость, с которой они оберегают его покой.

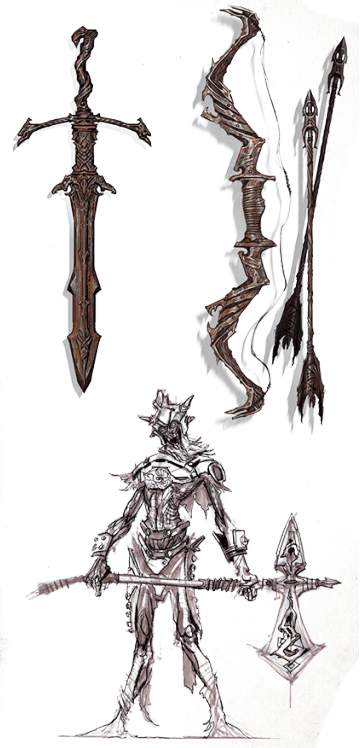
Несколько недель потребовалось мне, чтобы самой приблизиться к захоронению драконьего жреца. Шаг за шагом я продвигалась к

нему, пока сердито ворчащим драуграм вокруг, похоже, не надоело противодействовать моей скромной персоне. Мне удалось установить вокруг саркофага несколько простых поисковых заклинаний, чтобы определить, какого рода магические энергии скрыты внутри. Когда следующая группа драугров пришла выказать свое уважение жрецу, я заметила возмущение магического баланса – а именно несомненный перелив жизненной силы от последователей к их повелителю.

И тогда я наконец поняла, что драконий культ имел в виду под возрождением. Вторая вечная жизнь обещалась лишь тем, кто занимал высшие позиции в культе и становился жрецом, а низшие должны были отдавать свои жизненные силы и поддерживать вечное существование этих жрецов. Я не знаю, из какого вечного источника они черпают силу, но очевидно, что каждый драугр несет в себе мельчайшую частичку жизни, восстанавливая ее по ночам, пока покоится в своей нише. Теперь мне кажется, что те гротескные существа, которые теперь обитают в курганах, при погребении были обыкновенными мужчинами и женщинами и только по прошествии тысяч лет превратились в тех ужасных созданий, которых мы видим. То есть если бы мы посетили курганы сразу после того, как они были построены, то могли бы даже не понять, что их обитатели мертвы!

Это открытие и вытекающие из него выводы воодушевляют меня, и я жду не дождусь возвращения в курганы. Я остановилась в Коллегии лишь для того, чтобы сделать эти записи и набрать побольше припасов, чтобы в следующий раз провести под землей больше времени. Теперь я надеюсь освоить какой-нибудь простейший способ общения с драуграми – только представьте, что они могут рассказать нам о давних временах, скрытых в тумане забвения!

Шестнадцать аккордов безумия

История Хирсина

Том VI

Неизменно гордый и уверенный в себе, Безумный Принц Обливиона, стоя как-то на пятый день Середины года среди бесплодных пиков Скайрима, решил предложить Хирсину пари. Бог-Охотник материализовался, ибо то был его день, и заинтриговала его самонадеянность Шеогората.

Несравненно противоречивый, Шеогорат держит в своём царстве хихикающих бездельников, пламенных творцов и жестоких убийц. Безумный Принц заключает бесполезные сделки и провоцирует бессмысленные кровопролития лишь для того, чтобы порадоваться чужому смущению, горю или ярости. Вот его подмостки, и на этой сцене он собрался помериться силами с Хирсином.

Притворно смутившись, хитрый принц предложил состязание – пусть каждый из них вырастит зверя, и через три года, час в час, на этом же месте их питомцы сойдутся в смертельной схватке. Не выразив никаких эмоций на своей устрашающей физиономии, Хирсин согласился. Оставив после себя лишь облачко поднявшихся снежинок, принцы вернулись каждый в своё царство.

Самоуверенный, но знающий Шеогората как ловкача, Хирсин тайно взрастил жуткую тварь в своём скрытом домене. Он призвал древнего даэдрота и пропитал его отвратительным проклятьем ликантропии. Чёрное, как смола, сердце, зазубренные челюсти... у этого невыразимого кошмара не было равных даже среди величайших охотников Хирсина.

Прошло три года, в назначенный день Хирсин вернулся на условленное место. Шеогорат уже поджидал его, сидя скрестив ноги на камушке, и тихо насвистывал. Принц Охоты ударил копьём оземь, вызывая своё сверхъестественное рычащее чудище. Сняв шляпу, спокойный как всегда, Шеогорат встал и отступил в сторону, открыв взору крошечную пёструю птичку, устроившуюся на камне. Она сдержанно чирикнула, голос её был чуть слышен в порыве ветра.

Стремительным рывком даэдрот прыгнул к камню, оставив от него лишь кучу осколков. Полагая себя победителем, монстр оскалил окровавленные челюсти в насмешливой ухмылке, и тогда очаровательная песенка уладила бодрящий воздух. Маленькая птичка легко поскакала по морде взбешённого даэдрота. Шеогорат со сдерживаемой улыбкой наблюдал, как крошечное существо вспрыгнуло на осколок камня, застрявший в чешуе огромного зверя, прямо меж его пугающих глаз. С яростным воем оборотень ослепил себя, пытаясь избавиться от помехи. Шли часы. Хирсин со стыдом видел, как самый совершенный его питомец методично уничтожает себя, пытаясь расправиться с птичкой, похоже, не обращающей на него никакого внимания и всё поющей одиноким скалам свои грустные песенки.

Когда же чудище наконец пало, Хирсин в ярости спалил искалеченный труп и отступил в своё царство, сыпля ругательствами на забытых языках. Его проклятья всё ещё висят над теми вершинами, и никто из путешественников не задерживается в тех краях, опасаясь встретить там воплощение ужасного божества.

Шеогорат посадил крошечную певунью себе на плечо, повернулся, спустился с гор и направился навстречу тёплым ветрам и ярким закатам Абесинского побережья, насвистывая в унисон с мельчайшим из воителей Тамриэля.

Том IX

История Вермины

Дариус Шано бежал из всех сил.

Он не знал, от чего бежит и куда, но его это не волновало. Одно желание переполняло его разум – бежать, больше ничему там места не находилось. Он оглядывался в поисках примет, чего-нибудь, что позволило бы ему определить, где он находится, но тщетно – плоская равнина, по которой он бежал, простиралась от горизонта до горизонта. «Просто бежать, – думал он про себя. – Я должен бежать так быстро, как смогу». Он все мчался и мчался, и не было конца его бегу – не на чем было остановиться ни мысли, ни взгляду...

Над Дариусом Шано, мирно лежащим в своей кровати, стояли его госпожа, Вермина Плетельщица Снов, и Безумный Бог Шеогорат. Вермина с гордостью смотрела на своего последователя и хвалилась своим маленьким сокровищем.

«У него такой потенциал! Вдохновляющими грезами я взрастила его литературный талант от отрочества до зрелости, и теперь его провозглашают выдающимся бардом и поэтом! Он заслужит немалую славу, прежде чем надоест мне». Шеогорат тоже пристально взглянул на юного бретонца и увидел, что он вправду успел стать знаменитостью среди смертных.

«Хмм, – задумался Шеогорат, – но многие ли ненавидят этого созданного тобой смертного? Ведь именно ненависть смертных подтверждает величие, а не их любовь. Несомненно, ты сможешь добиться и этого, не так ли?»

Вермина прищурилась: «Да, смертные действительно нередко бывают глупы и мелочны, и, правда, что многие лучшие из них были презираемы. Не беспокойся, безумец, ибо я смогу добиться многих форм признания для него, и ненависти в том числе».

«Возможно, Плетельщица Снов, будет забавно узнать, у кого из нас есть такие силы? Возбуди глупую, высокомерную ненависть к этому смертному за десять лет, а потом я сделаю то же самое. Мы увидим, кто из нас более талантлив. Условимся лишь о том, чтобы в этом деле не было прямой помощи или вмешательства кого-либо из даэдра».

Тут она почувствовала уверенность в себе. «Безумный Бог действительно силен, но эта задача создана именно для меня. Смертных отталкивает безумие, но редко его считают достойным ненависти. Я с удовольствием докажу это тебе, когда извлеку тончайшие оттенки кошмаров из подсознания этого смертного».

Так на девятнадцатом году жизни сны Дариуса Шано начали меняться. Ночь всегда несла в себе страх, но теперь к нему добавилось кое-что еще. Тьма начала вползать в его дрему, тьма, высасывавшая все чувства и краски, оставлявшая после себя лишь пустоту. Когда это случалось, он раскрывал рот для крика, но обнаруживал, что тьма забрала и его голос тоже. Все заполнялось ужасом и пустотой, и каждая ночь приносила ему новое понимание смерти. Однако, просыпаясь, он не чувствовал страха, ибо был уверен, что его госпожа делает это с какой-то ведомой ей целью.

Действительно, однажды ночью Вермина сама выступила из пустоты. Она приблизилась к нему вплотную, столь близко, что могла шептать ему в ухо.

«Смотри внимательно, мой любимый!» С этим она сдернула пустоту прочь и наполнила сны Дариуса картинами наиболее ужасных извращений натуры. Люди со снятой кожей, пожираемые другими людьми, невообразимые звери со многими конечностями и пастями, сожжение целых народов – всю ночь он слышал их крики и вой. Со временем видения разъели его душу, и в его произведениях стали отражаться преследующие его кошмары. Сны, приходившие ему ночами, воплощались на бумаге; чудовищное зло и пороки, сочившиеся со страниц его трудов, и возмущали, и восхищали публику. Она упивалась каждой отвратительной деталью. Находились те, кто открыто наслаждался этими шокирующими творениями, а его популярность в их среде лишь питала ненависть тех, кто находил его работы омерзительными. Так продолжалось несколько лет, в течение которых скандальная известность Дариуса постоянно росла. Вдруг, на двадцать девятом году его жизни, без предупреждения сны и кошмары прекратились.

Дариусу полегчало, он больше не испытывал ночных мук, но был смущен. «Чем я огорчил свою госпожу? – вопрошал он. – Почему она покинула меня?» Вермина не отвечала на его мольбы. Никто не отвечал, и беспокойные грезы оставили Дариуса, позволив ему наслаждаться долгим, глубоким сном.

Интерес публики к трудам Дариуса Шано угас. Его проза утратила новизну, и идеи не вызывали прежнего шока и ярости у людей. По мере того, как память о дурной славе и ужасающих видениях таяла, вопросы, клубившиеся в его мозгу, постепенно переросли в обиду на Вермину, его бывшую госпожу. Обида трансформировалась в ненависть, из ненависти выросла насмешка, а со временем насмешка сменилась неверием. Постепенно стало ясно – Вермина никогда не говорила с ним; видения были просто плодом больного разума, наконец-то исцелившегося. Он был обманут собственным подсознанием, гнев и стыд переполняли его. Человек, когда-то

разговаривавший с божеством, постепенно скатился к ереси.

Со временем вся горечь, сомнения и кощунство объединились в новой философии, пронизавшей все последующие труды Дариуса.

Он бросал вызов как самим богам, так и инфантильной публике и продажному государству за поклонение им. Он наделял их всех карикатурными образами, не жалея никого и никому не давая пощады. Он громогласно предлагал богам, коли они существуют, поразить его, он смеялся, когда его слова не находили ответа. На все это сограждане отвечали куда большей ненавистью, чем они испытывали к его прежним работам. Начало его карьеры задевало лишь их чувства, сейчас же он уязвлял людей прямо в сердце.

Он находил все больше объектов для насмешки. Храмы, благородные и простолюдины становились мишенью для его сатирических произведений. Наконец, в возрасте тридцати девяти лет, Дариус написал пьесу, названную «Благороднейший глупец», где высмеивал бога-императора Тайбера Септима, вошедшего в жалкий, с его точки зрения, культ Девяти Божеств. Король Дейнии, которого выскочка Дариус также успел унижить, не упустил своего шанса – за святотатство и антиимперскую пропаганду Дариус Шано был обезглавлен церемониальным клинком на глазах вопящей многосотенной толпы. Последние горчайшие слова его были заглушены кровью, что хлынула через рот.

Через двадцать лет после начала спора Вермина и Шеогорат встретились над обезглавленным телом Дариуса Шано. Плетельщица Снов с нетерпением ожидала встречи; она годами ожидала возможности упрекнуть принца даэдра за его бездействие.

«Ты обманул меня, Шеогорат! Я выполнила свою часть сделки, но ты за десять лет ни разу не вступил со смертным в общение. Он ничем не обязан своим величием ни тебе, ни твоим талантам и влиянию!»

«Ерунда, – проворчал Безумный Бог. – Я все время был с ним! Когда вышло твое время и началось мое, звук твоего голоса в его ушах сменился тишиной. Я устранил связь с тем, из чего он извлекал наибольшее удовольствие и в чем видел смысл существования, я лишил его внимания, в котором это создание столь отчаянно нуждалось. Оставшись без госпожи, этот человек мог впасть в

негодование и злобу. Горечь его стала абсолютна, безумие овладело им, перелилось через край ненавистью. Ныне он принадлежит царству моему как вечный слуга».

Шеогорат обернулся и заговорил с пустотой рядом.

«Воистину, Дариус Шано был славным смертным. Презираемый соплеменниками, королями и даже богами, которых он высмеивал. В ознаменование моего успеха приму я шестьдесят последователей Вермины себе на службу. И спящие проснутся безумными».

Так Шеогорат научил Вермину, что без безумия нет сновидений и нет творчества. Вермина никогда не забудет этот урок.

История Малаката

В дни, предшествовавшие основанию Орсиниума, отверженный народ орков постоянно подвергался гонениям и преследованиям еще более лютым, чем в наше время их потомки. Поэтому многие великие орсимерские воины странствовали, устраняя любые препятствия, встававшие на пути своего народа. О многих из них помнят и поныне, среди них Проклятый Легион, Громма Безволосый и благородный Эммег гро-Кайра. Этот последний воитель стал бы поистине легендой всего Тамриэля, не привлеки он внимания определенных принцев даэдра.

Эммег гро-Кайра был сыном юной безмужней женщины, умершей при его рождении. Он был выращен шаманом своего племени, Гриликамогом, в горах, ныне называемых Нормарскими Высотами. На исходе пятнадцатого года жизни Эммег собственноручно выковал богато украшенные чешуйчатые доспехи, знак совершеннолетия в его племени. В день бури Эммег закрепил последнюю заклепку и, надев тяжелый плащ поверх массивной брони, покинул свою деревню, чтобы никогда не вернуться. А слава о его подвигах всегда достигала дома, защищал ли он купеческие караваны от налетчиков или освобождал поработанных звероловцев. Вести о благородном воителе-орке были на устах даже у бретонцев, правда, зачастую тут присутствовал и оттенок страха.

Прошло около двух лет с момента достижения им совершеннолетия. Гро-Кайра как раз собирался разбить лагерь, когда тонкий голос окликнул его из сгущающихся сумерек. Странно было слышать слова родного языка, произносимые явно не орком.

«Лорд Кайра, – произнес этот голос, – рассказы о твоих свершениях на устах у многих, достигли они и моих ушей». Вглядевшись во мрак, Эммег рассмотрел закутанную в плащ фигуру, силуэт, искаженный и эфемерный в отблесках пламени костра. По голосу он сначала решил, что с ним говорит старуха, но теперь,

присмотревшись, счел, что это скорее тощий и долговязый мужчина, хотя и не смог разглядеть других деталей.

«Возможно, – начал орк, насторожившись. – Но я не ищу славы. Кто ты?»

Проигнорировав вопрос, неизвестный продолжил: «Несмотря на это, орсимер, слава сама находит тебя, и я принес дар, достойный ее». Плащ незнакомца слегка раздвинулся, приоткрыв несколько блеснувших в лунном свете пуговиц, из-под него была извлечена какая-то связка и брошена сбоку от огня между собеседниками. Эммег осторожно размотал ветошь, в которую было завернуто содержимое, и был поражен, обнаружив широкий изогнутый клинок с изысканно украшенной рукоятью. Оружие было тяжелым, и Эммег понял, что тщательно украшенная головка эфеса служит практической цели – для балансировки значительного веса самого клинка. Нынешний вид оружия не слишком впечатляет, решил орк, но если счистить ржавчину и вставить несколько камней взамен отсутствующих, то это будет оружие, достойное воителя вдесятеро более славного, чем он.

«Его называют Хищный Клюв, – заговорил тощий незнакомец, видя возбуждение на лице гро-Кайры. – Я выменял его на секрет и коня впридачу в более теплых местах, чем эти. Однако в моих преклонных годах мне повезет, если я сумею хотя бы поднять его. Будет правильно, если я передам его тебе. Владение им изменит всю твою жизнь». Преодолевая желание вновь прикоснуться к изгибу благородного клинка, Эммег переключил внимание на пришельца.

«Твои слова приятны, старик, – сказал Эммег, не скрывая подозрений. – Но я не дурак. Ты однажды уже выторговал этот клинок, и сегодня желаешь выторговать что-то за него. Чего ты хочешь?» Плечи незнакомца опустились, и Эммег был доволен, что раскрыл истинную цель странного визита. Они посидели еще, в итоге Эммег отдал ворох мехов, горячую еду и полную пригоршню монет за необычный меч. К утру странника и след простыл.

В неделю, последовавшую за памятной встречей, так и не нашлось повода вытащить Хищный Клюв из ножен. Эммег не встретил никого в лесах, а рацион его составили дичь и маленький олень, подстреленные из лука. Он не искал битв, покой вполне устраивал его, но на седьмое утро, когда туман еще держался под нависшими ветвями, слух Эммега уловил в лесных дебрях предательский скрип снега и треск ветвей под тяжестью чьих-то шагов.

Ноздри Эммега расширились, но он находился с наветренной стороны. Не имея возможности увидеть или учуять визитера и зная, что ветер уже отнес его запах и предупредил о его присутствии, орк напрягся и осторожно извлек Клюв из ножен. Эммег сам так никогда и не осознал того, что произошло впоследствии.

Первый проблеск памяти Эммега гро-Кайры с момента извлечения Хищного Клюва из ножен запечатлел изогнутый клинок, рассекающий воздух перед ним и разбрызгивающий кровь по нетронутому снегу, пологом укрывшему землю. Вторым воспоминанием стало ощущение неистовой жажды крови, овладевшее им, но тут же он увидел свою жертву, девушку-орка на несколько лет младше его самого, ее тело в рубцах отвратительных ран, способных десятикратно убить сильного мужчину.

Отвращение Эммега пересилило овладевшее им безумие: собрав всю свою волю, он разжал пальцы, сжимавшие рукоять меча, и позволил клинку отлететь прочь. С диссонирующим звоном тот прорезал воздух и утонул в сугробе. Эммег бежал прочь, сгорая от стыда и ужаса, накинув капюшон плаща, чтобы скрыть лицо от осуждающего взгляда рассветного солнца.

Всякий ужаснулся бы, придя на то место, где Эммег гро-Кайра учинил расправу над одной из себе подобных. Ниже шеи тело девушки было ободрано и изуродовано почти до неузнаваемости, а нетронутое лицо застыло в выражении непреодолимого ужаса.

Именно на этом месте Шеогорат провел нужные ритуалы и призвал Малаката, и два лорда даэдра встретились над обезображенным телом.

Преодолев гнев, сковавший поначалу его язык, Малакат прогрохотал гортанным голосом: «Зачем ты показываешь мне это, Безумец? Тебе радостно видеть мое горе, вызванное смертью моих детей?» С этими словами покровитель орсимеров бросил на собеседника обвиняющий взгляд.

«По рождению она была твоей, брат отверженный, – начал Шеогорат, сохраняя полную серьезность. – Но в душе она была моей дочерью. Моя печаль не меньше твоей, и мой гнев не меньше твоего».

«Я в этом не уверен, – проворчал Малакат. – Но право возмездия за это преступление принадлежит мне, точно. Я не желаю спора. Отступись». Когда устрашающий принц начал надвигаться на него, Шеогорат заговорил вновь.

«Я не встану между тобой и твоей местью. Я даже помогу тебе. У меня есть слуги в этой глуши, и я могу подсказать, где найти нашего общего врага. Я прошу лишь использовать оружие, которое выберу я. Убей преступника моим клинком и низвергни его в мое царство, где я взыщу с него свое. Здесь же право благородной мести воистину твое».

Малакат согласился на это, принял от Шеогората широкий меч и ушел.

Малакат возник на пути убийцы – закутанной в плащ фигуры, смутно видимой сквозь буран. Проревев проклятье столь страшное, что скрючились окружающие деревья, принц выхватил лезвие из ножен и настиг беглеца быстрее, чем дикий лис. Кипя гневом, он описал мечом дугу, отделившую голову его врага от плеч, и вонзил клинок в его грудь, выбив струи крови, оросившие красными брызгами чешуйчатую броню и тяжелый плащ.

Задыхаясь от неожиданной ярости и стремительности собственных действий, Малакат опустился на колени, в то время как тело перед ним тяжело повалилось назад, а голова откатилась на широкий плоский камень. Следующий звук разорвал тишину подобно молнии.

«П-прости...» – просипел голос Эммега гро-Кайры. Глаза Малаката расширились, когда он взглянул на отсеченную голову с текущей изо рта кровью, но все еще почему-то живую. Ее глаза дико вращались, пытаясь сфокусироваться на воплощении Малаката. Когда-то гордые, глаза воителя истекали слезами печали, боли, смущения и узнавания.

К своему ужасу, Малакат только теперь осознал, что убитый им был не только одним из его детей-орсимеров, но и в буквальном смысле сыном, которым он одарил девушку-орка годы назад. Невыносимо долгие мгновения двое смотрели друг на друга, подавленные и потрясенные.

Потом, бесшумный, как смазанная сталь, Шеогорат выступил на поляну. Он поднял голову Эммега гро-Кайры и положил ее в маленькую серую сумку. Шеогорат извлек Хищный Клюв из трупа и повернулся, чтобы уйти прочь. Малакат начал вставать, но вновь опустился на колени, зная, что он необратимо низверг своего собственного отпрыска в домен Шеогората, и оплакивал свою ошибку, пока хриплые мольбы его сына не затихли за замерзшим горизонтом.

